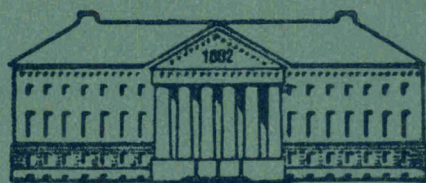

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 398 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XXVII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1977

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 398 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

XXVII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1977

Редакционная коллегия:

Э. А. Вайгла, Б. М. Гаспаров, Е. И. Гурьева, Х. Я. Пак, П. С. Сигалов,
С. В. Смирнов (ответственный редактор)

По техническим причинам в тексте произведена следующая замена букв:

А - А

Ю - Ю

Я - Я

е - е

Е - Е

я - я

У - У

ДЕМИНУТИВЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАСКИ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Э. А. Вайгла

В сложном процессе перевода самые серьезные трудности связаны с явлением несоразмерности языковых систем на том или ином уровне, с различием определенных средств выражения в исходном языке и в языке, на который делается перевод. Предельно трудные случаи для перевода представляют из себя явления, связанные с национальными особенностями языка.

Что касается перевода с русского языка на эстонский, то одной из самых значительных трудностей является передача эмоциональной информации, содержащейся в русских деминутивах. Ниже мы попытаемся на основе анализа переводов сделать некоторые выводы о возможности сохранения при переводе на эстонский язык эмоциональных моментов, выражаемых в русских художественных текстах посредством деминутивов.

Мы допускаем, что может возникнуть сомнение в правомерности постановки вопроса о переводе отдельных конкретных явлений, слов, форм и т. д., если не подходить к переводу с позиций буквализма, если не призывать к переводу «от единицы к единице» (13, 216). Тем не менее, функции форм субъективной оценки в русском языке, в том числе в художественных текстах, настолько разнообразны и своеобразны, что эти формы как выразительное средство художественной речи заслуживают, на наш взгляд, самостоятельного рассмотрения с точки зрения возможности адекватной передачи содержащейся в них информации. С одной стороны, «замена коннотативной лексики на нейтральную невозможна, ибо она приводит к разрушению стилистики художественного произведения» (8, 292). С другой стороны, хорошо известно, что системы субъективно-оценочных суффиксов в разных языках значительно разнятся как в количественном, так и в качественном отношении; различна и употребительность деминутивов. С этой точки зрения говорят, например, об известной эмоциональной скупости североευропейских языков (5, 230); (см. также 1, 176). Поэтому речь о пере-

воде субъективно-оценочных форм может идти лишь применительно к определенным языкам.

Русский язык «по суффиксальному разнообразию один из первых в мире» (5, 230—231); более того, в русской разговорной речи деминутивы — широко употребительные, «привычные» формы. Разнообразны русские деминутивы по своей семантике: кроме денотативного значения и разговорной стилистической окраски они могут содержать в себе информацию о малом размере предмета или эмоциональную информацию (возможна широкая гамма от ласки и нежности до уничижения и презрения, может быть различной и степень интенсивности выражаемой эмоции). Информация о размере часто сопутствует информации эмоциональной.

В эстонском же языке деминутивы далеко не столь продуктивное явление, как в русском. Именно поэтому адекватная передача этих форм (вернее, особой информации, содержащейся в них) при переводе на эстонский язык — дело весьма трудное).

Теоретически в эстонском языке деминутивы возможны от любого существительного и почти от всех качественных прилагательных по предельно простой модели: генитив + суффикс *-ke* [*-kene*] (в некоторых случаях с изменением конечного гласного корня). Фактически же эстонская речь проявляет весьма значительную избирательность при образовании и употреблении деминутивов, в том числе даже в пределах одной и той же тематической группы: существуют слова, от которых (по крайней мере, в определенных условиях) деминутивы воспринимаются как вполне естественные элементы речи, и такие, для которых эти формы явно «противопоказаны». Неуместное употребление хотя бы одного слова с суффиксом субъективной оценки (не говоря уже о нагнетании этих слов) может внести в эстонскую речь нежелательную приторность, слащавость, иногда манерность, пародийность. Насыщенность деминутивами нехарактерна для эстонской речи даже в такой сфере, как общение с детьми, где для русского словоупотребления деминутивы своего рода закон. Эстонскому узусу чужда и «общая» ласкательность, создаваемая посредством деминутивов.

Там же, где эстонские деминутивы возможны и употребительны, они, как и деминутивы русского языка, могут выступать в различных значениях: в значении ласкательном, уменьшительно-ласкательном, уменьшительно-уничижительном и др. Чисто уменьшительное значение встречается сравнительно редко. Не употребляются эстонские деминутивы для передачи почтительности и некоторых других нюансов, характерных для деминутивов русского языка.

Следовательно, основные, наиболее существенные различия в системе деминутивов в сопоставляемых языках касаются

формальных средств, употребительности и выражаемых значений. В целом эти различия сводятся к следующему.

Русский язык

Богатый набор разнообразных уменьшительных суффиксов (отсюда, в частности, возможность варьирования степени эмоциональности (ср. *березка* — *березонька*)).

Возможность сдваивания, нагнетания суффиксов (*ручоночка*, *девчущечка*); отсюда повышение степени интенсивности, а также нюансирование эмоции.

Наличие специфических суффиксов, обычно приносящих в слово значение уничижительности и др. отрицательных эмоций.

Свободное образование и широкая употребительность в разговорной речи деминутивов от существительных весьма различных тематических групп, а также от значительной части качественных прилагательных.

Возможность насыщения текста деминутивами.

«Общая» ласкательность, общая эмоциональная окраска контекста, создаваемая посредством деминутивов.

Привычность, обычность деминутивов в русской разговорной речи и отсюда, как отражение последней, в художественных текстах.

Возможность индивидуальных и социальных характеристик.

Уменьшит., уменьшит.-ласкат., уменьшит.-уничиж., уменьшит.-пренебреж. значение и др. эмоциональные оттенки.

Общий вывод может быть один: расхождения весьма значительны. Все это свидетельствует о проявлении в этой сфере

Эстонский язык

Один суффикс *-ke* [*-kene*].

Отсутствует (но посредством варианта *-kene* обычно выражается более высокая степень эмоции).

Отсутствуют.

Весьма существенная избирательность, как в смысле тематических групп, так и в смысле отдельных существительных в рамках этих групп. Непродуктивным является образование деминутивов от прилагательных.

Отсутствует.

Нехарактерна.

Несвойственна.

В значительно меньшей степени.

Возможны.

национального своеобразия рассматриваемых языков. Ясно также, какова степень сложности задач, которые приходится решать переводчику. Ведь в русском художественном тексте «эмоциональная информация зачастую бывает важнее информации понятийной, рациональной...» (8, 290). Механический же перенос деминутивов при переводе с русского языка на эстонский невозможен; О. Самма подчеркивал это еще в пятидесятые годы (15, 352). В целом возможности использования деминутивов в эстонском художественном тексте изучены слабо. Разумеется, эта задача не может быть полностью решена и в настоящей работе, с ее односторонней ориентацией. В то же время вопрос представляет интерес и в плане сопоставительной русско-эстонской стилистики.

Наш анализ построен на материале романа Л. Леонова «Русский лес», трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Особый интерес с точки зрения наших целей (и особую трудность для переводчика) представляет роман Л. Леонова, авторская речь в котором — это «звучащая речь, с установкой на «сказовость»: повествование ведется в форме живого авторского рассказа, насыщенного разговорными интонациями» (4, 202).

Мы не ставим своей целью оценку качества перевода всей субъективно-оценочной лексики в этих произведениях. Цель анализа мы видим в выяснении вопроса, в какой мере возможна передача эмоциональной информации деминутивов русского языка на эстонский язык вообще (в свете требований к адекватному переводу, с одной стороны, и весьма существенных различий в соответствующих системах рассматриваемых языков, с другой); можно ли обнаружить здесь какие-либо закономерности, а также, каковы конкретные способы передачи эмоциональной информации этих форм на эстонский язык. Основное внимание будет уделено эмоциональным моментам, наблюдения над передачей стилистической окраски слова для нас в данном случае явление вторичное.

Чистая уменьшительность, как было сказано выше, передается посредством эстонских деминутивов редко. Если для русской речи употребление деминутивов для обозначения предметов малого размера — явление обычное, то в эстонских деминутивах размерное значение в большинстве случаев сопровождается некоторым эмоциональным значением. В целом напрашивается вывод, что для эстонского языка информация о большем или меньшем размере предмета менее существенна, чем для русского. Там же, где это почему-либо важно, информация этого типа чаще передается описательно, с помощью определения-прилагательного. Поскольку нас в данной статье интересует вопрос передачи эмоциональной информации, то мы не будем

более подробно останавливаться на выражении чисто размерного значения в обоих языках.

К уменьшительному значению в русском языке также весьма часто привмешиваются эмоциональные оттенки, подчас едва уловимые, иногда более ощутимые. Отсюда и расплывчатость границ явлений уменьшительности и ласкательно-уменьшительности. В контексте, кроме того, ласка может приобретать различные оттенки фамильярности, сочувствия, снисходительности, иногда легкой насмешки, шутки и т. д.

Наш анализ использования эмоционально окрашенных деминутивов будет дан без разграничения на чисто оценочные и размерно-оценочные: для нас интерес представляет именно эмоциональный компонент и сохранение его при переводе. Обзор передачи эмоционального момента русских деминутивов средствами эстонского языка целесообразно построить с учетом основных эмоциональных функций деминутивов: отдельно будут рассмотрены слова, содержащие в той или иной степени положительную окраску, и слова с отрицательным эмоциональным значением. При изложении результатов анализа учитывается продуктивность образования деминутивов от тематических групп существительных (и от прилагательных), а также нюансы выражаемого значения и особенности употребления деминутивов. Отдельно будут рассмотрены некоторые приемы использования деминутивов в русских художественных текстах; делается попытка определить возможность сохранения соответствующих стилистических особенностей текста при переводе на эстонский язык.

* *
*

I. 1. а)

Прежде всего с помощью суффиксальных образований весьма часто выражается ласковое, нежное отношение к собеседнику, при непосредственном к нему обращении. Это характерно и для эстонской речи. Приведем некоторые примеры.* (Следует оговорить, что мы считаем возможным в ряде случаев приводить перевод деминутивов изолированно, вне контекста, ограничиваясь показом передачи интересующего нас эмоционального момента.)

«— Ты чем-то опять расстроена, *сестренка*? ... *опять*? (Л, 207). В переводе *беке* (220).

* В работе приняты следующие сокращения: Л (Л. Леонов, «Русский лес»); Т-1, Т-2, Т-3 (соответствующие части трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»); Б-1, Б-2 (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита», 1-ая и 2-ая книга). Исходные данные изданий, по которым приводятся примеры, а также эстонских переводов указаны в библиографии. Наблюдения над переводом трилогии А. Н. Толстого делаются по последнему изданию ее на эстонском языке (1959 г.). В скобках указываются страницы подлинника и перевода. Курсив наш.

«— А ну, посторонись для папаши, *сынок...*» (Л, 553).
Переведено *rojuke* (585).

«— Выпьем, *сынок!*» (Т-2, 582). Перевод: «*Joome, rojake!*» (275).

«Спи, *деточка...*» (Т-3, 192). В переводе «*Maга, lapsuke...*» (188).

С фальшивой ласковостью:

«— Чугунка придет, ситчиком вас завалит... то-то попируем, *деточки!*» (Л, 89). Перевод — *lapsukesed* (95).

«...стоит ли тебе, наивный хитрец, вступать на пути лесоруба, <...>? Подумай, *дружок*» (Л, 267—268). Переведено деминутивом *sõbrake* (284).

Ср. также:

««Вот уж кто *дурочка*, так это ты, Катюша»» (Т-1, 52).

««*Sina oled küll lollike, Катја*»» (47).

«Но это невозможно, *дурочок*, они же в деле» (Л, 704).
В переводе *tobuke* (742).

Возможен иной перевод, без деминутивов (если последние неупотребительны), способом компенсации: эмоциональный момент передается с помощью определения.

««Кушайте, *матросики*, кушайте, *солдатики*, товарищи родные...»» (Т-2, 378).

««*Sööge, kulla madrused, sööge, kulla sõdurid, kallid seltsimehed...*»» (73).

Ср. также (с фамильярной, менее выраженной, несколько иронической ласковостью):

«Теперь наливай, *барынька*, да велика нам яишенку спроворить, а то отощали мы у тебя...» (Л, 83). Перевод *kulla proia* (88).

«...на одной вожже нам с тобой, *милая барынька*, висеть проклажаться» (Л, 82). Переведено *kallis proia* (88). В этих фразах эстонское *proiake[ne]* излишне усилило бы ироническое звучание: в современном эстонском языке это слово обычно употребляется с отрицательной эмоциональной окраской.

Ср. следующий пример, где эмоциональная окраска менее выражена:

««*Офицерик*, я вам справлю удовольствие...»» (Т-3, 93). В переводе (90) деминутив отсутствует (интересно, что в переводе 1948 года он дан: 27, 543).

Возможны эстонские деминутивы и там, где речь идет о третьем лице, в случае определенного акцентирования ласкового отношения к нему.

«...хоть *внучек* бы в избице пошумел» (Л, 395). В переводе *rojarojake* (419).

««...А что была за *бабочка* — медовая...»» (Т-3, 148).

«*Ага missugune naisuke oli varem — mesimagus...*» (144).

С фальшивой ласковостью: «*Сестрица* тоже здоровствует? видно, в очередь ушла?» (Л, 529). Перевод — *sõtsike* (558).

При подчеркнутой эмоциональности возможны эстонские деминутивы (о третьем лице) и в несобственно-прямой, а также в авторской речи.

«Даша <...>, прослезилась, в особенности над этим ни в чем не повинным *ребеночком*...» (Т-1, 101). В переводе — *lapsuke* (92).

Ласка может иметь оттенки фамильярности, снисходительности, легкого пренебрежения, насмешки и др.

«...штабной *офицерик* <...> диктовал что-то хорошенькой *блондиночке*...» (Т-3, 392). В переводе один деминутив — *blondiinike* (382).

«...Деникин, <...>, похожий на уютного *дядюшку*...» (Т-3, 327).

Перевод «*mõnusa onukese sarnane*» (318).

Ср.: «...Варя лишь головой покачивала на причуды младшей *сестренки*...» (Л, 44). В переводе (47) деминутив отсутствует, но, представляется, он здесь вполне возможен, поскольку эмоциональный оттенок выражен с достаточной интенсивностью.

В тех же случаях, где эмоциональное отношение выражается менее непосредственно, «мимоходом», вскользь, в эстонской речи деминутивы почти не употребляются.

«И как смешно, что *мамочка* перед отъездом пугала ее ужасами столичного существования...» (Л, 45). Даже здесь в переводе *ema* 'мама' (48).

Нет деминутивов в эстонском тексте и в следующих примерах.

«...Агафья не пускала Ивана с *сестренкой*» (Л, 98).

«— Уже большой *сын-то*? — жалея его, вставила Леночка (Л, 357).

Впрочем, суффиксальные слова типа *сын-ок*, *сестрен-ка*, *доч-ка* и некоторые другие в русской разговорной речи нередко употребляются без особого эмоционального задания, скорее в качестве своеобразных синонимов бессуффиксальных слов, как привычные формы устной повседневной речи, иногда с некоторым налетом фамильярности. В эстонской речи аналогичное явление отсутствует; отсюда и бессуффиксальный способ перевода. Приведем еще примеры.

«...оно <...> заключалось <...> в извечной склонности простых людей жить мирно, сажать деревья и так растить *сын-ков*, чтоб по возможности тешили их старость...» (Л, 603).

«...а *дедка* уже старей...» (Л, 733).

«...Коля Лавцов <...> вовремя не пришел *дружку* на помощь...» (Л, 540).

В обращении Вихрова к Поле: «Ну, здоровствуй, *дочка*...» (Л, 469).

«У самого небось *сестренки* на выданье...» (Л, 210; старый Парамоныч о немецком летчике).

«... обобрали всю ... психопат начал, *внучики* закончили...» (Л, 217).

Без особой эмоции употреблены деминутивы и в следующих контекстах; перевод также без деминутива.

«... Хорошо — комендант попался наш *морячок*...» (Т-3, 414).

«... как порасправятся с барами вернувшиеся из окопов *солдатики*...» (Л, 215).

«... *Казачки* же никого не пощадят, — с меня сдерут кожу, а вас перепорют поголовно...» (Т-3, 42).

«Ее [Эммы] глаза засверкали от возмущения:

«Не понимаю, чего ты раскипятился, *дружок*, черт тебя возьми!...» (Л, 703). В переводе (741) слово *дружок* вообще опущено; здесь это слово не претендует на выражение ласки или нежного отношения.

Естественно, стилистическая — разговорная — окраска сама по себе требует адекватной передачи в тексте перевода. Отсюда стремление переводчиков передать ее посредством иных, бессуффиксальных стилистически сниженных слов. Нередко эти попытки увенчиваются успехом. Иногда этот способ позволяет сохранить и эмоциональные нюансы.

«Она растеряла бы половину вещей, если бы откуда-то сверху не свалился к ней *чумазый паренек* с комсомольским значком на спечовке...» (Л, 3—4).

В этом отрывке *чумазый паренек* переведено как *nõgine mehehakatis* (5) ' ~ вымазанный в саже начинающийся мужчина', что представляется удачной находкой переводчика, позволяющей адекватно передать особенности контекста, окрашенного легким юмором.

Не кажется удачным перевод *nõgine sell* (433) на месте русского *чумазый паренек* в следующем контексте:

«... чумазому *пареньку* с тендера она [Афродита милосская] стала не то чтоб родней, а как-то бесспорней» (Л, 408). Слово *sell* привносит в текст оттенок отсутствующего в подлиннике отрицательного отношения.

Некоторый оттенок фамильярности сохраняется в переводах типа «*старичок*» (Л, 634) — *külataat* (669) и «мой *старичок*» (Л, 374) — *ти vana* (397). В речи ночного балагура в вагоне: «— Ничего, не страшись, *папаша*, ничего с тобой не случится, раз я тут» (Л, 725). В переводе — *papa* (766); можно было использовать и несколько более фамильярное *papi*.

Все же нельзя не сказать, что прием подобной замены требует особо тщательного учета контекста. Так, не кажется безупречным перевод *паренек* (Л, 594 и след.) — *jõnglane* (627 и след.) о пленном мальчике в сарае, вносящий несколько грубо-

ватые нотки в описание эпизода, тем более что он дан через восприятие Поли, для которой грубость нехарактерна. То же самое можно сказать о следующем контексте:

«... а уж от *бабуни* отплывается всякий казак, — и они находили буденновских разведчиков и передавали им сведения» (Т-3, 382). Слово *vanaeit* 'старуха' (372), употребленное в переводе, огрубляет его; исчезает и своеобразный мягкий ласково-юмористический эмоциональный оттенок.

Не вполне удачным кажется и перевод *старушки* — *vanad naised* (73) 'старые женщины': «... *старушки* в урожайный год словоохотливые...» (Л, 68), где *старушки* воспринимается как своего рода эвфемизм. Ср. удачный перевод *старушка* — *mutike* (342) на фоне общей разговорно-фамильярной окраски контекста (*старушке* сообщают, что ее «кота замели»: Б-2, 139).

Вместо нейтрального *rauk* (585) уместно было бы более ласковое, мягкое *vanake* в сцене, где бойцы достают из колодца мертвые тела погубленных фашистами мирных жителей: «... сказал <...> сапер, принимая из колодца на свои руки стылого *старичка*...» (Л, 553—554).

Итак, эстонские деминутивы от существительных со значением лица употребляются относительно свободно (как в прямой речи, так и в авторской и в несобственно-прямой речи; как в качестве обращения, так и о третьем лице), если эмоциональный момент выражен с достаточной интенсивностью; возможны различные нюансы выражаемого ласкового отношения. В случае неупотребительности деминутивов может иметь место компенсация (использование эмоционального прилагательного-определения). Эстонские деминутивы (а также способ компенсации) невозможны при малой интенсивности выражаемой эмоции.

б) Особый случай представляет собой передача русских уменьшительно-ласкательных форм от собственных имен. В целом возможности их передачи эстонскими деминутивами характеризуются закономерностями, описанными выше, но возникают и некоторые специфические трудности.

В эстонской речи деминутивы от собственных имен, как и от нарицательных, обычно употребляются в случаях более или менее явного эмоционального отношения к данному лицу, что обычно имеет место при непосредственном ласковом обращении к собеседнику. В русской же речи суффиксальные образования от имен собственных могут не содержать особого эмоционального «заряда», а быть лишь привычной формой обращения или названия лица; ср. употребление формы *Леночка* в романе «Русский лес» в помещицкой среде, где по отношению к девушке никакой особой ласковости не выражается; речь может идти лишь о некотором фамильярно-снисходительном отношении к ней (что, впрочем, встречается нередко; ср., например, *Аннушка* в романе «Мастер и Маргарита»).

Возможно, именно поэтому некоторые переводчики в подобных случаях отказываются от ласкательных форм. Так, например, у Л. Леонова на протяжении всего романа Елена Ивановна в эпизодах, относящихся к ее молодости, называется Леночкой; в переводе же деминутива нет, и это даже в воспоминаниях Таиски, исключительно ласковой и доброжелательной к Леночке (правда, с редкими исключениями в случаях, где ее ласковое отношение к невестке особо подчеркнуто).

В последнем переводе (изд. 1959 года) романа «Хождение по мукам» принято еще более радикальное решение по вопросу передачи ласкательных собственных имен: их почти нет. Вместо *Дашенька*, *Данюша* — *Daša*, вместо *Катюша* — *Katja* и т. д. (Но ср. транслитерацию *Nikolaška* [60]: «... в окопах чествят *Николашку*...» — Т-3, 62). Деминутивы обычно даются лишь в исключительных случаях, когда в обращении содержится эмоциональный момент предельно высокой интенсивности. (Например, Телегин: «*Дашенька*, родная, спи, милая» — Т-3, 181. В переводе — *Dašake* — 177.) Кстати, в издании 1948 года деминутивы от собственных имен сохранены.

По нашему убеждению, нет оснований отказываться в переводах от суффиксальных имен собственных. Где это возможно, целесообразно сохранять национальные особенности языка подлинника, деминутивы же от собственных имен в переводном тексте воспринимаются как особенность русской речи, сохраненная при переводе; что весьма важно, это особенность, не «режущая слуха» эстонца. Более того, отказ от деминутивов приводит и к некоторому искажению характера взаимоотношений между персонажами, например, остается непередаанным ласковое, исполненное нежности отношение друг к другу сестер Даши и Кати в трилогии Алексея Толстого. Отсутствие деминутивов в подобных случаях создает, по сравнению с подлинником, даже известное впечатление о некоторой сухости, черствости. Ср., например, *Ivan*, *Sergei* в речи Таиски, весь облик которой от этого меняется.

Возникает также вопрос о допустимости транслитерации русских деминутивов от собственных имен. Дело в том, что некоторые русские собственные имена с эстонским суффиксом *-ke* [*-kene*] дают образования, звучащие не вполне естественно (*Margike* от *Марк*, *Sergeike* от *Сергей*, *Andreike* от *Андрей* и др.). Отсюда две возможности — отказ от соответствующих деминутивов вообще (в переводе романа «Русский лес» вместо *Маркушка* — *Mark*, вместо *Матвеюшка* — *Matvei*, вместо *Сергея*, *Серженька* — *Sergei*; наряду с формами *Poljake*, *Varjake*, *Zojake*) или транслитерация типа *Annuška*, *Ivanuška*, как сделано в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»; ср. также перевод рассказа М. Шолохова «Судьба человека» издания 1974 года: *Irinka*, *Andrijuša*, *Vanjuška*, *Tolka* (28)

и др. Думается, что возможны как формы типа *Oljake, Dašake*, так и типа *Katjuša, Markuša, Matvejuška*, а также *Griška, Bor-ka, Nataška* и т. п., вместо нейтральных исходных форм.

Следующий вопрос связан с предыдущим: нужно ли сохранять в переводе необычные, редкие уменьшительно-ласкательные образования от собственных имен, ограничивая их от обычных; ср. *Дашенька*, но *Данюша*, *Дашурка* или *Ванюша*, но *Иваша*. Мы бы дали на этот вопрос положительный ответ. Если обычные деминутивы могут быть переданы посредством эстонского суффикса: *Dašake, Vanjake, Serjožake* (с учетом благозвучия этих образований), то для передачи более редких требуется транслитерация: *Dunjaša, Dašurka, Ivaša*.

Ведь деминутивные образования, в определенной степени противопоставленные обычным, выполняют особые функции в художественном тексте, поэтому они при переводе не должны быть унифицированы (допускаем, что такое унифицирование необходимо в тех особых условиях, где иноязычный читатель может оказаться перед трудностями при отнесении деминутива к тому или иному персонажу). Нельзя забывать и о том, что в результате существующих контактов между русскими и эстонцами, а также в силу знания большинством эстонцев русского языка (правда, в разной степени) различия между суффиксальными формами от русских собственных имен нередко могут быть понятны для эстонского читателя.

2) В русской разговорной речи употребительны и ласкательные деминутивы от существительных вещественного значения и обозначений предметов.

«... помянул про какой-то особенный *медок*, духовитей на свете не сыскать...» (Л, 75).

««Добудь мне, дедушка Ефрем, той чистородной *водицы!*»» (Л, 183).

««*Бензинчику* бы плеснуть!...» — с сожалением вставила жилищка» (Л, 631).

«— Будем сейчас печь *картошечку*, Дарья Дмитриевна...» (Т-3, 7).

«— *Хлебушка* я на три дня запасла...» (Т-3, 57).

Ср. также *чаек, молочко, творожок, спиртик, мякинка, кашечка, сметанка* и т. п.

Для эстонской речи такое употребление деминутивов от слов вещественного значения нехарактерно, поэтому в переводе приведенных отрывков деминутивы отсутствуют. В сравнительно редких случаях, с особым эмоциональным заданием, возможны эстонские деминутивы от слов, обозначающих предмет (совсем редко — от существительных со значением вещества).

«... кроме лишь стареньких *рыжиков*, или *рваников*, как ласкательно за верную службу называла свои разношенные

туфельки» (Л, 33). В переводе *kotakesed* (36); слово *туфельки* переведено бессуффиксальным способом.

Ср. следующий пример, где деминутива в переводе нет: «— Ой, жалко *гребеночки-то...*» (Л, 240).

В переводе слов Кнышева «Только первая *денежка* трудна...» (Л, 146) также отсутствует деминутив: «*Ainult esimest raha on gaske teenida...*» (156). На наш взгляд, в данном контексте эстонский деминутив вполне возможен (эмоциональный момент выражается с достаточной интенсивностью), например: «*Ainult esimene rahake on visa tulema...*»

Чаще возможны эстонские деминутивы от слов, обозначающих предметы малого размера (уменьшительно-ласкательное значение). Характерны следующие примеры (определенная поэтизация, а также переносное употребление).

«... повел их <...> в тот потаенный *уголок*, где на заре жизни повстречался с Калиной (Л, 270). В переводе — *varjatud nurgakesse* (287).

«И раскрашенный волшебный *ящичек* снова выплыл перед Дашей...» (Т-3, 181). В переводе *võlukastike* (177); обращает на себя внимание тот факт, что выше на этой же странице это же словосочетание переведено бессуффиксальным способом (*võlukastis*).

«... но теперь ее заветный *ключик* не подействовал» (Л, 591). Переведено *truu võtmeke* (624).

Но: «... и пусть она [природа] послушно выносит тебе на блюде все свои заветные *ключики*» (Л, 338), где в переводе *salavõtmed* (359).

«... ты как *зернышко* у него [у народа] в ладони» (Л, 119). Перевод *ivake* (127).

«Он стал целовать <...>, уголки ее рта, где страдания проложили две *ниточки...*» (Т-3, 116). В переводе *kaks joonekest* (112).

Ср. также в следующих примерах: «зелененький *огонек*» (Т-3, 401) — *roheline tuluke* (391) (о кольце с изумрудом); «... ночь зажигала печальные *огонечки...*» (Б-2, 135) — *kuivad tulukesed* (334).

В некоторых случаях возможны уменьшит.-ласкательные образования и в более «прозаических» контекстах.

«Вот, думаю, если подкладку снять и сделать из нее прелестную *юбочку?*» (Т-3, 329). Переведено *kepa seelikuke* (320). Ср. также «Калинова *избушка*» (Л, 91) — *onniuke* (97); «*садик*» (Т-3, 306) — *aiake* (298); «*снопик* <...> полевых цветов» (23) — *põllulillede kimbuke* (26) и некоторые другие, в целом немногочисленные примеры.

Нередко ласка, выраженная в слове с эмоциональным суффиксом, относится не столько к названному предмету или

веществу, сколько к лицу, которому предмет принадлежит или для кого он предназначен.

«— Сымай свою *шляпочку*, складай свои *вещицы*, у нас не украдут...» (Л, 35).

«...а соседка <...>, прислала Варюшке, своей любимице, енежского *медку* <...> и домашней сушки *грибков*...» (Л, 21).

— Приезжайте к нам в гости после войны: <...>, *шанежками* угощу...» (Л, 709).

«... *шляпочка* на ей аккуратная, желтая соломка, и *сарфанчик* нарядный такой...» (Л, 54).

«— Дашенька, тут с *лимончиком*...» (Т-2, 321).

«— Никак, родная, *квасок* у тебя?» (Л, 729).

Во всех приведенных отрывках в эстонском тексте деминутивов нет. Иногда они возможны (в случае большей интенсивности эмоции):

«— Кажется, у вас забрался песок в *туфельки*» (Т-1, 105).
Переведено — *kingakesed* (96).

Нередко в эстонском деминутиве при этом возникает некоторый побочный оттенок умаления значения называемого. Впрочем, этот оттенок возможен и в русских деминутивах; ср. следующие примеры.

«... сидит на подоконнике самая милая на свете, в *ситцевом платьице*...» (Т-3, 109). В переводе *sitskleidikeses* (106).

«Идут девушки с поля, и она с ними, — *полушалочка, кофтенка* канареечная...» (Т-3, 187). Перевод *väike õtarätt, kollane pluusike* (183).

Следовательно, эстонские деминутивы от существительных, обозначающих предмет, употребляются обычно в случае большей интенсивности эмоциональной нагрузки (что характерно, как мы видели, также для существительных со значением лица). В уменьшительно-ласкательном значении эстонские деминутивы употребляются несколько шире.

3) В отличие от русских, эстонские деминутивы употребляются избирательно от названий частей тела.

«— Почему-то я всегда представлял твои бедные *ножки*...» (Т-3, 273). В переводе *jalakesed* (267).

«Завтра глаза будут красные, *носик* распухнет» (Т-1, 30).
Переведено *ninake* (27).

«— Отдохнули немножко, Дарья Дмитриевна? Что-то *личико* озабоченное?» (Т-3, 198). Перевод — *näoke* (194).

С несколько иной, иронически-ласковой, эмоциональной окраской:

«... чтоб не засорять пустяками столь прелестную *головку*» (Л, 262). В эстонском тексте *peake* (279).

Или: «Но тут Куличек вытянул хищный *носик*...» (Т-2, 503), где в переводе также деминутивная форма: *kiskjaninake* (198).

Не являются употребительными эстонские деминутивы, например, от названий таких частей тела, как *rõlv* (ср. коленка), *õlg* (ср. плечико), *küüned* (ср. ногти), *kulm* (ср. бровка), *silmad* (ср. глазки) и др.

Кроме того, употребление деминутивов от названных частей тела в эстонской речи зависит и от их эмоциональной нагрузки в контексте. Ср. следующие примеры из многих, где слова *носик* и *личико*, в отличие от примеров, приведенных выше, переведены бессуффиксальными словами.

«— Что же, подожду до осени, — сказала она [Анисья] Даше и концом косынки вытерла *носик*» (Т-3, 414).

«Кузьма Кузьмич <...> увидел Анну, из-за юбки ее — восторженное *личико* веснушчатой девчонки...» (Т-3, 137).

Неуместен был бы деминутив *silmakesed* 'глазки' в следующем контексте: «... с чего это ты от меня *глазки-то* вниз?» (Л, 341). Переведено *silmad* (362). Возможна деминутивная форма в переводе следующего восхищенного возгласа: «— Ай да *глазки!*» (Т-1, 18). В эстонском тексте: ««No küll on *silmad!*» (15). Ср. перевод 1948 года, где эта реплика звучит: ««No küll on *silmakesed!*»» (27, 13).

4) С помощью деминутивов эмоция ласки, любовного отношения выражается в русской речи к явлениям природы. Особенно характерно это для романа Л. Леонова «Русский лес». Деминутивы здесь одновременно создают общую ласковую тональность высказывания или описания.

«С чего же ты тогда рассерчал на меня, ай *лесок* пожалел?» (Л, 147).

«... потому что воля и *солнышко* всегда были нам дороже сытного и неслышного существования» (Л, 290).

«Их день начинался с *зорьки*...» (Л, 87).

«... Пустошá мои навешу, помокну под *дождичком*, с птицами посоветуюсь...» (Л, 56).

«... или вдруг <...>, целое семейство *кислички*...» (Л, 70).

«... на утренней *зоречке*...» (Т-3, 34).

Общая эмоциональная тональность речи иногда возвышается до своего рода народно-поэтической лиричности (в романе «Русский лес»):

«... Природа успела прибрать *пеньшки*, причесала *травку* к приходу дорогого гостя» (Л, 190).

В эстонской речи деминутивы от названий явлений природы, а также от слов, обозначающих атмосферные явления и временные понятия, неупотребительны; исключения сравнительно редки. Поэтому остаются без деминутивного перевода многочисленные уменьшительные и ласкательные формы, образованные от существительных этих тематических групп. В тексте романа «Русский лес», например: *лесок, деревце, озерко, речка,*

лужок, овражек, рощица, осинничек, бережок, пенек (причем «пеньки» могут быть и «...по семи с половиной метров в окружности...»: Л, 296), синички, дымок, сосенки, родничок; облачко, звездочки, холодок, ледок, сквознячок, тучка, дождик, дождичек, ветерок, ветерочек; годок, утречко, денек, денечек, вечерок, ночька и многие другие деминутивы, в изобилии встречающиеся в романе, как в прямой, так и в авторской речи, стилизованной под народную. В переводе в таких случаях остается сохранить певучесть, ритмичность фразы.

Эстонские деминутивы возможны от слов, обозначающих явления природы, обычно лишь в уменьшительном или — чаще — уменьшительно-ласкательном значении: *kivike* 'камышек', *puuke* 'деревце', *jõeke* 'речка'.

«А как сажали, то на каждом *деревце* всего по двадцать *листочков* было...» (Л, 16).

«*Kui parki istutasime, oli iga puu küljes vaid paarkümmend lehekest...*» (18).

Обращает на себя внимание, что во избежание слащавости слово *puu* 'дерево' дано без суффикса. В следующем же контексте, где эмоциональное звучание фразы более напряженно, оказалось возможным сохранить два деминутива (примечательно, что фраза потребовала особой перестройки: вместо *землица* — *клочочек земли* [*maalapike*], вместо *вишенка* — *веточка вишни* [*kirsipu oksake*]).

«...да кабы приласкал *землицу-то* свою <...>, да хоть бы *вишенку* посадил...» (Л, 16).

«...ja armastaks oma *maalapikest* kogu hingest, paneks kasvama kas või *kirsipu oksakese...*» (18).

С другой стороны, и размерное (уменьшительное) значение средствами эстонского языка передается чаще описательно — с помощью определения; весьма часто это значение при переводе нейтрализуется. Характерный пример: слово *родничок* лишь в одном случае (роман «Русский лес») переведено как '*väike läte* (78) 'маленький родник', в большинстве же случаев нет указания и на размер.

5) Деминутивы от названий животных, весьма характерные для русской разговорной речи, в эстонском тексте возможны также лишь с особым эмоциональным заданием.

«...обезоружили нас злые люди до последнего *куреночка*» (Л, 625). В переводе *kuni viimase kanarojani* (659); *kanarog* — 'цыпленок'; возможно, здесь уместно было бы более экспрессивное *kuni viimase kanarujukeseni*.

Ср. в детской речи, с подчеркнутым выражением ласки:

«...твоего росточку были [сосенки], Поленька. Как водила я тебя туда гулять, ты с ними за ручку здоровалась, *ёжичками* звала» (Л, 40—41). В переводе *siilikesed* 'ежички' (44).

В некоторых случаях возможно привлечение стилистически окрашенного слова. Удачным кажется следующий перевод (сохраняется стилистическая окраска разговорности и определенная экспрессивность): «воробышек» (Б-1, 126) — *siutsuja* (203) (от *siutsuma* — 'чирикать'). По-видимому, вместо *hobune* (99) 'лошадь' можно было использовать народно-поэтическое *hobi* или *hobuke* в следующем контексте (рассказ старого Калины): «...лошадка подо мною оступилася...» (Л, 94).

* *
*

Нередко уменьшительные суффиксы вносят в слово (в существительные самых различных тематических групп) оттенок некоторого умаления, снижения значения названного в сопровождении определенной разговорной фамильярной окраски, иногда с оттенком снисхождения, насмешки, шутки и т. д. При этом «реального» уменьшения может и не быть. О суффиксе *-ец* С. С. Плямоватая пишет, например, что он «внешне» является как бы ласкательным, а по существу <...> снижает достоинство «ласкаемого» предмета» (7, 77).

В эстонском словоупотреблении аналогичное значение деминутивов возможно, однако реализуется оно значительно реже. Приведем примеры.

«...но рождалось невольное подозрение, что ужасно много всякого добра скрывалось в стенных *чуланчиках, тайничках с замочками*, да и в самом кабинете нашлась скрытая ниша со *шторкой*...» (Л, 488).

«...этажерка с *вещицами* самого непритязательного обихода...» (Л, 24).

«...пихнул ругательницу, Агафье же *пшеница* отвесил...» (Л, 64).

«...смешные, дутого *золотца* и с *эмалькой* серьги...» (Л, 579).

«...все это можно было достать и у себя, в лошкаревском кооперативе, но там у товаров не было оттенка московской новизны, и все они слегка припахивали сырмятной кожей либо *керосинцем*» (Л, 45).

«...купила ли вина на всякий случай. Таиска призналась, что взяла *кагорцу*...» (Л, 52).

«В вашем возрасте мы тоже мечтали о великих делах... *динамитцем* играли...» (Л, 17).

«— Вы и в самом деле так верите в него ... ну в огонь-то, или просто *словечками* играет?» (Л, 222).

«...не хватает <...> соломы с крыш, всегда служившей *запасцем* на черный день ...» (Л, 306).

«Конечно, Леночка так никогда и не побывала на сверкающих вершинах большой культуры, но и с достигнутой ею *высот-*

ки, <...>, становился понятным чертеж мира...» (Л, 344).
«Задуманное свиданьице с сестрой не состоялось...» (Л, 191).

«... все, что есть в человеке покойного, <...>, охраняющего <...>, свое *счастьице*, со вздохом отодвигается...» (Т-3, 33). Переведено ота *väikest õnne* (32) 'свое маленькое счастье'.

Ср. шутливо: «Глянь, только *имечко* его произнесли, а он тут как тут...» (Л, 456).

См. еще: «*судьбица*», «*никлые овсецы*», «*сольца горя*», «*приземистое строеньице*», «*сказаньице*», «*наставленьице*», «*капиталец*», «*мерзлый туманец*», «*недоломанная церквушка*», «*малосудоходная речушка*» и т. п., даже «*пеньице в замках*» (Л, 60; все примеры из этого произведения).

Или следующий, весьма наглядный пример, где даже в слове *стружки* суффикс актуализируется:

«... лес изошел *пепелком*, *дымком* да стружкой...» (Л, 60).

Во всех приведенных примерах эстонские деминутивы отсутствуют (причина тому — непродуктивность деминутивов от многих тематических групп существительных и «индивидуальная» избирательность, а также слабая интенсивность эмоции). Существуют и исключения, например:

«... совсем безобидный *предметик*...» (о Полином камешке) (Л, 580). В переводе деминутив *asjake* (612).

«Да и с собой из Костромы можно взять ржаной муки *пудика* два...» (Т-3, 357). В новом переводе деминутив отсутствует (347), в переводе 1948 года он дан: *рааг puudakest* (27, 740). Ср. также примеры, приведенные выше (стр. 15):

* * *

Частной особенностью русской речи является использование уменьшительных суффиксальных существительных для придачи речи подчеркнуто вежливой, почтительной окраски.

«— Чем буду потчевать? *Балычок* имею особенный...» (Б-2, 125).

«... вежливо попросил приходный *ордерок*» (Б-1, 114).

«— Гражданин, *документики* покажите» (Т-3, 145).

«— Ваши *часики*? Прошу получить...» (Б-1, 76).

И даже такой пример, где почтительность, вернее, угодничество, доходит до гротеска:

««Как вы спали, матушка, где вас *блошки* кусали?»» (Л, 214).

Во всех приведенных и аналогичных им случаях в эстонском тексте бессуффиксальные слова: употребление уменьшительных образований в этой функции несвойственно эстонской речи (ду-

мается, в последнем примере, с его особым заданием, деминутив в эстонском тексте был бы, может быть, возможен).

* *
*

Как было сказано выше, различия в употреблении уменьшительных и уменьшительно-ласкательных деминутивов в русской и эстонской речи проявляются и в сфере общения с детьми, а также в разговорах о детях и в самой детской речи. Использование эстонских деминутивов здесь не является правилом, как для русского словоупотребления. В русской речи в общении с детьми особенно употребительны деминутивы от названий частей тела. Что касается эстонского словоупотребления, то, как было показано, деминутивы от этих существительных в целом непродуктивны. (Образования детского языка *lallu* 'ножка', *kätu* 'ручка' и некоторые другие употребляются в обращении к самым маленьким.)

Использован деминутивный перевод, например, в следующих случаях.

«... пестрое *колечко* [хоровода малышей] то смыкалось, <...>, то расходилось с поднятыми *ручками*...» (Л, 17).
Переведено деминутивом слово *ручки* — *käkesed* (20).

«Маленький мальчик на кривых *ножках* засеменял было за ней, но шлепнулся на песок дряблым *тельцем* и горько заплакал» (Т-2, 538). В переводе один деминутив *kehake* 'тельце', наличие двух было бы неуместным (233).

«... дыбом вставшие *волосики* у мертвого ребенка...» (Т-2, 429).

«... *püsti tõusnud juuksekesed surnud lapse peas...*» (125).

Примеры, где в эстонском тексте употребление деминутивов невозможно:

«... солнышко палило прямо в *горлышко малютке*» (Л, 182).

«... и нежелательно, скажем, Леночке тебя в *постельке* видеть» (Л, 41).

«Словно в *плечико* толкнули, мальчик двинулся влево...» (Л, 91).

«... Наталья Сергеевна рассказывала ей про великаншу, которая так любила малышей, что на ночь непременно прятала парочку их себе в *животик*...» (Л, 136).

«Ты смотри, этого не ешь, от них помирают... в желтый *песочек* уложат...» (Л, 86).

* *
*

Что касается образования и употребительности деминутивов от прилагательных, то здесь в русской и эстонской речи также

наблюдаются весьма серьезные расхождения. В эстонском языке, как было сказано выше, деминутивы от прилагательных — явление в целом непродуктивное; самые употребительные могут быть заданы списком: *pooruke* 'молоденький', *armsake* 'миленький', *kitsuke* 'узеный', *kõhnuke/kleenuke* 'худенький', *rumaluke* 'глупенький', *kenake* 'хорошенький', *madaluke* 'низенький', *kehvake* 'плохонький', *ahtake* 'узеный/тоненький', *näär-suke* 'маленький и худенький' и некоторые другие.

Сказанное находит отражение в переводах.

«— должно быть, совсем еще *молоденькая*...» (Т-3, 114). В переводе *pooruke* (111).

«Девочка лет восьми <...>, такая *худенькая*, что и ветер дул там побережней...» (Л, 729). Переведено редким словом *õbniuke* (770), особо подчеркивающим худобу девочки.

«Это была Даша, *худенькая*, хрупкая, живая!» (Т-3, 115). Перевод *kõhnike* (112).

«— Екатерина Дмитриевна, — проговорил Рощин, беря в руку ее *худенькую* руку...» (Т-1, 307). В переводе — *kõhnike käsi* (289) (хотя прилагательное *kõhnike* 'худенький' в эстонском языке редко сочетается с существительными, называющими части тела). Ср.:

«Даша выпростала из-под одеяла голые *худенькие* ноги...» (Т-3, 273); где в переводе (267) деминутив отсутствует.

Обычно (как и в приведенных примерах) эстонские деминутивные прилагательные имеют значение усиления качества, будучи одновременно окрашены эмоцией ласковости. Русские субъективно-оценочные прилагательные этого значения, в отличие от эстонских, возможны от весьма различных качественных прилагательных.

«... отворяет нам *аккуратенькая* горничная, вся, голубушка, побледнела и заметалась...» (Т-2, 420).

«— *Горяченькая*, не остудилась ли?..» (Л, 341).

«— Была у нас Саша, девочка, с *ясенькими* глазами...» (Т-3, 187).

«Ты была *зелененькая*, *бледненькая*, далекая, разлюбившая...» (Т-3, 138).

«И *умненькая*, наверно, — некрасивые все умницы...» (Т-3, 114).

«— Мы сперва думали, ты тихоня, а ты вон какая... *востренькая*» (Л, 573).

Ни в одном из приведенных отрывков в эстонском тексте нет деминутивного прилагательного. (Впрочем, в последнем случае переводчиком найдена удачная замена — существительное *paaskel* [605] 'шило', которое имеет разговорное значение, соответствующее значению русского прилагательного в данном контексте; эмоциональный же момент ласки, который здесь со-

путствует основному — похвале, может быть выражен лишь интонационными средствами.)

Ласкательное значение может быть и единственным коннотативным значением русского деминутивного прилагательного (усиление отсутствует).

«... подкинув *старшенькую* [дочь] одинокой тетке...» (Л, 98). В переводе деминутивная форма невозможна.

Наоборот, значение усиления признака в русских деминутивных прилагательных возможно и без ласки, иногда даже с отрицательным эмоциональным оттенком:

«Побасенки про него [про русский народ] складывали — и *терпеливенький-то*, и *ленивенький-то*, и *богоносный-то*...» (Т-3, 47).

«— За отцовские капиталы пошел воевать... Видно, из *богатеньких*...» (Т-2, 564).

«... ищите *гаденького* и *сладенького*, а потом сами же приходите скандалить!» (Л, 703).

«... и четверо *крепеньких* казачков бьют их нагайками...» (Т-2, 349).

«Николай Иванович побагровел, но сейчас же в глазах мелькнуло прежнее выражение — *веселенького сумасшествия*» (Т-1, 77).

«Косясь на него из-под наморщенного *низенького* лба, генерал Кутепов понял...» (Т-3, 295).

«На скотном дворе — *паршивенькая* лошаденка да две коровьих шкуры под крышей» (Т-3, 128).

Деминутивы невозможно сохранить при переводе. То же самое следует сказать о случаях, когда прилагательное указывает на физический недостаток человека: «*рябенькое* лицо горничной» (Т-1, 231), «*слепенькая* Прасковья Андреевна» (Л, 22). Ласкательная форма подчеркивает участливое, сочувственное отношение к человеку, как бы смягчает его физический недостаток. Конечно, такое употребление прилагательных не является обычно частотным. (Иначе обстоит дело в романе «Русский лес», где Таиска на протяжении всего произведения называется *горбатенькой*, что, к сожалению, невозможно в эстонском тексте.)

Весьма часто деминутивные прилагательные употребляются в художественных текстах лишь как особенность русской разговорной речи, без подчеркнутого эмоционального задания, а также без значения усиления признака. В таких случаях в эстонском тексте — бессуффиксальные прилагательные. Таковы следующие примеры:

«... *худенькая*, с болячкой на губе, некрасивая девочка...» (Т-3, 316).

«Сидя на *низенькой* скамеечке, Катя осторожно подкладывала лучинки...» (Т-3, 402).

В некоторых случаях оказываются возможными те или иные приемы компенсации. Примеры:

«— А у меня бабуня до-обренькая была ...» (Т-3, 311). В переводе разговорное прилагательное-определение усилительного значения *imehea* (303) 'чудо-добрая'.

«... с удивлением взглядывая <...>, на всю тонкую, беленькую Дашину фигуру...» (Т-1, 21). В переводе суффиксальный компонент перемещен — *ahtake valge kogu* (18): от прилагательного *valge* 'белый' в эстонском языке деминутив неупотребителен. К сожалению, как явствует из приведенных примеров, возможности применения компенсации такого характера весьма ограничены. Казалось бы, значительно шире может быть применена компенсация следующего типа, где деминутивный суффикс «перемещен» в существительное: «чистенькая старушка мать» (Т-1, 38) — *puhas vana emakene* (34). В то же время по ряду причин и этот способ в большинстве случаев не может быть использован. Во-первых, в эстонском тексте, как было показано выше, деминутивы употребительны далеко не от всех существительных. Во-вторых, «перемещение» деминутива в существительное может привести к значительному изменению нюансов самой выражаемой эмоциональной окраски. *Пряменький нос* и *прямой носик* с точки зрения эмоционально-стилистического звучания далеко не одно и то же, как и *худенькое лицо*, *худое личико* или *худенькое личико*. Поэтому прав переводчик, отказываясь от подобного перемещения в следующих примерах: «Из-под вязаного платка, <...>, только был виден *пряменький* нос и упрямо сложенные губы» (Т-3, 7).

«... Телегин увидел Дашины расширенные глаза, пальчики ее, вцепившиеся в косяк, *худенькое* лицо, все дрожащее от волнения» (Т-2, 602).

В этих и аналогичных случаях лучше отказаться в переводе от эмоционального оттенка, чем внести в него изменение по сравнению с подлинником. В данном случае это меньшее из двух зол.

Итак, различия в употреблении русских и эстонских деминутивных прилагательных касаются продуктивности и употребительности этих образований, а также выражаемых значений. Поскольку эмоциональная насыщенность не является характерной для эстонского языка, то невозможно при переводе сохранение и т. н. эмоционального согласования («*чистенький овражек*» — Л, 72; «*старенький* мамин *кошелечек*» — Л, 4; «*хорошенькое местечко*» — Л, 35 и т. п.).

II. Суффиксы, обычно вносящие в слово ласкательное или уменьшительно-ласкательное значение, могут в определенных условиях придавать слову и отрицательное — уничижительное, пренебрежительное и т. д., а также ироническое эмоциональное значение. Наиболее сильная отрицательная эмоциональная

окраска наблюдается в словах с суффиксом *-ец*, где это значение может доходить до степени издевки (3, 131). Существуют в русском языке и специфические уничижительные суффиксы *-ишк-* и *-онк-*, (а также *-ошк-*, иногда *-ушк-*); эмоциональное значение в словах с этими суффиксами может сопровождаться размерным значением (реже с помощью этих суффиксов выражается положительное эмоциональное отношение).

Отрицательные эмоциональные значения, а также иронию могут выражать и эстонские деминутивы с суффиксом *-ке* [*-kene*]. При этом эстонские деминутивы чаще появляются в переводах как соответствие русских деминутивов с суффиксами *-ок*, *-к[а]* и др., в качестве же эквивалентов суффиксальных слов со специфическими отрицательно-эмоциональными суффиксами (*-ишк-*, *-онк-*) эстонские деминутивы выступают значительно реже: соответствующие эмоциональные значения, как более ярко выраженные, обычно передаются иными способами.

Приведем примеры, где пейоративное или ироническое значение русского деминутива передается или, на наш взгляд, может быть передано деминутивным способом.

«Партизаны мы, *дамочка*, а не бандиты» (Т-2, 477).

«... надеялся проникнуть в серьезность намерений и политико-моральное состояние приезжей *дамочки*» (Л, 381). В обоих случаях слово *daamike* (соответственно стр. 172 и 404) адекватно передает эмоциональное значение русского деминутива.

«Трудно было бы узнать в Кате Рощиной, <...>, прежнюю хрупкую *барыньку*...» (Т-3, 147). Перевод *proiake* (144).

«... где совсем еще так недавно добропорядочный *гимназистик* прогуливался...» (Т-2, 324). Переведено *koqalik güt-nasistike* (20).

«... один крайне сосредоточенный *толстячок* лет семнадцати в гимназическом мундирчике...» (Л, 162). В переводе — *paksuke* (172).

«А пованивает этот *большевичок*. Засыпать бы его...» (Т-2, 379). Перевод — *bolševikuke* (74).

Отсутствует деминутив (529) в переводе следующей фразы (доносчик Гиганов о своем «ропном изверге» — Л, 500):

«— У них там *невичка* одна имеется...» (Л, 501). Думается, в этом контексте эстонский деминутив возможен.

На наш взгляд, следовало бы сохранить деминутив в следующем рассказе Таиски о Грацианском:

«И скажи, пять годов потом этот *Сашенька* носу к нам не казал да вдруг и заявился: <...>. Глянула, а на пороге *Сашенька*...» (Л, 212). В переводе деминутив отсутствует; тем самым ослаблено и ироническое звучание всего высказывания.

Интересно, что следующий контекст (Даша о себе) в новом переводе не содержит деминутива (225), в издании 1948 года он был (27, 396).

«Ты кто же, душа моя? *Кокоточка?* Налетчица? Воровка?..» (Т-2, 530).

«... в конце концов он был только *мальчишка*, вполне заслуживший, чтоб его малость, <...>, посекали по заслугам» (Л, 706). Перевод — *poisike* (744).

Эстонские деминутивы в этих значениях возможны не только от существительных со значением лица.

«... он вспомнил изящный *грешок* Саши Грацианского...» (Л, 706). Переведено *patuke* (745).

«... другой же [глаз Грацианского] отъезжал <...>, куда-то в не доступный никому *тайничок*...» (Л, 50). В переводе *salakambrikkese* (54).

«— И тянет же тебя, братец, на эти опасные *темки!*...» (Л, 366). Переведено деминутивом *teemakesed* (389).

«Оно, конечно, *городушко* не чета Москве...» (Л, 15). Перевод *linnake* (17).

«... вялый *дымишко* ползет из дула...» (Т-3, 208). В эстонском тексте *loid suitsuke* (203).

«... даже поигрывали со шрифтом и более опасными *предметцами*...» (Л, 495). В переводе — *asjakesed* (523).

Ср. еще: «... скверная еда — серый *супчик* с воблой...» (Т-3, 307) — *hall voblasupike* (299); «нынешние маршировальные *песенки*» (Л, 353) — *marsitaktis laulukesed* (374); «револьверная *газеточка*» (Т-3, 286) — *kõmuleheke* (278).

Уместны были бы, кажется, деминутивы в контексте, где говорится о рычажках и кнопках самолета, «с помощью которых осуществляется убийство» (Л, 205).

То же самое можно сказать о следующем контексте, в переводе (347) которого сейчас также отсутствуют деминутивы (в переводе 1948 года [27, 740] они были сохранены):

«Ведь мы здесь за ваши *пышечки, ватрушечки* самое дорогое свое продаём» (Т-3, 356).

А также: «— Вы полагаете, что Вихров сеет свои вредные *идейки*... не совсем проста?», (Л, 114) — (121). Ведь «вредные *идейки*» и «вредные идеи» — далеко не одно и то же, а здесь это можно было в переводе сохранить.

Заметно снижает ироническое звучание отсутствие деминутива в переводе следующей фразы:

««Э-ге-ге! Да уж не наш ли это *котик?*?»» (Б-1, 111).

«Ega siin viimati meie *kass mängus pole?*» (179).

Здесь можно было использовать деминутив *kassike* или ласкательное *küisu* 'киска'.

Русские деминутивы с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* нередко переводятся на эстонский язык особыми стилистически сниженными сложными словами, второй компонент которых имеет пейоративное значение и вносит в слово окраску стилистической сниженности (второй компонент этих существительных может

употребляться и самостоятельно; понятийное его содержание обычно более общее, первый компонент конкретизирует его).

«— Странишка наша провалилась к чертовой матери...» (Т-2, 323). Перевод — *riigilogu* (19) 'государство-развалина'.

«На скотном дворе — паршивенькая лошаденка да две коровьих шкуры под крышей» (Т-3, 128). Перевод *vilets hobusekronu* (124).

Лошаденка может быть и *hobusesetukas* (Т-3, 37) — (36) или *hobusenäss* (Л, 90) — (96). (*Kronu, setukas* — 'кляча'.)

«... что же он наделает теперь с фашистским райхом, если ему дадут хоть завалящую пушонку...» (Л, 564). В переводе *vilets suurtükiloks* (596).

«Там, в углу, на матросском барахлишке, уже сидела Анисья» (Т-3, 40). Перевод: *kraaminatuke* (38).

«О, кабы могла я со своим умишком: какой уж я солдат!» (Л, 621). В эстонском тексте — *mõistusenatuke* (655).

См. еще: «атаманишка» (Т-3, 144) — *atamaninäru* (140); «лавчонка» (Б-1, 104) — *roeuiberik* (166); «шинелишка» (Т-3, 398) — *sineliräbal* (389) или *sinelinäru* (Т-3, 230) — (225); «плохонькое ружьецо» (Л, 67) — *vilets püssiloks* (71); ср. также «старикашка» (Т-3, 160) — *vanamehenäss* (156), «темноватое слово» (Л, 403) — *tumedavõitu sõnakõlks* (427) и др. подобные случаи.

В условиях контекста некоторые (особенно со вторым компонентом *-loks, -näru, -logu, -näss* и некот. др.) эстонские сложные слова этого типа могут звучать несколько резче, грубее соответствующих русских суффиксальных слов. Поэтому необходим строгий учет контекста. Например, неадекватен перевод в следующем контексте: «Кнышев шурко смотрел на мальчонку...» (Л, 97), где в переводе *poisijõtt* (103), тем более, что кроме оттенка грубости слово *poisijõtt* обычно употребляется по отношению к рослому или крепко сложенному мальчику, а мальчик Иван крепким телосложением не отличается. Определенный сдвиг имеется и в переводе «мутного чаишка стакан» (Л, 191) — *klaas sogast teelaket* (203): *lake* ~ 'бурда'. Не вполне адекватен перевод «казачишки» (Т-3, 190 и 199) — *kasakanärud* (186 и 195): *näru* — 'дрянь'. Все же это сдвиг допустимый; здесь целесообразнее использовать стилистически сниженное слово, усилив отрицательный эмоциональный момент, чем лишиться перевода стилистической окраски и эмоционального оттенка.

Некоторым русским уничижительным суффиксальным словам находятся в эстонском языке эквиваленты в виде стилистически сниженных слов пейоративной окраски (типа *лошаденка* — *setukas, kronu* [кляча]). Таковы *девчонка* — *plika*, *барахлишко* — *kolu*, *мальчишка* — *jõmpsikas*, *избенка* — *osmik* 'ла-

чуга' и некоторые другие, в целом немногочисленные случаи. Понятно, что и здесь возможности использования этих лексем зависят от контекстных условий: *лошаденка*, например, далеко не всегда ~ *кляча*. Ср.: «Оно и верно, и дорога-то наша дальняя, да и *лошаденка* не махонька» (Л, 737). Переведено — *hobi* (778), что стилистически себя оправдывает.

Ирония, а также разговорный оттенок могут в некоторых случаях быть переданы с помощью вводимого в контекст слова *kepa* ~ 'хороший', 'хорошенький'.

«*Союзнички!* Кому мы, черт их возьми, помогли выиграть войну своими боками!» (Т-3, 140—141). В эстонском тексте — «*Kenad liitlased!*» (137).

В случае достаточной интенсивности выражаемой отрицательной эмоциональной окраски возможно использование экспрессивно-стилистической замены, что позволяет передать эмоциональную окраску подлинника. Приведем некоторые примеры экспрессивно-стилистической замены лексического характера:

«... все знали, что человек этот — не *подарочек*» (Б-1, 96). Переведено «... *et ta pole mingi pühak*» (153) — 'никакой не святой'.

«А с ним еще *парочка*, и тоже хороша...» (Б-1, 58). Перевод *kaks tegelast* (90) — 'два деятеля'.

Иногда вместо суффиксального слова в перевод вводится определение (напр., *kehv, vilets, armetu* 'убогий'), что сохраняет стилистическую сниженность и, в зависимости от контекста, в большей или меньшей степени эмоциональный оттенок; передается также семантический нюанс о неполноценности, некачественности, дряхлости и т. д. называемого. Так, «штопаное *бельишко*» (Л, 34) переведено как *kehv põelutud pesu* (37); «*буксиришко*» (Л, 301) — *vilets puksiir* (320); «*рухлядишка*» (Л, 182) — *vilets majakraam* (193); «*шинелишка*» (Т-3, 271) — *vilets sinel* (264); «*сердчишко*» (Т-2, 525) — *vilets süda* (221); «*союзнички*» (Т-3, 287) — *viletsad liitlased* (280); «*хомутишко*» (Л, 143) — *armetud rangid* (153); но «*классишко паршивый*» (Т-3, 245) — *närgune klass* (239); ср. в переводе 1948 года — *vastik klassinäru* (27, 657).

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что пейоративное значение, а также ироническая окраска русских деминутивов могут в целом ряде случаев быть сохранены при переводе на эстонский язык. Тем не менее, весьма часто эти эмоциональные оттенки остаются переданными. Обычно это имеет место в тех случаях, когда эмоциональное значение русского деминутива выражается менее интенсивно, в качестве побочного, более или менее легкого оттенка, наслаивающегося на стилистическое качество разговорности.

Приведем примеры фраз с деминутивами этого типа. Во всех случаях в эстонском тексте деминутив отсутствует; нет и

компенсации. Конечно, в результате взаимодействия с контекстом возникают самые разнообразные тончайшие эмоциональные нюансы, которые, к сожалению, не могут быть переданы эстонскими деминутивами (отчасти в силу тематических ограничений) или возмещены с помощью иных средств. С точки зрения художественно-стилистической структуры произведения это, конечно, значительная утрата. Думается, не на последнем месте в подобных случаях оказывается функция ритмической организации фразы, выполняемая деминутивами.

«... у меня кое-какие *делишки* набрались к вечерку...» (Л, 513).

«В промокшем, облипнувшем *сарафанишке*, <...>, она сидела на гигантском пне...» (Л, 38).

«Нет, надо бы нам посидеть с тобой за каким-нибудь тысячеградусным *винишком*...» (Л, 436).

«... вам, как петербургскому жителю той поры, могут быть известны кое-какие *мелочишки такого рода*» (Л, 465).

«... сколько я перед войной ни бродил с *ружьишком* по вашим местам, а ведь не помню Пашутинского-то лесхоза» (Л, 575).

«Как *здоровьишко-то*, старина?» (Л, 529).

«И вот уже самодеятельно разыскивал *штопорышко* в вихровском буфетике» (Л, 528).

«Все местные власти, четверо, стояли у стола с семилинейной на нем *лампочкой*, недвижимые и торжественные...» (Л, 386).

«... похожий, только крохотный, *пожаришко*, суетился в тусклом никеле коробки...» (Л, 384).

«... но стучит *топорышко*, и воздушные транспорты влаги плывут транзитом через нашу страну...» (Л, 306).

«... Вихров отделил почку от черемухи, погрызанной *зайчишком*, и на ладони преподнес своей спутнице...» (Л, 254).

«Тут-то среди солдат, на опушке сильно побитого *лесишка*, Поля <...> отыскала Родиона...» (Л, 200).

«... присмотрел дом под *трактирышко* с постоянным двором...» (Л, 227).

«... представился им <...>, начальником свинофермы, видневшейся как раз по ту сторону *прудышка*...» (Л, 210).

«... но уже такой мертвый [солдат], что вот *муравьишка* ползет по лицу <...>, а тому безразлично» (Л, 195).

«... то *буксирышки* с плотами как бы по облакам бегут» (Л, 15).

«Деверь отписывал: местность весьма обширные и зверя ужусть, а *людишек* наперечет» (Л, 371).

«Какой-то корявый мостик, под ним мутная весенняя *речонка* (Б-2, 57).

«... в клетчатых *брючонках*, в треснутом пенсне и ... рожа совершенно невозможная!..» (Б-1, 113).

«... она в точности помнила, долго ли маялись, пока не справили *белышка*...» (Л, 342).

«— Побежала я на кухню за *чашиком*, глянула, а уж он, батюшки, вокруг стола твоего кружит...» (Л, 52).

«Ясно, уж *хомушка* мне не связать, дровен тоже не обогну, куда» (Л, 182).

«... и, отступя, задрав *юбчонку* в азарте, показала подпухшую, багровеющую коленку...» (Л, 612).

«Она еще не знала, какими словами, но только в ту минуту уж у ней хватило бы *силенок* отчитать их досыта...» (Л, 600).

«— Не расслышал я, что ты там пропищала, *ролишка-то* уж очень маленькая...» (Т-3, 274).

«— Раньше мне казалось <...>, — есть вору, *лгунишки*, убийцы...» (Т-1, 46).

«Про черный день хранят, ежели что ... пока частная *торговлишка* не наладится» (Л, 211).

«... и даже вздернутый *носишко* его [Шарыгина] казался подходящим» (Т-3, 23).

Кроме слабой выраженности эмоционального момента, есть и другие причины, ограничивающие использование эстонских деминутивов в этих значениях, и это также в тех случаях, где сохранение деминутива (вернее, его эмоционального момента) было бы желательным; эмоция выражается с достаточной интенсивностью. Думается, одной из причин непродуктивности деминутивов в эстонском языке является агглютинативный характер языка: суффикс и падежное окончание удлиняют слово (иногда на два слога) в ущерб лаконичности речи. Таковы следующие примеры.

«... Предположим, этот *немчик* утешал ее без каких-либо покушений на дальнейшее ...» (Т-3, 144). Деминутив был бы *sakslaseke[ne]*.

«... причем *грешничкам* в аду еще пожарче будет! И все это с сладострастной злобой праведника на опечаливших бога *людишек*...» (Л, 100). От *patused* 'грешники' и *inimesed* 'люди' могут быть образованы деминутивы *patusekesed* и *inimesekesed*, которые также привели бы к излишней громоздкости фразы. Ср. еще «гадкие *вопросцы*» (Л, 323), «*секретцы*» (Л, 118), «критика с *сиронцем*» (Л, 529) и соответствующие им эстонские деминутивы *küsimusekesed*, *saladusekesed*, *siirupikesega*.

Остается в силе также запрет насыщения текста деминутивами. Приведем один пример.

«... ненависть к социализму, <...> происходившая из боязни утратить родительскую *фабричку* — всего лишь пуговиц, но не просто этих круглых *пустячков* для закрепления одежды на надлежащем месте, а идеальных немецких *вещиц* в себе...» (Л, 602). Перевод:

«...vaen sotsialismi vastu, mida omakorda tingis hirm kaotada vabrik, mis tootis küll ainult nõõpe, kuid mitte labaseid ümmargusi pisi-asju rõivaste vastavasse kohta kinnitamiseks, vaid ideaalseid saksa *asjakesi* iseeneses...» (636).

В переводе этого отрывка всего один деминутив; он дан в месте наиболее сильной иронической акцентации фразы («немецкие *вещицы* в себе»). Удачно дана компенсация деминутива *пустячки* посредством ввода в контекст слова *labased* 'пошлые' (о «круглых пустячках»).

* *
*

С точки зрения функций субъективно-оценочной лексики в художественных произведениях прежде всего заслуживают внимания деминутивы положительной эмоциональной окраски, как наиболее частотное явление, по сравнению с другими значениями.

В русской художественной авторской речи деминутивы уменьшительно-ласкательного и ласкательного значения нередко являются средством выражения определенного отношения автора к описываемому (например, к природе в романе «Русский лес») или к персонажам. Так, М. Лобанов пишет, что многочисленность деминутивов, относящихся к Поле, «служит цели создания, так сказать, «сочувственной» стилистической атмосферы вокруг образа Поля, а также оттеняет ее молодость, почти детскость, легкость» (4, 173). Таковы деминутивы, употребленные по отношению к Полю или называющие ее вещи: *дневничок, сундучок, платьишко, голосок, тулупчик, кармашек, ремешок, туфельки, плечико, коленка, ноготки, калошка, бровки* и др. Отношение к человеку, как было показано выше, нередко выражается косвенно, с помощью уменьшительных образований от названий принадлежащих ему предметов; здесь эта особенность употребления деминутивов своеобразно преломляется в авторской речи; есть в этой многочисленности деминутивов, имеющих отношение к Полю, и отголоски детской речи, где деминутивы в русском языке весьма употребительны. Но это ласковое отношение автора к героине создается как бы мимоходом, без особого акцентирования, постепенным нагнетанием деминутивов.

Для эстонской речи, как было сказано выше, такая «общая» эмоциональная тональность не является характерной; как мы видели, невозможны и деминутивы от многих существительных (приведенные здесь слова, относящиеся к Полю, в переводе не имеют эстонских деминутивных соответствий). Более того, различны возможности насыщения текста деминутивами в сопоставляемых языках.

На стилистическую функцию субъективно-оценочных слов служить средством выражения авторского отношения к своим

героям обращает внимание и С. С. Плямоватая (6, 37). В качестве иллюстрации она приводит эпизод из первого романа трилогии А. Н. Толстого, описывающий, как «Екатерина Дмитриевна «чистила перышки» (Т-1, 72). В этом описании содержится 7 деминутивов уменьшит.-ласкательного и уменьшительного значения (*туфельки, ленточки, кружевца, низенький столик, пилочки, карандашики*). В переводе же 1959 года (стр. 65—66) один деминутив (*kausike* — 'чашечка'). Любопытно, что в переводе 1948 года (27, 53) 7 деминутивов, как и в подлиннике (хотя 2 из них — в составе других слов), что создает впечатление о несколько ироническом отношении к героине в описываемой ситуации: так как эстонские деминутивы от слов, обозначающих предметы, в уменьшительном и уменьшительно-ласкательном значении употребляются редко, то в условиях насыщенности отрывка деминутивами актуализируется оттенок снижения значения называемых предметов.

Деминутивы, как от существительных и прилагательных, так и от наречий (обычно с усилительным значением: *легонько, высоконько, частенько, глазком, глазочком*) могут в авторской речи (а также в речи персонажей) функционировать и без такого специфического стилистического задания, а как формы, обычные для русской разговорной речи, лишь слегка окрашенные самыми различными эмоциональными оттенками фамильярной ласковости, одобрения, снисхождения, легкой иронии и др.; иногда возникает легкий налет своеобразного ласкательно-уничижительного значения или значения умаления «ценности» и др. нюансы, которые в контексте могут выступать в различных комбинациях, присутствуя в деминутиве одновременно (нельзя забывать и об уменьшительном значении, нередко сопутствующем эмоциональному моменту). В аналогичной функции (прежде всего для передачи особенностей разговорной речи) употребляются в художественных текстах и деминутивы пейоративного и иронического значения (примеры см. выше, стр. 28—29). Приведем некоторые примеры.

«— Вот про *адресок-то* и забыла я в суматохе...» (Л, 53).

«... Анна повела его <...> в *баньку*» (Т-3, 135).

«— Я тут *яблочек* мороженных домой захватил» (Л, 727).

«Ей досталось *местечко* наверху...» (Л, 282).

«... *легонько* прикладываются сосальцем к *корешку* соседа» (Л, 361).

«И, помахав этак *ножичком* перед глазами, прятал его в бархатный *смешок*, как в ножны» (Л, 228).

«[немецкий офицер]... значит, очень смешное и похабное говорил, потому что все остальные в машине дружно вторили ему сытым мужским *смешком*» (Л, 588).

«А мне-то невдомек, чего это он старается, вроде как *моло-*

точком постукивает? А это он клинышек в наш бронепоезд заколачивает ...» (Л, 543).

«... закричал он *серенькому старорежимному старичку* на мостике...» (Т-3, 322).

«Кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой *картузик*» (Б-1, 32).

«... была ли <...> ... *страничка*, помнится, двадцать шестая, <...> ... <...> *штемпельной краской?*» (Л, 524).

Ср. также *газетка, монетка, холстинка, папироска, доньшко, одежда, шепоток, разочек*, лет через *пяток*, «шелест сохлой *ржицы*» (Л, 186) и мн. др. Характерно, что и передний край обороны может называться «*передок*» (Л, 556). Возможно даже: «Ты сел в тарантас — и *до свиданьица*...» (Т-3, 338).

В этой функции эстонские деминутивы обычно не выступают, более того, они, как не раз подчеркивалось, не являются употребительными от многих слов. Общий разговорный колорит приходится передавать с помощью иных языковых средств. Эмоциональные нюансы обычно исчезают, поскольку здесь, в силу особенностей употребления, невозможна и компенсация: она приводит к нежелательному усилению эмоционального момента, который в подлиннике дается в качестве легкого, едва уловимого налета.

Особого внимания заслуживают деминутивы в качестве средства речевой характеристики персонажей.

Кроме задания непосредственного выражения эмоционального отношения к называемому и задания передачи определенного настроения, душевного состояния персонажа, ласкательные слова позволяют показать черты ласковости, приветливости как особенность характера героя. Такую роль, например, выполняют суффиксальные ласкательные слова в создании образа Таиски в романе Л. Леонова «Русский лес». Более того, «певучая, с перепадами, русская речь» (Л, 341) этой простой русской женщины во многом создается за счет деминутивов, наряду с особым строем речи, народно-поэтической лексикой и другими средствами речевой индивидуализации. Таким образом, деминутивы здесь, кроме задачи индивидуальной характеристики, выполняют и функцию средства социальной характеристики. «При посредстве суффиксов субъективной оценки выражаются различия классовых, групповых стилей, своеобразия социальных характеров» (2, 98). В этой функции выступают деминутивы и в речи других персонажей, происходящих из крестьянской среды, как положительных, так и отрицательных (старик Калина и Ананий, Кнышев, Золотухин), в том числе и эпизодических (Нефед, старый Миней, солдат-балагур и др.). В меньшей степени насыщена деминутивами речь самого Ивана Вихрова и других героев, близко стоящих к народу, но и здесь суффиксальные слова играют немалую характерологическую роль.

При переводе необходимо максимально использовать возможности сохранения деминутивных форм, а также способ компенсации, чтобы в пределах возможного с максимальной полнотой передать эти особенности речи героев, иначе трудно говорить об адекватном переводе.

Так, в эпизоде первой встречи Таиски с Полей тетка называет девушку ласково *девонькой*. В эстонском же переводе нейтральное *tüdruk*. Только один раз слово *девонька* переведено как *tütreke* (43) 'доченька' в реплике Таиски: «— Коли не желаешь отцовских-то харчей отведать, *девонька*, дозвожь уж, какая есть, вокруг тебя посидеть» (Л, 40). Думается, что и в других случаях вместо *tüdruk* уместно было бы ласкательное *tütreke* или *lapseke* 'деточка'.

«— То-то, гляжу, обгорелая ты, ровно *пеночка* с топленого *молочка* стала. Это очень неплохо, в святом деле хоть малую *частичку* на себя принять...» (Л, 209).

««Seda ma vaatan, et oled kõrbenud nagu *ahjupiima kooruke*. See on väga tubli, et pühas asjas kas või väikesegi osa enda kadna võtsite...»» (222—223).

На наш взгляд, в этот отрывок можно было бы ввести дополнительно еще один деминутив. (Кроме того, кажется, что в печатном тексте несколько переместился основной акцент фразы: вместо философского обобщения — похвала по поводу конкретных действий девушек.) Вторая часть высказывания Таиски могла бы звучать, например, так:

«See on väga õige, pühas asjas kas või *raasukegi* enda kanda võtta...»

Сохранен деминутив в переводе следующего отрывка.

««Как же это, дескать, не глянется, ежели *невестушке-то* заблаговременное *наставленьце* дать?...»» (Л, 230)

««Miks ei peaks meeldima, kui *pruudikesele* enne õpetust jagada?»» (245).

По нашему мнению, можно было сохранить деминутивы и в следующих случаях:

«— Э, бог с ней: *детушечек* ейных жалею!..» (Л, 83). Например: «... ta *lapsukestest* hakkab kahju». Переведено: «Kahju ta lastest!..» (88).

«— Чего заглохли, окаянные... , чего, *дятелки*, не постукиваете?...» (Л, 89). Вместо *rähnid* (95) в данном контексте было бы возможно суффиксальное *rähnipojukesed*.

Иное дело — следующая фраза: «У каждой *пташки*, а свое горе» (Л, 228). Переведено: «Igal *linnipojal* oma tuige» (242). Слово *пташка* в переводе удачно заменено словом *linnipoeg* 'птенец'; *linnipojuke* 'птенчик' нарушило бы ритм и лаконичность фразы, более того, излишне усилило бы, по-видимому, ее эмоциональность: речь старого Золотухина здесь особой ласки не выражает.

К сожалению, сохранение деминутивов в эстонском тексте возможно далеко не всегда. Например, в следующих отрывках из речи Таиски.

«... а я *старшенькой* ему сестрицей довожусь» (Л, 39).

«Так в одну *ночку* все у нас и свернулося, как *молочко*...» (Л, 39).

То же самое следует сказать о многих высказываниях старика Калины, например, о следующем:

«Вот я тебе открою, а ты мое *словечко* береги! Как накопишь себе грудку золота, а ты от ей в одну темную *ночку* и утеки! Она тебя искать почнет, а ты затаись, пересиди под *кусточком*, не сказывайся» (Л, 78).

Особое качество своеобразного народного сказа приобретает речь Калины в рисуемой им картине судьбы страны без «зеленой шубейки».

«— Так-то, хорошие вы мои, *детки* несмышленные... — говорил Калина тихо и ровно, словно читал по книге. — К тому я и веду, что прозябнет *землица* без своей зеленой *шубейки* и *здоровьишко* станет у ей шибко колебательное. Будет *коровка* по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалася. И будет вам лето без *тучек*, иная зимица без снегов... и поклянут люди свое *солнышко*! И захотится в *баньке венчиком* похлестаться, а нету. А случится вам сказывать, как на бывалошних-то пнях человек вростяжку ложился, и *внучки* вам не поверят. И как побьете до последнего *деревца* русские-то леса, тут и отправитесь, родимые, за *хлебушком* на чужую *сторонку*!...» (Л, 91—92). В эстонском тексте монолог передан следующим образом.

«Nõndaks, mu nõdrad lapsed ... <...>. Kuulake, mis ma teile räägin. Ilma roheline kasukata hakkab maal külm ja taervis läheb halvaks. Lehmalt tuleb seitse versta läbi käia, enne kui ta rohukõrre leiab, varem sai aga ühe arssina pealt sõõnuks. Suvi tuleb teil pilvedeta, talvel ei ole tihti lund... ja inimesed neavad oma päikest! Tahate saunas vihelda, aga vihta ei ole. Kui jutustate, kuidas vanasti puukännule mees pikali mahtus heitma, siis lapselapsed ei usu seda. Ja kui olete vene metsad viimse puuni maha võtnud, siis tuleb teil võõrsile leiba teenima minna, mu kallid!... (97).

Кроме слова *детки*, в этом монологе нет слов, от эстонских соответствий которых деминутивы употреблялись бы свободно, без особого эмоционально-стилистического задания. Тем не менее, здесь, по нашему мнению, может быть отчасти сохранен народно-сказовый характер монолога, с его напевностью, своеобразным ритмом, музыкальностью. Певучесть можно передать, соответствующим образом построив фразы монолога. Но думается, что в силу жанровых особенностей монолога в нем можно сохранить и определенное количество деминутивов. В подтвер-

ждение сошлемся на прекрасный перевод стихотворения Н. А. Некрасова «Орина — мать солдатская», принадлежащий перу Аугуста Санга (23, 115—119), в котором содержится 15 деми-нутивов (в подлиннике более тридцати).

Представляется, что в существующем переводе использованы не все возможности эстонского языка для сохранения стилистического своеобразия этого отрывка. Мы позволим себе в качестве эксперимента привести один из возможных вариантов перевода монолога, не претендуя, конечно, на лучшее решение.

«Nõndamoodi, mu *kullakesed*, mõistmatud lapsed. Just seda ma räägingi, et külm hakkab maal, kui rohelist *kuuekest* enam ei ole ja tervis läheb temal halvaks. *Lehmake* käib seitse versta rohukõrsi otsimas, ennemalt aga sai arssina päält sõnuks. Ja ei ole enam suvel pilvi ja mõnel talvel pole lund... ja inimesed neavad oma päikese ära! Tahad saunalaval vihelda, aga *vihakest* ei ole. A'gu tuleb jutuks, kuda vanasti täismees kännu pääle siruli mahtus, siis lapselapsed sind ei usu. Ja kui lööte maha Venemaa metsa viimase *puukese*, siis, *kullakesed*, lähete võõrale maale leivatükki teenima!»

Во многом построена на уменьшительных формах и «пеvчая Ананьева речь» в его монологе о лесе (Л, 177—178). Конечно, это особые случаи стилизации речи. Но представляется, что демиинутивы чаще, чем обычно принято думать, содействуют созданию особой ритмической организации речи. Можно бы привести немало примеров, чтобы подтвердить сказанное. Ограничимся следующими.

«... *жавороночек* малость позвенел в высоте...» (Л, 66).

«Да не обижай *сиротку-т*, Агапьевна!» (99).

«Украдкой они поднялись на *чердачишко*, и потом он стал читать ей новые стихи...» (Л, 46).

«... при впадении в Енгу шустрой лесной *речонки* Склани!» (Л, 15).

«Раз заехал как-то к Горькому в Сорренто ... славным *костришком* в *лощинке*, под цветущими агавами, угостил меня тогда старик...» (Л, 669)

«Заговорила она низко, с дрожью, будто запела, *кулачиш-ком* застучала по столу на Франца: «Прочь от меня, него-дья...» И пошла пьеса, как волшебная сказка...» (Т-3, 270).

Включение в эти отрывки, вместо подчеркнутых, слов с дру-гими суффиксами или бессуффиксальных привело бы к нару-шению эвфонии отрывков (или потребовалась бы некоторая перестройка фраз).

Это лишний раз говорит о полифункциональности субъективно-оценочных суффиксальных эмоциональных слов в худо-жественной речи. (Отметим в этой связи, что в настоящей работе мы в целях нашего анализа находили возможным изо-

лированно описывать различные, часто сосуществующие функции суффиксальных слов.)

При переводе следует стремиться к воссозданию эвфонии речи, насколько это осуществимо.

* *
*

Думается, что изложенный материал позволяет сделать определенные выводы о возможности и способах передачи средствами эстонского языка эмоциональных моментов, содержащихся в русских деминутивах. Хотя наш обзор базируется на ограниченном материале лишь трех произведений и не может претендовать на исчерпывающую полноту описания (что в принципе вряд ли возможно: нельзя предвидеть и описать все творческие решения художников слова), тем не менее нам кажется, что общее представление о функциях этих форм в русском художественном тексте наш материал дает. Утверждать это позволяет характер избранных для анализа произведений (прежде всего это касается романа Л. Леонова «Русский лес»: более широкое и разнообразное использование субъективно-оценочных форм едва ли возможно).

Подтвердились положения, которые в начале работы утверждались в какой-то мере априори (о непродуктивности деминутивов в эстонском языке от многих существительных и качественных прилагательных, о различиях в их употребительности и др.).

Выяснилось, что существуют определенные закономерности, касающиеся возможности передачи средствами эстонского языка эмоциональных моментов русских деминутивов, хотя эти закономерности прокладывают себе дорогу через ряд частных случаев, через массу разнородных случаев. Ясно также, что весьма многое зависит от творческой индивидуальности переводчика. (Именно поэтому автору статьи казалось возможным выступать в роли информанта, наряду с переводчиками, которые в данном случае также выступают в этой функции: как было сказано — наша цель здесь состояла не в оценке переводов и ни в коей мере не в подаче рецептов, а в определении некоторых общих закономерностей, некоторой общей усредненной картины. Поэтому наши предложения, касающиеся возможных вариантов перевода, делаются отнюдь не в категорической форме; предлагаемые варианты лишь иллюстрируют мнение «информанта».)

Что касается возможности передачи эмоциональных моментов русских деминутивов при переводе художественных текстов с русского языка на эстонский, то релевантной в первую очередь оказывается интенсивность, акцентированность, конкретная направленность выражаемой эмоции. Эмоциональные оценки и

отношения, как положительные, так и отрицательные, выражаемые с достаточной интенсивностью, могут в целом быть переданы эстонскими деминутивами или иными средствами. В этих условиях зачастую возможны деминутивы даже от тех существительных, от которых эти формы обычно неупотребительны. Менее выраженные эмоциональные отношения и оттенки, высказываемые менее определенно, как правило, не воссоздаются в эстонском тексте. Остается непередаваемой эмоциональная окраска деминутивов там, где последние употребляются как особенность разговорной речи, в качестве ее привычных форм, обычно слегка окрашенных эмоционально, причем возможна самая разнообразная гамма эмоциональной окраски. В этих случаях невозможен перевод деминутивов деминутивами. Эстонские деминутивы, как в целом нечастотное явление, останавливают на себе внимание, они не могут вклиниваться в текст как естественные ее элементы. Отсюда невозможность их употребления без акцентирования эмоции. Поэтому для эстонской речи нехарактерна и «общая» ласкательность, приветливость, расположение и т. п., создаваемые посредством деминутивов. По-видимому, эстонская речь в этих целях использует интонационные средства. Отсюда ясно, что и способ компенсации в этих случаях не может быть применен. Введение в текст, например, дополнительных эмоционально окрашенных прилагательных сделало бы излишне «обнаженным», явным то, что в подлиннике дано в качестве легкого намека. Это можно сказать и о других приемах компенсации — любой из них приводит к нежелательному усилению подчас едва уловимых эмоциональных моментов, а тем самым — к искажению авторского замысла.

Что касается самих передаваемых эмоциональных значений, то эстонские деминутивы, как и русские, способны выражать — в зависимости от контекста и исходного слова — самые различные эмоциональные оттенки (возможна эмоция ласки, в том числе ласка различной окраски — с оттенком фамильярности, снисхождения, легкого пренебрежения, с оттенком умаления достоинства называемого и др.), а также различные отрицательные эмоциональные оттенки, ирония и т. д. Отсутствует возможность передачи значения подчеркнутой вежливости, а также некоторых частных значений прилагательных (значение смягчения физического недостатка и др.). Все же в целом важнейшие значения передаются; следовательно, основные различия относятся не столько к сфере выражаемых значений, сколько к степени интенсивности их выражения.

Чисто уменьшительное значение встречается значительно реже, чем в русском языке, и не всегда является существенным, поэтому размерная информация может в тексте перевода отсут-

ствовать без особого ущерба (если будет возмещена стилистическая окраска текста в целом).

Существует целый ряд ограничений, связанных с малой продуктивностью деминутивов в эстонском языке, по сравнению с русским. Ограничения этого рода касаются неупотребительности деминутивов от различных тематических групп существительных, а также от многих прилагательных. Свободнее всего эстонские деминутивы употребляются от названий лиц, особенно от собственных имен. От названий веществ и слов временного значения эстонские деминутивы малоупотребительны; с существенными ограничениями образуются эстонские деминутивы от названий частей тела, от названий животных; употребительны деминутивы далеко не от всех существительных, обозначающих явления природы и атмосферные явления; различны в этом плане сферы детской речи и общения с детьми. При этом, подчеркиваем еще раз, возможность использования деминутивов во многом зависит от интенсивности эмоциональной нагрузки.

Существуют также ограничения, связанные со структурой слова: неупотребительны деминутивы от многосложных эстонских существительных. Вообще следует сказать, что использование или неиспользование деминутивов как в русском, так и в эстонском тексте может быть продиктовано и требованиями эвфонии, а также ритмической организации, мелодичности фразы.

Немаловажно и то, что в эстонском языке нет возможности выбора между разными суффиксами, как в русском; поэтому реализация эмоциональных оттенков и их модификаций в большей степени опирается на контекст, чем в русском языке. Поэтому роль контекста огромна, контекст требует при переводе максимума внимания. В силу различной эмоциональной информации, реализующейся в контексте, разные перевод получают конкретные слова с суффиксами субъективной оценки, от контекстуальных условий зависит отсутствие или наличие деминутива, необходим строгий учет контекста при введении в эстонский текст стилистически сниженных слов и т. д.

Средствами передачи (там, где она возможна) эмоциональной информации русских субъективно-оценочных деминутивов являются:

- 1) деминутивы (как для передачи положительной, так и отрицательной эмоции и иронии);
- 2) прилагательные-определения (передающие различные эмоциональные нюансы);
- 3) другие способы компенсации (экспрессивно-стилистические лексические замены и др.);
- 4) стилистически сниженные сложные слова пейоративного значения;
- 5) синтаксические и интонационные средства.

Замена стилистически окрашенным (сниженным) словом позволяет иногда хотя бы частично передать эмоциональную окраску суффиксального слова оригинального текста.

Способы компенсации, в том числе включение в текст определения вместо деминутива, используются не часто: при достаточной интенсивности выражаемой эмоции обычно возможен эстонский деминутив; при малой же интенсивности выражаемой эмоции способ компенсации не может быть применен.

Что касается стилистической структуры художественного произведения, то, по-видимому, некоторые особенности художественного стиля, опирающиеся на более или менее обильное употребление деминутивов, следует причислить к явлениям, непередаваемым на эстонский язык. Так, не может быть передано авторское отношение к своим героям, выражаемое посредством вкрапления в текст уменьшительно-ласкательных и ласкательных слов (Поля в романе «Русский лес»): причиной тому — невозможность насыщения эстонского текста деминутивами, а также ограничения в их употреблении, о которых говорилось выше. Серьезные трудности возникают также в случаях необходимости передачи эмоционального состояния персонажа, если оно в подлиннике опирается на деминутивные формы (потери тем больше, что эти функции часто взаимодействуют; см. об этом также 6, 37). Возникают трудности при передаче индивидуальных и социальных речевых характеристик. Все это требует компромиссного решения — привлечения возможного максимума деминутивов, а также применения способа компенсации, иногда соответствующей перестройки фраз, сохранения разговорного характера речи. И все же далеко не все может быть адекватно передано. Не могут быть полностью воссозданы особенности русской разговорной речи, для которой деминутивы характерны. Поэтому с явлением непередаваемости переводчик сталкивается именно там, где субъективно-оценочные формы играют в исходном тексте специфическую стилистическую роль. И в первую очередь страдают от невозможности передать все эмоциональные нюансы произведения, в которых деминутивы являются существенным элементом стиля, где их использование — особый, специфический стилистический прием. Из рассмотренных нами переводов в наименее выгодном положении оказывается «Русский лес» Л. Леонова.

Как нам кажется, в определенной степени могут быть сохранены жанровые особенности в случаях явной стилизации под народно-поэтическую речь (речь стариков Калины и Анания в романе Л. Леонова; ср. также перевод стихотворения Н. А. Некрасова «Орина — мать солдатская», сделанный А. Сангом, о чем говорилось выше). В такого рода контекстах возможно большее количество деминутивов (как, например, в эстонских сказках), причем эмоциональный компонент может быть и пере-

мещен: часто важнее общая эмоциональная окраска высказывания, чем выражение субъективного отношения к конкретному денотату (см. в качестве прагматического примера также упомянутый выше перевод А. Санга [23]).

Весьма важен вопрос о том, как следует оценивать эти действительно серьезные ограничения, приводящие к невозможности адекватной передачи всех эмоциональных моментов, вводимых в русский текст посредством деминутивов. Проблема имеет две стороны. Вступают в определенное противоречие два принципа: 1) необходимость в точной передаче всех эмоциональных нюансов подлинника и 2) необходимость сохранения естественности речи на языке перевода, сохранения адекватного восприятия перевода иноязычным читателем. «В самом деле, если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели» (13, 239). Ведь даже при переводе на русский язык иногда приходится сокращать количество передаваемых деминутивов (11, 512). Об адекватности восприятия трудно говорить там, где нарушаются нормы обычного словоупотребления, более того, где в тексте усиливается свойственная данному языку степень или «коэффициент экспрессии» (5, 234 и след.).

В итоге следует сказать, что мы не разделяем оптимистического мнения тех переводчиков и теоретиков перевода, которые считают, что непереводаемых явлений нет, что произведение может быть воссоздано во всех особенностях его национальной формы средствами другого национального языка так, чтобы оно «не утратило ни одного из своих художественных качеств» (9, 176). Нельзя не согласиться с А. Н. Сильниковым в том, что «существуют случаи, когда перевод ограничен или невозможен из-за различия в структуре языков» (10, 143). Нельзя забывать и о расхождениях «между двумя языками, в силу влияния национальной культурной и эстетической традиции...» (12, 104).^{*} В данном случае мы имеем дело с различной эмоциональностью самих языков — русского и эстонского, хотя, возможно, точнее было бы говорить о разной степени выраженности эмоциональности: если в эстонской речи «общая» эмоциональная окраска, эмоциональное отношение к высказываемому и т. п. чаще выражается средствами интонации, то это, в отличие от деминутивов, такое средство, которое редко находит отражение в письменной форме (возможно, например, определенное построение фраз, опирающееся на особенности интонации).

Поэтому прав Л. Мери в том, что «в известном смысле мы обманываем себя, утверждая, что знаем русскую, английскую

^{*} Ср. например, богатство аллитерации и ассонанса в эстонской народной поэзии, создающее неповторимую ее особенность, но представляющее непреодолимую трудность для переводчиков.

или немецкую литературу, если мы не знаем этих языков» (14, 77).

Неизбежные потери существуют; задача переводчика состоит в том, чтобы довести их до возможного минимума.

ЛИТЕРАТУРА

1. У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. 5, М., 1970.
2. В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
4. М. Лобанов. Роман Л. Леонова «Русский лес». М., 1958.
5. С. Петров. Об уравнивании коэффициентов импрессии и экспрессии в языке художественного перевода. — В сб.: Актуальные проблемы теории художественного перевода. Т. II, М., 1967.
6. С. С. Плямоватая. Взаимодействие с контекстом и экспрессивная роль уменьшительно-оценочных имен существительных. — НДВШ, Филологические науки, 1961, № 1.
7. С. С. Плямоватая. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. М., 1961.
8. Русский язык в современном мире. М., 1974.
9. Вл. Россельс. Перевод и национальное своеобразие подлинника. — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955.
10. А. Н. Сильников. Проблема переводимости в свете современных лингвистических теорий (на лексическом материале немецко-русских переводов). Кандидатская диссертация, М., 1969.
11. Л. Н. Смирнов. К теории художественного перевода (проблемы лингво-стилистической адекватности). — В кн.: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
12. А. В. Федоров. Перевод как отражение стиля языка писателя. — В сб.: Вопросы стилистики. Вып. 5, 1972.
13. А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., 1973.
14. Lennart Meri. Virmaliste väraval. Tallinn, «Eesti Raamat», 1974.
15. Otto Sanna. Täüpiilistest puudustest ja vigadest proosa tõlkimisel vene keelest eesti keelde. — «Looming» 1954, nr. 3.
16. М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Кн. I. — «Москва», 1966, № 11.
17. М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Кн. II. — «Москва», 1967, № 1.
18. Л. Леонов. Русский лес. М., ГИХЛ, 1957.
19. А. Толстой. Собр. соч. в десяти томах. Т. V. Хождение по мукам. Кн. I и II. М., ГИХЛ, 1959.
20. А. Толстой. Собр. соч. в десяти томах. Т. VI. Хождение по мукам. Кн. III, М., ГИХЛ, 1959.
21. Mihhail Bulgakov. Meister ja Margarita. «Eesti Raamat», Tallinn, 1968.
22. Leonid Leonov. Vene mets. ERK, Tallinn, 1958.
23. August Sang. Laenatud laulud I. Tallinn, «Eesti Raamat», 1973.
24. А. Толстой. Kannatuste rada I. Esimene raamat. Oed. ERK, Tallinn, 1959.
25. А. Толстой. Kannatuste rada II. Teine raamat. Kaheksateistkümnnes aasta. ERK, Tallinn, 1959.
26. А. Толстой. Kannatuste rada III. Kolmas raamat. Pilvine hommik. ERK, Tallinn, 1959.
27. А. Толстой. Kannatuste rada. Triloogia. RK «Ilukirjandus ja Kunst», Tallinn, 1948.
28. М. Solohhov. Inimese saatus. Tallinn, «Eesti Raamat», 1974.

О ПЕРЕВОДЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЭСТОНСКИЙ)

Э. А. Вайгла

Все возрастающий интерес к проблемам перевода — правомерное явление в наши дни. Вопросы, связанные с переводом, рассматриваются в самых различных аспектах — от попыток создания общей теории перевода до скрупулезного анализа переводных текстов. Стали появляться также работы, посвященные проблемам передачи отдельных конкретных особенностей подлинника средствами другого языка, ибо «... для определенных целей исследования допустимо и оправданно выделение какого-то одного аспекта» (10, 504—505; см. также 3, 43).

Эмоциональная лексика, на наш взгляд, представляет интерес с точки зрения теории и практики перевода в силу ее особой функции — функции носителя эмоциональной информации. Эмоциональная лексика выражает эмоциональную оценку тех или иных явлений, эмоциональное к ним отношение. Эта их специфическая функция — основа выделения этих слов в особый разряд лексики (речь идет об узуальноэмоциональной лексике, о словах с особой семантической структурой; в художественной же речи — и не только в ней — любое слово, как известно, может стать носителем эмоционального заряда). Эмоциональные моменты могут, конечно, передаваться и иными, нелексическими средствами; все же эмоциональная лексика, в нашем понимании, является одним из наиболее действенных средств передачи эмоциональных оценок и отношений. Отсюда понятна и особая роль этой лексики, тем более, что в художественных текстах на основную функцию этих слов обычно наслаивается вторичная функция — функция воздействия на читателя (хотя последняя нерелевантна с точки зрения самого определения эмоциональной лексики, ее принципиального выделения как своеобразного класса слов). Таким образом эмоциональная лексика оказывается как бы вдвойне эмоциональной.

Этим объясняется наш интерес к переводу эмоциональных слов, хотя мы отдаем себе отчет в том, что постановка вопроса

о переводе лексики может вызвать недоумение, показаться странной, наводящей на мысль о буквалистском подходе. Тем не менее нам кажется правомерным интерес к переводу эмоциональной лексики — именно в силу ее специфики, в силу ее особых стилистических функций в произведении. Эта лексика заслуживает специального рассмотрения с точки зрения возможности адекватной передачи содержащейся в ней эмоциональной информации при переводе: с максимальной точностью должны быть переданы взаимоотношения персонажей, их эмоциональные состояния, эмоциональные оценки, выражаемые персонажами, а также самим автором и т. д. В конечном итоге — адекватным должно быть читательское восприятие текста, верно должна быть передана общая эмоциональная тональность произведения. Поэтому нередко при передаче эмоциональных моментов серьезного внимания требует конкретное слово: подчас именно в нем в самом явном, «неприкрытом» виде содержится эмоциональный заряд. Отсюда правильная передача эмоциональной информации, содержащейся в этих словах, — одно из необходимых условий адекватного перевода произведения вообще; см. об этом также (14, 142; 5, 107). Нельзя забывать и о различных контекстуальных наслоениях, возникающих в художественном тексте. Вот почему «парадоксальная проблема весомости в прозе отдельного слова» (8, 334) с полным правом может быть отнесена и к эмоциональной лексике, и, возможно, в числе первых.

Состав эмоциональной лексики русского языка не является однородным. Сюда входят слова, в которых само «предметное» значение — эмоциональная оценка, положительная или отрицательная (*милый; гадкий; страшно*); слова, содержащие оценочное понятие (*хам, выскочка*). К эмоциональной лексике относятся также иронические и неоценочные эмоциональные слова: эмоционально-усилительные, шуточные и слова с «высокой» окраской. Перевод на эстонский язык русского текста, насыщенного «высокими» словами — вопрос особый; здесь он не рассматривается. Специфический случай, требующий самостоятельного рассмотрения, представляют из себя и субъективно-оценочные суффиксальные слова (уменьшительные и увеличительные), примыкающие к эмоциональной лексике (см. нашу статью о демунивах в настоящем сборнике). Есть образные и необразные эмоциональные слова, различной может оказаться их стилистическая окраска и т. д.

Эмоциональную лексику можно рассматривать если не как своего рода семантическую универсалию, то во всяком случае как явление, свойственное всем языкам приблизительно одного уровня развития. Необходимость выражения эмоциональной оценки и отношений свойственна человеку как члену коллектива независимо от его языка. Что касается русского материала в

сопоставлении с эстонским, то названные выше разновидности эмоциональной лексики имеются в обоих языках, но состав их, конкретное наполнение рядов, конечно, далеко не всегда оказывается тождественным, как в количественном, так и в качественном отношении. Поэтому, хотя в принципе эмоциональная информация, содержащаяся в словах подлинника, почти всегда может быть передана, тем не менее возникают дополнительные трудности, связанные с такими моментами, как особенности употребления, внутренняя форма, различная стилистическая окраска, «свежесть»/«стертость», вплоть до благозвучия и ритмо-мелодической организации фразы. Это нередко осложняет подбор нужного слова. Все переводческие решения и находки, конечно, описать невозможно. «Однако сопоставление многих переводов убедительно свидетельствует о том, что опыт переводческой деятельности вполне поддается обобщению и что многие переводческие решения оказываются если не идентичными, то во всяком случае однотипными. Отсюда следует, что в основе процесса перевода при всем его многообразии лежат какие-то общие закономерности...» (14, 9).

Ниже мы вкратце остановимся на некоторых наиболее характерных явлениях, имеющих место при переводе эмоциональных слов с русского языка на эстонский. Наблюдения делались над переводами трех произведений, отмеченных печатью высокого мастерства, характеризующихся многослойностью стиля, большим разнообразием эмоциональных средств: трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (сокращенно Т-1, Т-2, Т-3), романа Леонида Леонова «Русский лес» (сокращенно Л) и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (сокращенно Б-1, Б-2: первая и вторая книга). Издания указаны в библиографии. Страницы русских изданий указываются через запятую. Следует сказать, что оценка переводов в целом в нашу задачу не входит.

Как было сказано, и в русском, и в эстонском языке есть слова, дающие эмоциональную оценку, например, различным положительным или отрицательным с точки зрения общественной морали явлениям, а также слова, непосредственно выражающие эмоциональную оценку и др. Поэтому во многих случаях перевод возможен непосредственным, основным словарным соответствием, лексическим эквивалентом, разумеется, в случае совпадения всех основных и дополнительных характеристик — «предметного» значения, эмоционального оттенка (как по качеству, так и по интенсивности), стилистической окраски, употребительности и т. д. Некоторые примеры:

«... дорога моя, милочка моя, радость моя...» (Т-1, 286).

«... *mu kallis, mu armsake, mu rõõm...*» (269).

«Ну, где же нам расставаться друг милый...» (Т-1, 307).

«Miks me siis peaksime teineteisest lahkuma, *armas sõber*...» (289).

«...Вы просто от природы *плакса*» (Т-1, 104). Переведено *piripill* (95).

«— Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он — *выжига* и *плут*» (Б-1, 64).

«Mulle ei meeldi see Nikanor Ivanovitš. Ta on *ahnepäits* ja *suli*» (100).

«...начали злобно ругать, обзывая *соплей*, интеллигентом, *тряпкой*...» (Т-3, 357).

«...hakkasid vihaseelt sõimama, nimetades teda *tatiks*, intelligendiks, *kaltsuks*...» (348).

«...Чародеева — просто *падаль*» (Т-1, 111). Перевод *raibe* (102).

См. еще: «*чудак-верзила*» (Т-3, 68) — *veidrik-kolask* (67); «профессорский *отпрыск*» (Л, 454), — *professori võsu* (480); «*мазня*» (Т-3, 94) — *plõtserdus* (91); «*расфуфыренное платье*» (Т-3, 139) — *ülesmuķitud kleit* (135); «*тютюкаться*» (Т-2, 430) — *porutata* (126); «*сдохнуть*» (о человеке) (Т-3, 321) — *kärvata* (313) и др.

Хорошо известно также, что одному и тому же слову в одном языке может в другом языке соответствовать несколько равноправных синонимов. Есть и в русском, и в эстонском языке синонимические ряды эмоциональных слов, в составе которых имеются синонимы примерно одинаковой стилистической и эмоциональной окраски. В таких случаях переводчик имеет свободу выбора, что позволяет разнообразить текст, учитывать особенности употребления слова в контексте, построения фразы и т. п. Например, *гадкий* (Л, 492) — *ilge* (521), *гадкий* (Л, 106) — *jäle* (113), *гадко* (Л, 265) — *võikalt* (281), *погаже* (Л, 706) — *jälgim* (744). *Тушица* может быть переведено не только как *риреа* (Б-1, 38) — (56), но и как *juhward* (Л, 490) — (518). *Шляться* может быть и *kolata* (Б-1, 53) — (82), и *ringi lonkima* (Л, 272) — (289).

Слово *ужасный* может быть переведено как *hirmus*, *kole*, *kohutav*, *bidne*, *jube*, т. е. здесь мы имеем синонимизацию, аналогичную русским взаимозаменяемым синонимам *ужасный*, *страшный*, *жуткий* (хотя каждый из этих синонимов, конечно, имеет и свои тончайшие нюансы).

В стилистических целях, с учетом контекста возможно привлечение и не-синонимов, более или менее близких по значению слов.

«От этого клетчатый гражданин стал еще *гаже*...» (Б-1, 33).

«See tegi ruudulise isanda veel *eetaletõukavamaks*» (49) «отвратительнее».

Ср. также «*гадкий голос*» (Т-3, 219) — *kole hääl* (214). Или:

«— Очень хорошо, мессир, — ответили оба *гаера*... (Б-2, 128). Перевод *peiarid* (323) 'забавники, потешники'.

«... перебил Семплеярова наглый *гаер*...» (Б-1, 81). Переведено *jultunud veiderdaja* (128) 'фигляр; кривляка'.

Во всем этом, разумеется, нет ничего нового, и нет смысла приводить много примеров. Художественный перевод не есть перевод словарный, слово в нем не является единицей перевода. Ориентируясь на общее адекватное восприятие перевода по сравнению с оригиналом, на адекватный эстетический эффект, учитывая особенности контекста и его взаимодействие с эмоциональным словом, переводчик подбирает лексический эквивалент, его межъязыковой синоним или другое близкое по значению эмоциональное слово. Поэтому подобное «несовпадение» — скорее закон, чем исключение; неточность здесь мнимая. Ясно, что это касается не только перевода эмоциональной лексики. Предположение о том, «что слову одного языка точно соответствует какое-то слово другого языка» является ошибочным (17, 3).

Поэтому в контексте возможны даже относительно далекие «соответствия»: *пакость* — *vingerpuss* 'подвох, каверза; проделка'.

Славный в зависимости от контекстных условий может быть переведено как *tore, tubli* и др. «Такие *славные* ребята...» (Л, 739) — «*Nii tublid* pooged...» (780). Ср. в шутовском вопросе Калины: — «Вы отколе ж, такие *славные* бояре, будете?» (Л, 77); в переводе *vaprad isandad* 'храбрые' (82).

Слово *удивительный* в разных контекстах может иметь соответствием *imelik, üllataw, imeline, kummaline, haruldane, isesugune, vaimustav*, т. е. в «обратном переводе» не только *удивительный*, но и *изумительный, странный, редкий* и др.; *скверный* — *roojane, halb, labane, räbal, tobe*, и некот. др., т. е. *поганный, плохой, пошлый, дрянной, дурацкий* и др. (Все примеры из рассматриваемых переводов.)

Разумеется, свобода переводчика в выборе средств относительна — если не должно быть буквализма, то не должно быть и излишней свободы, доводящей до искажений: общий результат должен быть адекватным.

Поэтому требуется учет контекста и стилистических особенностей его и в тех случаях, где на первый взгляд как будто возможен дословный перевод. Например, слово *дурацкий* имеет эстонские просторечные соответствия *tobe, loll, totter*. Именно одно из этих слов было бы уместным в высказывании грубого по натуре Чередилова о «*дурацкой* прогулке» в лесу (Л, 274). Переведено же нейтральным *rumal* (291) 'глупый'. Оправданно использование слова *rumal* (180) в словах Даши: «— Что же ты тогда делаешь в этом *дурацком* Городском союзе?» (Т-1, 192). Это вопрос о речевой характеристике героев.

Даже слово *дурак* в переводе не всегда *loll*, хотя это его словарное соответствие и наиболее часто выступает в качестве эквивалента. Слово *дурак* может быть переведено и как *tola, tobu, tobe, totakas, lollakas* (все эти синонимы, несколько различающиеся стилистической окраской, использованы в рассматриваемых переводах), в зависимости от условий контекста. (Ср. С. Петров о разнообразии русских соответствий английскому *fool* (7, 235).

Подобных примеров можно привести немало. Например, эмоционально-усилительное слово *ужасно* в разных контекстах, с учетом их общих стилистических особенностей, может быть переведено эмоционально-усилительными словами разной стилистической окраски *õudset, kohutavalt, hirmus, hirmsasti, põõraselt, tohutult, kangesti, kole[dasti]; äärmiselt, üpris* и некот. др.

Ср. также ответ поэта Бездомного на вопрос о том, хороши ли его стихи: «— *Чудовищны!* — вдруг смело и откровенно произнес Иван» (Б-1, 83). Переведено не «первым» соответствием *koletud*, а более сниженным, стилистически соответствующим всему высказыванию и внелингвистической ситуации *jõledad* (132) 'гадкие, мерзкие'.

Итак, эмоциональному слову может в зависимости от контекстуальных условий соответствовать слово несколько иной стилистической окраски: в целом важен общий стилистический «баланс» фразы, абзаца и т. д. Это известный принцип перевода вообще, являющийся также основой способа компенсации, «когда часть информации, заключенной в единице исходного текста, переносится в другую единицу текста перевода» (14, 26).

Поэтому при переводе необходим всесторонний учет контекста, взаимодействия эмоциональных слов в нем с другими словами и т. п. Конечно, эмоциональность фразы зависит не только от наличия эмоциональных слов. Например (Поля об отце): «Сколько лет его костерят, а он и виду не показывает. Он вообще работяга у меня» (Л, 574). Здесь эмоциональное звучание во многом зависит от местоимения *у меня*: это и признание Полей вновь приобретенного отца, и гордость им. Кстати, переводчик, к сожалению, этого не заметил; переведено «*Ta on üldse tubli töõmees*» (606).

А. Федоров, несомненно, прав в том, что материал художественного перевода заставляет «смотреть на достигнутый результат не с точки зрения отдельных элементов или особенностей подлинника, а в перспективе целого произведения...» (11, 475).

* * *

Хорошо известно явление несовпадения семантического объема слов в языках. В результате многозначное слово в раз-

личных своих лексико-семантических вариантах нередко имеет и разный перевод. Эмоциональная лексика в этом отношении исключения не представляет.

Так, *прекрасный* может обозначать не только 'очень красивый', но и 'очень хороший', синонимизируясь со словами *превосходный*, *отличный* и др. (и то, и другое с эмоциональной окраской). В первом значении обычное эстонское соответствие — *kaunis* (или *imeilus*): «*Прекрасная шея...*» (Б-2, 81) — «*Kael on kaunis...*» (248), «... он [город] стал несправдоподобно прекрасен...» (Л, 124) — «*ebatõepäraselt kaunis*» (132). В значении 'очень хороший' возможен разный перевод (выбор из числа синонимов и близких по значению слов), с учетом интенсивности выражаемой эмоциональной оценки и общего стиля высказывания. Например, с более интенсивной эмоциональной оценкой — *oivaline* или разговорное *imetore*: «*прекрасная водка*» (Б-2, 126) — *oivaline viin* (320), «*прекрасная ночная лампа*» (Б-1, 86) — *imetore öölamp* (137). Ср. также менее эмоциональные разговорные *kena villa* (207) — «*прекрасный особняк*» (Б-2, 56) и *väga viisakas ülikond* (137) — «*прекрасный костюм*» (Б-1, 86); возможны и другие соответствия (*suurepärane* и др.).

Слову *жалкий* в разных значениях соответствует *hale, nigel*: «*жалкие потуги мести*» (Л, 5) — *haledad* (7), «*жалкая фигура*» (Л, 639) — *hale* (674); «*жалкая утеха*» (Л, 593) — *nigel* (626). В определенных условиях возможен и более свободный перевод: «Будит же ученого и доводит его до *жалкого* крика в ночь полнолуния всегда одно и то же» (Б-2, 143). Переведено — *abitu karje* (349) 'беспомощный крик'.

См. также разный перевод эмоционально-оценочного прилагательного *паскудный*: «*паскудный кот*» (Б-1, 35) — *nurjatu kass* (51) — о совершающем подлые и т. д. поступки; «*паскудный сеанс*» (Б-2, 115) — *jõle etendus* (303) — 'гаджкий, мерзкий' — о действиях, поступках.

Разумеется, такого рода примеры могут быть приведены в большом количестве; фактически это тот же словарный перевод, лишь с учетом многозначности слова. Правда, иногда нахождение верного, меткого соответствия требует определенного поиска.

«За жареную курицу она *заломила* пять карбованцев...» (Т-3, 152—153).

«*Praetud kana hinnaks virutas ta viis karbovanetsit...*» (149).

«— *Хороши*, — сказал Воланд» (Б-2, 128) — «*Olete kenad küll...*» (323).

Или следующие случаи: «*ломаться*» (Т-3, 185) — *komejanditama* (181); «*чудо бородатое*» (Т-3, 196) — *habemeiga imeloom* (192) и др.

Более интересны факты несовпадения эмоциональной ва-

лентности соответствующих слов в сопоставляемых языках. Русское слово и его непосредственное соответствие в эстонском языке не всегда способны нести одинаковую в качественном отношении эмоциональную нагрузку. (Речь может идти как о языковой, узуальной, так и об окказиональной эмоциональной многозначности).

К примеру, русское слово *окаянный* может употребляться как пейоративное или бранное, а также как шутливое. (По-видимому, такое употребление слова становится возможным в силу неясности его мотивации.) Непосредственное же его эстонское соответствие [*äraneetud* 'проклятый' возможно как пейоративное, бранное, но не как шутливое. Нередко слову *окаянный* в переводе соответствует *nurjatu* 'низкий, негодный', обычно также лишь в пейоративном значении. Отсюда отказ в этих случаях переводчиками от непосредственного, «прямого» соответствия и поиски иных средств, способных передать шутливую окраску. Приведем примеры.

«Могу проглотить тебя в один прием. Варила что-нибудь, окаянная?» (Л, 136). Перевод — *patuoinas* (144). Буквально 'козел отпущения'.

«Кайся, *окаянная*: ты съела пирожное от меня украдкой... так?» (Л, 119). Переведено: «*Kahetse, õnnetu...*» (126) 'несчастливая'.

Ср. также фамильярное, полшутливое, с фальшивой лаской (Титка):

«— Чего заглохли, *окайные*... чего, дятелки, не постукиваете?» (Л, 89). Перевод — *põrgulised* ≈ 'чертенята' (95).

«... он, *окайный*, в командировку укатил...» (Л, 421). Переведено словом *sinder* (446), обычно выражающим добродушно-фамильярное порицание, удивление и т. д.; может употребляться и шутливо.

«— Весь антракт по пятам за тобой шатался, жене твоей воздушные приветы ручкой посылал, а ты, *окайный*, хоть бы взглядом, <...>, дружка подарил!..» (Л, 354). В переводе *nurjatu* (375), что допустимо в этом контексте (более грубая, «мужская» шутка).

Ср. также: «— Крепка, *проклятая*... — сказал Коля Лавцов [о водке]...» (Л, 538). Перевод — «*Sa ramp, kui kanges...*» (568). Найдено удачное соответствие — шутливо употребленное менее грубое бранное слово.

Разной оказывается эмоциональная валентность и слова *голова* в значении 'умный человек'. В этой функции ему в эстонском языке соответствует слово *tarkpea* (букв. 'умная голова'), могущее быть употреблено и иронически. Именно в силу данной более конкретной внутренней формы в других значениях (не об уме человека) в эстонском тексте — иной перевод.

«— Да что ж ты, *голова*, сигнала мне не подал, раз в Мо-

скве?..» (Л, 354). Переведено добродушно-фамильярным *vetmal* (376) 'озорник'.

Слово *чудак* — в значении 'странный, с причудами человек' имеет эстонское соответствие *veidrik*.

Но: «— Да ты на меня не кричи, *чудак*» (Т-3, 323) и «— *Чудак голова*, так это же и есть закон советской власти...» (Т-3, 135), где в обоих случаях перевод — *naljamees* (314) и (131) 'шутник'.

* *
*

Эмоциональные слова могут быть образными и необразными; наличие яркой внутренней формы не является релевантным признаком эмоционального слова; с другой стороны, не все образные слова являются эмоциональными (с точки зрения непосредственного выражения эмоциональной информации). Все же, хотя детерминированности одного другим нет, образность нередко оказывается весьма существенным свойством эмоционального слова, особенно в художественном тексте. От внутренней формы часто зависит степень интенсивности выражаемой эмоции, яркость, свежесть восприятия. Как было показано выше, наличие/отсутствие внутренней формы иногда приводит и к различной эмоциональной валентности слова.

Нередко в сопоставляемых языках находим эмоциональные слова с неслучайной, «тенденциозной» внутренней формой, иногда с тождественной, иногда близкой или различающейся. Например, метафоры пейоративной окраски *осел, змея, тряпка, щенок, ползать, каркать* и др. (о человеке) имеют в эстонском языке аналогии. Для сравнения приведем такие метафоры, как, например, *ворона, тюлень, скулить*, которые в эстонском узусе не имеют переносных пейоративных значений. С одной стороны, иногда здесь определяющим оказывается общность психического склада людей разной национальности, но близких по общим условиям жизни и уровню развития (что может, кстати, являться также причиной возможного калькирования). С другой стороны, именно в образных словах весьма часто проявляется национальное своеобразие языка, самобытность образного мышления.

Подбор нужного образного эмоционального соответствия не всегда представляет из себя трудность при переводе: переводчик подбирает имеющийся в языке эквивалент. Например (все примеры из анализируемых переводов), с тождественной внутренней формой: *чудовищный* — *koletislik*, *дрянной* — *närune*; иногда при одинаковой образной основе различие касается лишь оформления слова, мотивированного в целом одинаково: *шкурник* — *nahahoidja* (буквально 'берегущий шкуру'), *чертовщи-*

на — *kuradivärk*. Чаше внутренняя форма не совпадает: *лежебока* — *vedelvorst* 'жидкая колбаса', *белоручка* — *siidkäsi* 'шелковая рука', *праздные зеваки* — *päevavargad* 'воры дня', *воровская душа* — *varganägu* 'воровское лицо', *плакса* — *piripill*, *рубака* — *lõõtamees* и мн. др. (Как показывают приведенные примеры, эстонские сложные слова этого типа часто представляют собой своего рода однословные фразеологизмы). В целом следует, сказать, что эстонский язык, с его почти безграничными возможностями образования самых различных образных сложных слов, в том числе окказиональных, предоставляет переводчику богатейшие возможности передачи эмоциональных моментов образными лексическими средствами. Ведь в этих случаях важно не сохранение конкретного образа, а образности вообще.

Все же переводчику нередко приходится проявлять определенную находчивость, подыскивая адекватные образные эмоциональные лексические средства, особенно в тех случаях, где в подлиннике использовано более яркое, «свежее», не совсем обычное или малоупотребительное, иногда с «нестертой» внутренней формой эмоциональное слово. Это качество слова должно быть сохранено при переводе, тем более, что такое словоупотребление всегда приводит к определенному стилистическому эффекту, в том числе и к большей эмоциональности в смысле читательского восприятия (т. н. «вторичная» эмоциональность). Приведем некоторые примеры, где, на наш взгляд, переводчиком найдено удачное соответствие.

«Теперь они у меня не проспят, *толстомясые*» (Т-3, 177).
Перевод — *paksukerelised* (173).

«— *Краснопузая сволочь* все вычистила, — ни одного кабака, ни одного заведения с девочками...» (Т-3, 389).
Переведено *punataoline rämps* (380).

«...я знаю этих *горлопанов*, опять будут кричать, что я пропиваю армию...» (Т-2, 438).
Переведено образным, выразительным *lõuamehed* (133).

К удачам переводчиков мы бы отнесли еще следующие переводы этого типа: «нечесанные *голодранцы*» (Т-2, 591), где переводчиком найдено более свежее, нечасто употребляющееся образное слово — *kaltsvatid* (284); «*штафедроны*» (Т-3, 287) — *pintsakukangelased* 'пиджачные герои' (279); «*рыдальная тирада*» (Л, 429) — *nutunaiselik tiraad* 'плакальница' (454); *дуборос* (Л, 81) — *jumikas* (86) и др. Определенного поиска потребовали и следующие примеры:

«— А ну, *грачи*, окажите уважение старикам, — солидно бросил Коля Лавцов...» (Л, 546).
Перевод — *harakapojad* 'сорочата' (576).

«— Вот контракт ... *переводчик-гад* подбросил...» (Б-1, 65).
Перевод *kuradima tõlk* 'чертов переводчик' (102).

См. еще: «воздушный *стервец*» (о фашистском летчике; Л,

202), перевод — *raisakull* 'стервятник' (215); «бедная замараши-ка» (Л, 634) — *vaene tuhkatrüünu* 'золушка' (669); «крохотка ты моя» (Л, 365) — *sa mu linnupoeg* (387) 'птенчик ты мой' (387); «хануга биржевая» (Л, 681) — *börsihai* 'биржевая акула' (719); «чертушка» (Т-3, 414) — *ragana poiss* (404); «зазнобка» (Л, 395) — *südamekallike* (419).

Иногда переводчики, не ограничиваясь «первыми», обычным соответствием-эквивалентом, прибегают к более редкому, ярко образному соответствию даже в тех случаях, где в оригинале использовано обычное, менее интересное слово, добиваясь тем самым неожиданного эффекта.

«... трескучая его болтовня подействовала на нее успокоительно» (Б-2, 73). Вместо обычного перевода *loba* — *sõnamulin* (235).

«... мучительно думая о том, кто бы мог быть этот удивительный плакса» (Б-1, 117). Вместо привычного *piripill* — *silmavesistaja* (188).

«... и, кроме того, невероятных размеров кот...» (Б-1, 58). Вместо непосредственного соответствия *uskumatult* — более «свежее» слово *ilmuõimatult* *suug* (90).

«— Ах, мошенник, мошенник...» (Б-2, 76). Переведено образным, нечасто встречающимся *lõuapoolik*. В интересах образности допущено некоторое изменение в «предметном» значении, но в условиях данного контекста это вполне себя оправдывает: *мошенник* здесь употреблено в качестве более «общего» бранного слова; *lõuapoolik* — о болтуне. Кроме того, удачная перестройка фразы позволила усилить эмоциональность: «No küll on *lõuapoolik*, но on alles *lõuapoolik*...» (240).

Сдвиг в значении в сторону его конкретизации имеет место и в следующем переводе, где просторечное *kaardimoor* — 'ворожейка, гадалка'.

«... подобно самому последнему шарлатану на мосту» (Б-2, 76).

«... just nagu mõni *kaardimoor* kuskil silla peal» (240).

Следует сказать, что во всех приведенных случаях подобный переводческий прием, на общем фоне яркого, экспрессивного словоупотребления, характерного для романа М. Булгакова, представляется весьма удачным.

Своеобразное решение найдено для перевода слова *гад* в трилогии А. Н. Толстого (там, где этим словом называют белых) — *rästik* 'гадюка' (пример актуализации внутренней формы слова).

Можно привести немало примеров переводческого творчества, в результате которого для передачи эмоциональной окраски подлинника найдены удачные образные, экспрессивные соответствия.

Интенсивность выражаемого порицания усиливает разговорная частица *va*:

«— Сядь, *неряха*...» (Т-1, 198) — ««Istu, va lohakas...»» (185)

Иногда, в зависимости от структуры фразы, отрицательно-эмоциональное оценочное существительное приходится заменять другой частью речи, например, причастием:

«Берлиоз не стал слушать *попрошайку* и *ломаку* регента...» (Б-1, 32)

«Berlioz ei jäänud *santivat* ja *veiderdav*at regenti kuulama...» (46)

«Отставной *втируша-регент* сидел на том самом месте...» (Б-1, 33). Перевод *lipitsev* eksregent (49).

Возможно также применение фразеологического оборота; иногда с одновременной перестройкой фразы:

«— Вот *здорово*...» (Л, 137) — «*Oh sa aeg*...» (146)

«*Хорош* и наш секретарь Пролежнев, тоже *хорош!*» (Б-1, 99)

«Meie sekretär Proležnev on ka *paras poiss*, täitsa *paras poiss selle koha pealt!*» (158)

«— Сами вы *хороши*, — отвечала другая. — Обе вы *хороши*, — звучно сказала Маргарита...» (Б-2, 67).

«Aga mis te ise teete <...>. «*Pada sõimab katelt*...» (224)

«— *Драннули, хороши*...» (Т-3, 14)

««*Lasksite jalga, olete kenad mehed küll*...»» (13)

«Выходило что-то совершенно *несусветное*...» (Б-1, 109)

«*Nüüd oli küll kurat teab mis lahti*...» (174)

См. также на месте шутливо употребленного слова:

«...дай мне *облачиться* сперва» (Л, 377) — «...*panen enese tundrisse*» (400).

Все это, на наш взгляд, должно быть отнесено к удачам переводчиков.

Особую трудность, конечно, представляют собой, с точки зрения перевода, индивидуальные, авторские находки. Например, в романе «Русский лес» характерное в речи Демида Золотухина словечко *купорос*:

«...прямо один *купорос* с ею!» (Л, 85) или «Ну, *купорос* твое дело, девка!...» (615). Эстонские соответствия *lausa häda* (91) 'просто беда' и «*Sinu lugu on räbal*...» 'твое дело дрянь' (649) адекватно передают содержание и эмоциональную окраску высказывания, тем не менее желательно было бы видеть на месте редкого и поэтому выразительного, характерного для данного персонажа слова какую-либо аналогию в переводе.

Нельзя считать неудачным перевод *marakratt* (слов неясной внутренней формы '~ проказник, баловник'), передающий основную эмоциональную, ласково-добродушную окраску фразы Кнышева (156), тем не менее, по-видимому, можно было попытаться тем или иным способом сохранить оригинальность кнышевского обращения к мальчику (*пенек-топорик*: Л, 146), которое по самой своей образной основе как нельзя лучше характеризует

этого человека, лесохозяйственика по профессии. Хочется в этой связи привести слова А. И. Ефимова о том, что «... речевое творчество многих писателей убеждает, что обращения представляют большие возможности для новаторства» (4, 468).

С точки зрения сохранения авторского своеобразия и образности эмоциональных слов менее удачными кажутся и следующие переводы.

«... этот герой своего времени, сплетя ноги в невыразимых желтых гетрах...» (Л, 686). Перевод — *väljakannatamatult kollastes* 'в нестерпимо желтых' (723).

«... [Саша Грацианский] выкинул бы фортель и позанозистей...» (Л, 686). Переведено — *mõni suurem trikk* 'какую-нибудь штуку побольше' (724).

«... он [Гиганов] и действительно был холуй, полицейское ухо, доносная ночная тварь, подонок нации...» (Л, 503). В переводе «*tallalakkuja, politseinuhk, salakaebaja, inimrämps*» (531) 'холуй, полицейский шпик, доносчик, [человеческая] дрянь'. См. также: *многоглаголющий змий* (Л, 513) — *lobisev madu* (542) 'болтающая змея'. Прямого искажения значения, ни денотативного, ни эмоционального нет. Тем не менее перевод звучит менее оригинально, «сглаженно», а тем самым оказывается утраченной острота критики и иронии: у Леонова ирония и отрицание выражены нетривиально, тоньше, а от этого злее, действеннее. Подобного упрощения следовало в переводе избегать, по меньшей мере там, где образность и экспрессивность существенны с точки зрения определенной концепции произведения.

Особенно трудны для перевода случаи, где внутренняя форма слова имеет национальный характер, где образному слову нельзя найти равносильное во всех отношениях соответствие в языке перевода. Например, с точки зрения перевода на эстонский язык, трудным оказывается и такое несложное, казалось бы, слово, как *родной*.

Конечно, *родной*, а также нар.-поэт. и просторечное *родимый*, как синонимы слов *дорогой*, *милый* могут быть переведены посредством слов *armas*, *kallis*, в тексте разговорного характера также *kulla*, но хорошие результаты такой перевод может дать лишь в контексте, где интенсивность выражаемой эмоции несколько меньше (хотя обычно «*родной* и *родимый* выражают самую горячую приязнь» [9, 301]). Например:

«— Товарищи, *родные*, как же мне теперь?» (Т-3, 197). В переводе ««*Kulla seltsimehed*...»» (193)

Ср.: «Там ждет его *невыразимо любимая, невыразимо родная*...» (Т-2, 412). Здесь общая предельная эмоциональность фразы возмещает недостающее: «... *ütle matult armas, ütle matult kallis*...» (108)

Или: ««*Дашенька, родная, спи, милая*...»» (Т-3, 181): ««*Да-*

šake, *kallis*, *taiga*, *armas*»...» (177), где интенсивность чувства также падает не на одно только слово *родной*.

Есть и контексты, где вся нежность, вся сила чувства выражается именно посредством этого слова:

— «Здравствуй, *родная моя*...» (Т-1, 168; Телегин Даше)

«— Катюша...

— Что, *родненькая?*» (Т-1, 169)

«...спрашиваешь, что самое паразитильное на войне? Не знаю, *родная моя*...» (Л, 332).

В приведенных отрывках слово *родной* переведено эстонским *kallis* 'дорогой'; соответственно (252), (157), (353). Хотя эстонское слово *armas* 'милый' обычно используется для выражения настоящего теплого чувства, слово же *kallis* может употребляться в случаях значительно меньшего эмоционального напряжения (см. об этом ниже), необходимо учитывать и сравнительно малую употребительность слова *armas* в качестве обращения. Поэтому в подобных случаях возможность использования этого слова всецело зависит от контекста. Из приведенных примеров во втором, по нашему мнению, был бы возможен перевод *родненький* — *armsake[ne]* (или *kullake[ne]*).

«— Держись, *родная моя*, тут недалеко... баню для шпалотесов топили. <...> — бормотал он...» (Л, 239). Эстонский перевод «*Pea vastu, kallis*...» (255), на наш взгляд, по сравнению с оригиналом, звучит несколько холодно. Думается, здесь также можно было использовать более теплое, разговорное *kullake[ne]* 'голубушка': «*kullakene, katsu vastu pidada*...»

— «*Родная ты моя, железная!*.. — еле слышно вздохнула жиличка» (Л, 632). Переведно ««*Mu kange tüdruk!*»» (667), что также не вполне адекватно передает этот вздох от души, полный ласки, сочувствия, благодарности. По-видимому, можно было использовать слово *tütreke* 'доченька', как это сделано, например, при переводе следующей фразы (419): — «Неча мне таиться, *родимая*...» (Л, 395).

К трудным для перевода случаям относятся и другие эмоциональные обращения, носящие печать национального своеобразия: *желанный*, *ненаглядный*, *касатка*, *ладушка*, *зорька*. В словарном сопоставлении им, конечно, могут соответствовать слова *kallis*, *armas*, *kulla[ke]*, которые чаще всего и применяются переводчиками. Думается, что здесь обычно используются не все возможности эстонского языка, например *paike[ne]*, *kullarai*; может быть, *piigake*, *tütreke* (на месте таких, например, слов, как *касатка*, *касатушка*) и некот. др., разумеется, со строгим учетом их уместности в контексте.

Кстати, многие явления, связанные с образной мотивацией слова, должны быть отнесены к области «более тонкой информации», по выражению Л. Мери, ценной и неотрывной от произведения (15, 77), но не всегда поддающейся переводу. Напри-

мер, В. Г. Чеботарева тонко подметила связь слова *родник* со словами *родина, народ, род, родня, родной* в романе «Русский лес»: поэтому писатель в романе говорит о *роднике*, нигде не прибегая к синонимам этого слова (12, 8). (Мы бы добавили, что вряд ли является случайным и имя юноши, незримого спутника Поля на протяжении всего романа — *Родион*.) Актуализируется этимологическая соотнесенность слова; в переводе на эстонский язык это сохранить невозможно.

* * *

*

Эмоциональные слова могут иметь известные особенности и в употреблении, которые также должны быть учтены при переводе: автоматический перевод эмоциональных слов кажущимся адекватным соответствием может привести к неточности в передаваемой эмоции, а адекватность средств оказывается мнимой. Таковы, например, русские слова *милый, дорогой*. Дело в том, что русское слово *милый* (реже — *дорогой*), употребляемое в качестве обращения, не всегда выражает чувство соответственно своему значению. Его эмоциональное значение как бы стирается, оно как бы мимоходом, в качестве привычного обращения вклинивается в речь. Именно поэтому акад. В. В. Виноградов писал, что слово *милый* «мелкое слово, употребляемое обычно в незначительных разговорах, применяемое скорее для затушевки чувства, чем для оттенения его...» (2, 16). Проиллюстрируем сказанное.

«— Насколько я вижу пока, вы опять не согласны со мной, *милый* товарищ Чернецова?» (Л, 198)

— «Благодарить-то не за что пока, *милая* барышня, — смутился он» (Л, 222).

В речи «женщины с чулком», с которой Поля только что познакомилась:

«*Милая*, не надо предаваться отчаянию...» (Л, 11)

«О, вы еще не знаете, *милая*, как судьба склонна посмеяться над нашими планами!» (Л, 12)

То же самое в поучительных речах Вари:

«— Ну, знаешь ли, *милая*... <...> — в подобном состоянии себе лучше помолчать» (Л, 128).

«— Я не советую тебе, *милая*, делить людей по этому признаку» (Л, 138).

Если в предыдущих примерах слово *милый* выражает в меньшей мере расположение, то иногда это слово употребляется даже в тех случаях, где положительное отношение к собеседнику вообще отсутствует.

«Тень застарелого раздражения набежала на лицо Грацианского:

«— Но мы-то знаем с тобой, *милый*, что истины не бывает» (Л, 179).

««Нет, *милейший* профессор, нас не запугаешь лесными законами...»» (Л, 414).

Чандвецкий выговаривает Саше Грацианскому:

—« Да и поймайте же, наконец, *милый* Саша...» (Л, 512).

Во всех приведенных отрывках в переводе — *kallis* 'дорогой': в эстонском языке именно это слово употребляется в аналогичной функции; слово же *armas*, как было сказано выше, обычно выражает искреннее чувство. В высказываниях разговорного характера в этой функции возможны также слова *kulla*, *kullake*.

«— Куда это девки побежали? — Грабить, *милая* барыня» (Т-1, 194). Переведено *kulla* ргоаа (182).

«...хорошо, найди, *милая*, пощи другого такого, кто будет с тобой так же тюткаться...» (Т-2, 430). Перевод — *kullake* (126).

Ср. также следующий отрывок:

«— *Милый* барон <...> был так очарователен...» (Б-2, 84), где в переводе — *lugupeetud* рагип 'уважаемый' (253).

При большой экспансивности возможен иной перевод.

«— А, *милейший* барон Майгель...» (Б-1, 84).

««Оо, *ти armas* рагип Маугел...»» (253).

««Будешь, *милая* моя, повешена!»» (Т-3, 11).

««Sind puakse üles, *ти armas!*»» (11). (Интенсивность противоположного чувства.)

Аналогичная затушевка чувства возможна и в разговорных обращениях *голубчик*, *голубка*, *голубушка*; в эстонском языке имеется соответствие *kullake*, которое также может употребляться как для выражения искреннего расположения, так и в качестве дружески-фамильярного обращения или со «стершейся» лаской.

«Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так: — Несчастный поэт! Но вы сами, *голубчик*, во всем виноваты» (Б-1, 84). Перевод *kullake* (133).

Но с большей интенсивностью выражаемой эмоции:

«— *Голубчик*, это вздор!» (Б-1, 121) — «*Armas inimene, see on jama!*» (194).

* / *
*

Выше уже говорилось об определенной свободе, а иногда и необходимости выбора слова переводчиком, даже в случае наличия в языке переводного эквивалента. Нередко же переводчик сталкивается с явлением отсутствия в языке перевода адекватного во всех отношениях слова, уместного в данном конкретном контексте. В таких случаях переводчик стоит перед дилеммой — либо сохранить смысловую точность, лишив высказывание эмоциональной адекватности, либо в интересах сохранения

эмоциональной информации поступиться в некоторой степени смысловой точностью. Зачастую более важным оказывается эмоциональный момент. Разумеется, сдвиг в денотативном значении не должен приводить к существенному изменению, искажению содержания высказывания. Приведем некоторые примеры удачного, на наш взгляд, перевода.

«— Разыщи этого Николая Ивановича и скажи ему, что он *разиня*» (Т-1, 107). Переведено *togu* 'дурень, дуралей' (98).

«...достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он — *сволочь, склочник, приспособленец* и *подхалим*» (Б-1, 51). В переводе вместо *приспособленец* — *riigeja* 'подлиза' (79).

«...а ты уже *раскисла* от обиды, что тебе не дают со смертью поиграть!» (Л, 329). Перевод «*hakkad viha pärast töipata*» 'реветь' (350).

«— Будет тебе *собачиться*, унтер...» (Т-1, 149).

««*Aga sa midagi räuska, unter...*»» (139), где *gäuskama* ~ 'шуметь'.

По-разному переведено слово *хлюст*, не имеющее в эстонском языке адекватного стилистически сниженного соответствия.

— «Нет, староста у нас другой, а этот *хлюст* заместо полиция добровольно старается» (Л, 598). В этой ситуации слово *riigeja* (631) 'подлиза, подхалим' вместо *хлюст* вполне допустимо.

«До зуда распалил меня этот лысый *хлюст* в заграничной коже» (Л, 325). Переведено — *kiilaspäine vurlle* 'хлыщ' (345). Перевод представляется удачным: важнее было сохранить презрительную эмоциональную оценку, чем конкретное денотативное значение; здесь необходимо хлесткое, резкое, стилистически сниженное слово, способное передать эмоциональное состояние Касьяна, выступившего в защиту Вихрова. К тому же в бранных словах вообще, как известно, доминирует эмоция.

«Дядя мой *хлюста* одного знавал: сушеный снег в соль подмешивал...» (Л, 724). В переводе *võllaroog* (764) — слово более общего пейоративного значения. Тот же прием — подбор слова менее конкретного значения — имеет место в следующем случае.

«Вот-с, каков *проныра*...» (Б-2, 74) — перевод *vetmal* (236).

В зависимости от контекста возможен также способ конкретизации:

«Так, значит, не на Лиговке, где толклась и галдела в те годы пьяная столичная *рвань*, а именно здесь находилось дно столицы» (Л, 681). На месте слова *рвань* в переводе — *joodikud ja kaabakad* 'пьяницы и негодяи' (719).

Ср. еще: «Степины *паскудства*» (Б-1, 96) — *märatsemine* 'буйство' (153); «*старье*» (Л, 451) — *võduriloks* 'паровоз-развалина' (477) и др.

Однако в интересах сохранения эмоциональной информации в денотативное значение не должно быть внесено существенных изменений, которые порою могут привести и к искажению авторского замысла. В таких случаях изменение денотативного значения в пользу эмоционального себя не оправдывает.

Спорным кажется, например, перевод слова *плюгавый* словом *uõigas* 'гадкий, гнусный, мерзкий' (548) в словах Чандвеевского о «плюгавой канцелярской личности», выдуманной Заратустру (Л, 519): в высказываемую оценку Ницше тем самым внесено существенное изменение. То же самое следует сказать о переводе «декадентские лоботрясы» (Л, 512) — *tohmanid* 'болваны' (540; о членах организации «Молодая Россия»).

Не представляется удачным и перевод *мужлан* — *poisivolask* ~ 'верзила' (245): «А ну-ка, мол, он ей [Леночке] не глянется, Демидка, *мужлан-то* твой?» (Л, 230). Налицо значительный сдвиг в семантике, более того, здесь важно было сохранить существенный для характеристики Сапегинной намек на «мужицкое», крестьянское происхождение Демидки (актуализация внутренней формы слова), например, посредством слов *matsivolask*, *matsijõmm*, *külamats*.

«Черт его душу знает — до чего *сволочь хлипкая...*» (О Рошине, потерявшем сознание от удара в висок) (Т-3, 161). В переводе *libe lurjus* (157) 'скользкий', в значении 'увертливый'.

Конечно, в зависимости от роли эмоционального слова в тексте подобные промахи могут иметь лишь локальное значение, иногда же они наносят значительный урон не только эмоционально-стилистической тональности, но и идейному содержанию произведения.

* *
*

Это же можно сказать о случаях искажения эмоционального момента при переводе: некоторые из них имеют локальное значение, некоторые вносят более досадные сдвиги в художественную структуру произведения. Например, не является удачным перевод «долговязый мальчуган» (Л, 28) *volask* (31) 'верзила': это неверно по существу, так как вносит в речь Поля нехарактерную для нее грубость по отношению к Родиону. «Неистовый юнец» (Л, 402; о Сереже) переведено как *kange mees* (426) ~ '[славный] молодец', что неверно и стилистически. «Жутковатый холодок» (Л, 200), с которым Поля отыскала Родиона среди солдат на экране (в кинохронике) превращен в *жуткий озноб* — *jube külmavärin* (213). Иногда при переводе эмоциональная окраска вообще исчезает. Например, «игра с юнцом» (Л, 704) в переводе звучит нейтрально: вместо *юнец* — *pooruk* 'юноша' (742); по-видимому, можно было использовать пейоративное слово *kollanokk* 'желторотый'. Не являются равносиль-

ными слова *непригожий* и *глупый rital'* (224) в следующем контексте:

«У самого небось сестренки на выданье... то-то хлебнут бедухи за братние-то *непригожие* дела», — приговаривал Парамонич [в адрес фашистского летчика]» (Л, 210—211).

«У Поля складывался *величавый*, но несколько двойственный образ Александра Яковлевича Грацианского как аскетически замкнутого человека, искусно забронированного от постороннего любопытства; обнаружилось к примеру, что ни одна душа на свете не смела забрести к нему без предварительного телефонного звонка. И прежде всего он оказался лишенным обычных человеческих слабостей...» (Л, 411).

В переводе (стр. 436) слово *величавый* опущено, тем самым утрачен весьма существенный штрих в приведенной характеристике, исчезла также авторская тонкая ирония.

Отсутствует обращение в переводе (86) следующей фразы Кнышева:

«Мы, *голубка ты наша*, и так уйдем, пушай спит твой закон...» (Л, 81). В результате исчезла не только «речистость» Кнышева, но и его деланная ласковость, по сути дела издевательство над «кнышевской жертвой» (Л, 81). Можно было использовать, например, слова *kullarai, raikene* или др. подобные. Таким же образом *бумаженция* в речи этого же Кнышева превращена в *акт* (Л, 80) — (86) и др. случаи, которые перечислять здесь нет смысла.

* *

*

В художественном контексте (а возможно, и не только в нем) немаловажное влияние на выбор слова оказывает и ритмо-мелодическая структура фразы, требование сохранить ритм, благозвучие высказывания. «Художественная проза гораздо чаще, чем принято думать, стремится к кадансу, к ритмической последовательности голосовых подъемов и падений, к аллитерации и внутренним рифмам» (13, 171).

О сухом, «переводческом» языке писалось нередко, вопросам же мелодики переводного текста в связи с этим обычно мало уделяется внимания, хотя общее впечатление, эстетическое восприятие переводного текста во многом зависит от этого, даже при абсолютной точности передачи содержания и коннотативных моментов. Текст перевода в идеале должен читаться адекватно и в этом плане, ибо «...если прекрасное стало корявым, то какое же это соответствие!» (6, 248). Приведем некоторые примеры, на наш взгляд, относящиеся к переводческим удачам с этой точки зрения.

«...Прасковья Федоровна — *милейший*, но, увы, рассеянный человек» (Б-1, 83):

«... on *kena ja armas, aga hirmus hajameelne naisterahvas*» (130).

«...до того все сложилось *прекрасно и неповторимо...*» (Б-2, 109).

«... nii *tore, kaunis ja kordumatu oli kõik...*» (293)

В обоих отрывках сохранению мелодического рисунка фразы способствует дополнительно введенное, «лишнее» с точки зрения дословного перевода слово.

«— Уу, *проклятая дыра!* — прорычал он» (Б-1, 86).

Хотя *проклятый* — [ära]neetud, переводчик избрал иной путь:

««*Kuradi urgas!*» — urises ta» (136). Аналогично выражению в подлиннике, здесь весьма удачно передано именно «рычание» (наличие повторного звука «р»). («*Kuradi urgas*» — 'чертова дыра').

* * *

Выводы, которые могут быть сделаны на основе изложенного выше материала, сводятся в основном к следующему.

Эмоциональное слово при переводе требует к себе предельного внимания: зачастую именно слово является носителем эмоциональной информации, именно эмоциональное слово является самым непосредственным выразителем авторского отношения к описываемому, средством выражения эмоциональных состояний персонажей, их оценки окружающего и т. д. Существенна роль эмоционального слова как средства речевой характеристики персонажей; во многом за счет эмоциональной лексики складывается общая эстетико-эмоциональная тональность произведения. (В качестве примера можно сослаться на роль эмоциональных слов в создании сатиры и иронии в романе Л. Леонова «Русский лес»; на функцию эмоциональных слов в рассматриваемых произведениях как средства передачи особенностей разговорной речи со всеми характерными для нее оценочными моментами; на своеобразную нарочитую, броскую резкость в определенных частях романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», создаваемую с участием эмоциональных слов, и мн. мн. др.) Недостаточное внимание к эмоциональному слову может привести к более или менее существенному искажению выражаемой эмоциональной оценки или отношения. Искажения эти могут иметь локальный характер, но могут означать и более серьезный сдвиг в эстетической и стилистико-идеологической структуре произведения.

Поскольку в эстонском языке имеются группы эмоциональных слов, аналогичные русским, то нередко переводчик без особого труда находит лексическое соответствие, адекватно передающее эмоциональный компонент русского слова, иногда из числа непосредственных соответствий (перевод «слово в слово»), иногда из числа синонимов или близких по значению слов, не являющихся собственно межъязыковыми синонимами переводчи-

мого слова. Возможно привлечение и относительно отдаленных (в словарном смысле) по значению слов: важна не механическая передача того или иного слова, важна общая адекватность, общее эмоционально-стилистическое «равновесие» перевода по сравнению с подлинником. Разумеется, приходится учитывать многозначность слова, его семантический объем, зачастую не совпадающий в сопоставляемых языках. Существенными оказываются и такие моменты, как эмоциональная валентность слова, образность (наличие внутренней формы), особенности употребления, привычность, «стертость» или, наоборот, «свежесть» используемых эмоциональных слов, их стилистическая окраска. Немаловажна и ритмическая организация речи, оказывающая влияние на выбор слова. Некоторые из перечисленных моментов в равной мере существенны и с точки зрения не-эмоциональной лексики, некоторые же представляют из себя специфическую особенность перевода эмоциональных слов.

При этом такие моменты, как образность, «свежесть», стилистическая окраска и требования ритма могут и не быть непосредственно связаны с выражением той или иной эмоции; в то же время это весьма существенные моменты с точки зрения т. н. «вторичной» эмоциональности. Однако нередко эти моменты оказываются существенными и с точки зрения непосредственной передачи эмоционального значения, его интенсивности и т. д., ибо, например, от образности слова обычно зависит не только выразительность, экспрессивность высказывания, но и интенсивность самой эмоции. Поэтому существенно бывает сохранить образность, хотя конкретная мотивация слова может быть и различной; с другой стороны, встречаются случаи, когда немаловажной проблемой оказывается сохранение данной конкретной (или сходной) мотивации (например, в случае актуализации внутренней формы или в случае целенаправленного использования слова именно определенной мотивации, что обычно имеет место в авторских новообразованиях).

В случае отсутствия в языке перевода эмоционального слова с определенным денотативным значением возможен прием сохранения эмоционального момента ценой некоторого сдвига в денотативном значении — там, где более существенен эмоциональный момент. Все же подобные замены требуют осторожного подхода: не всякое изменение денотативного значения является оправданным; явного искажения основного значения быть не должно.

Итак, способы перевода эмоциональных слов, вернее, способы передачи их эмоционального заряда, разнообразны: от основных, словарных соответствий до использования слов, различных с точки зрения их основного значения; возможно использование и фразеологических оборотов. Важен конечный результат; даже

при наличии непосредственного соответствия-эквивалента перевод им не всегда необходим, более того, не всегда возможен. В таких случаях «словесная точность» может привести к «художественной неточности» (16, 350). Кажущаяся эквивалентность при ближайшем рассмотрении может оказаться мнимой: в художественном тексте слово живет своей неповторимой жизнью, обрастает нюансами, значениями, вписываясь в микро- и макроконтекст, вплоть до контекста всего произведения. Поэтому переводчик в рамках определенного целого, с учетом его эмоционально-стилистических особенностей имеет свободу выбора — хотя эта свобода в свою очередь имеет границы. При возможном многообразии вариантов необходимый, подлежащий сохранению инвариант в конечном итоге определяется контекстом. Иными словами, это те два момента, о которых говорит М. Брандес: «... точность, тождественность перевода, связанная с передачей содержания, и соответствие, связанное с передачей словесной формы и оставляющее зазор для свободы творчества переводчика» (1, 75).

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Брандес. Стиль и перевод. — В кн.: Тетради переводчика. М., 1968, № 5.
2. В. В. Виноградов. Язык художественного произведения. — ВЯ, 1954, № 5.
3. В. С. Виноградов. О лексических переводческих соответствиях и межъязыковых реляционных категориях. — «Вестник Московского университета», серия X, филология, 1974, № 3.
4. А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Изд. МГУ, 1961.
5. В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., 1973.
6. Алексей Кундзич. Переводческая мысль и переводческое недомыслие. — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955.
7. С. Петров. Об уравнивании коэффициентов импрессии и экспрессии в языке художественного перевода. — В сб.: Актуальные проблемы теории художественного перевода. Т. II, М., 1967.
8. Вл. Россельс. Сколько весит слово? — В сб.: Актуальные проблемы теории художественного перевода. Т. I, М., 1967.
9. Словарь синонимов русского языка в двух томах. Т. I. Л., 1970.
10. Л. Н. Смирнов. К теории художественного перевода (проблемы лингво-стилистической адекватности). — В кн.: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
11. А. Федоров (рецензия). Жорж Мунен. Теоретические проблемы перевода. — В сб.: Мастерство перевода. М., 1968.
12. В. Г. Чеботарева. Изображение народа в романе Л. Леонова «Русский лес». Ученые записки Чечено-Ингуш. гос. пед. института, № 16. Серия филологическая, вып. 10, 1961.
13. К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1968.
14. А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., 1973.
15. Lennart Meri. Virmaliste väraval. Tallinn, «Eesti Raamat», 1974.
16. Otto Sanna. Tüüpilistest puudumest ja vigadest proosa tõlkimisel vene keelest eesti keelde. «Looming» 1954, nr. 3.
17. Otto Sanna. Vene kirjanduse eestindamise nüüdistasemest. — «Sirp ja Vasar», 28. sept. 1973, nr. 39 (1555).
18. М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Кн. I. — «Москва», 1966, № 11.

19. М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Кн. II. — «Москва», 1967,
№ 1.
20. Л. Леонов. Русский лес. М., ГИХЛ, 1957.
21. А. Толстой. Собр. соч. в десяти томах. Т. V. Хождение по мукам.
Кн. I и II. М., ГИХЛ, 1959.
22. А. Толстой. Собр. соч. в десяти томах. Т. VI. Хождение по мукам.
Кн. III. М., ГИХЛ, 1959.
23. M. Bulgakov. Meister ja Margarita. Tallinn, «Eesti Raamat», 1968.
24. L. Leonov. Vene mets. Tallinn, ERK, 1958.
25. A. Tolstoi. Kannatuste rada I. Esimene raamat. Oed. ERK, Tallinn, 1959.
26. A. Tolstoi. Kannatuste rada II. Teine raamat. Kaheksateistkümmes aasta. ERK, Tallinn, 1959.
27. A. Tolstoi. Kannatuste rada III. Kolmas raamat. Pilvine hommik. ERK, Tallinn, 1959.

К ТЕОРИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА * (О ПОНЯТИИ МОРФО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ю. И. Минералов

Вполне сложившееся в науке представление о поэтическом языке как вторичной функциональной системе, надстраивающейся над естественным языком, имеет два логических следствия. Во-первых, оно открывает путь к изучению этой системы лингвистическими методами. Во-вторых, оно обязывает к установлению ее внутренних, специфически «поэтических» законов и к отграничению их от законов грамматики «первичной», внехудожественной системы. Чрезвычайно глубокие суждения об этом оставил Г. О. Винокур, подчеркивавший, что в поэтическом языке «приобретают свой смысл и такие явления, которые в обыденной речи вообще нельзя признать имеющими какое-либо отношение к языку. Так, например, те или иные созвучия или ритмические фигуры, случайно возникающие в тех или иных актах речи, не только не относятся, как всякому понятно, к грамматике, но даже и к тому, что можно было бы назвать внеграмматическими средствами языка. . . . В рифмованном художественном стихотворном произведении все это приобретает значение факта *поэтической грамматики*» (выделено нами. — Ю. М.) (4, 252—253).

Г. О. Винокур ясно понимал, что во внехудожественном языке случайно и внеграмматично многое из того, что составляет грамматику поэтического языка (как и наоборот): «Различные внеграмматические факты и отношения общего языка, все то, что в общем языке, с точки зрения его системы, представляется случайным и частным, в поэтическом языке переходит в область существенного, в область собственно смысловых противопоставлений» (4, 251).

* Статья посвящается памяти Григория Осиповича Винокура (1896—1947), видного советского филолога. В начале 20-х годов Г. О. Винокур — переводчик бюро печати советского полпредства в Эстонии, впоследствии — профессор Московского государственного университета.

Любой поэтический текст поддается лингвистической интерпретации — в частности, анализу по уровням. Однако исследователь, стремящийся увидеть в нем манифестацию *поэтического* языка, в отличие от собственно лингвиста должен помнить, что элементами вторичной системы может оказаться все внесистемное с чисто лингвистической точки зрения: в поэтическом языке происходит «актуализация всего потенциального, наполнение живым смыслом конвенционального», и «не только оживляется все механическое, но и узаконяется все произвольное» (4, 252, 253). «Поэтическая» специфика создается в таких текстах определенной перестройкой как внутри самих уровней, так и в сфере соотношений между ними.

В результате такой перестройки исследователь поэтического языка оказывается перед элементами, которые хотя и сохраняют много общего с обычными лингвистическими объектами, однако приобретают и совершенно новые свойства. Помня об этом, исследователь должен либо создать новые термины, пригодные именно для этих реалий, либо перестроить старые. Первое может оказаться предпочтительнее как способ подчеркнуть особенность природы объекта (то, что это *иная* система, нежели естественный язык), второе — сохранившуюся общность свойств наблюдаемых в поэтическом языке и собственно лингвистических элементов. Именно второй путь приходится избрать при рассмотрении поэтического языка как вторичной системы, основанной на языке естественном. Однако говоря о «морфеме» или «фонеме» в этой системе, необходимо быть готовым к выделению у этих элементов свойств, которыми фонема и морфема естественного языка не обладают. Например, в фонеме при этом следует видеть элемент семиотических систем определенного типа, учитывая, что естественный язык — лишь частный случай, одна из таких систем, — то есть, что среди комплекса свойств-характеристик, которыми фонема обладает в этой системе, есть не только универсальные, но и специфические.¹

Так, систематической повторяемостью фонем и/или упорядочением их последовательности (которых не знает не-поэтический язык как система и которые, спорадически обнаруживаясь в его проявлениях, не приобретают функционального характера) в поэтическом языке достигается особая выделенность фонологического уровня. Тем самым при рассмотрении неко-

¹ Априори следует ожидать, что в поэтическом языке часть характеристик, которыми обладает общезыковая фонема, сохранится, но часть снимется, зато могут добавиться новые, специфичные уже именно для поэтического языка. Иначе говоря, применяя при наблюдении разных, хотя и однородных, семиотических систем создававшиеся для *одной* из них лингвистические термины, необходимо избегать той психологической ситуации, когда «одинаковые слова создают иллюзию одинакового их значения» (7, 49).

того текста как просто текста на естественном языке и при рассмотрении его же в качестве поэтического термин «фонологический уровень» будет иметь неадекватное смысловое наполнение: это понятие в поэтическом языке отличается от соответствующего собственно лингвистического понятия. Элементы фонологического уровня в поэтическом языке, не изменяясь формально, функционально отличны от аналогичных элементов во внехудожественной сфере. Так, «отношение слова и звука в стихе существенно отличается от их соотношения в нехудожественном языке, где связь слова и составляющих его фонем носит, как известно, историко-конвенциальный характер. Слова в стихе разделяются на звуки, получающие благодаря паузам и другим ритмическим средствам известную автономию в плане выражения, что создает предпосылку для семантизации звуков. Но поскольку это разделение не уничтожает слов, которые существуют рядом с цепью звуков и с точки зрения естественного языка являются основными носителями семантики, лексическое значение переносится на отдельный звук. Фонемы, составляющие слово, приобретают семантику этого слова» (10, 176). Иначе говоря, согласно данной точке зрения, фонема в поэтическом языке из смыслоразличительной единицы превращается в единицу, обладающую *семантической отнесенностью*. Она становится наименьшей значимой единицей, тем самым принимая на себя совершенно новые и невозможные во внехудожественной сфере функции.² Последнее обстоятельство уже осознано в науке, и, видимо, во многом именно оно обусловило то, что работы последних лет, посвященные теории поэтического языка, такое большое внимание уделяют исследованию его фонологического уровня, поэтическая специфика которого сегодня уже в целом хорошо изучена. И может, отчасти потому, что поле зрения исследователей занято этим уровнем, несравненно меньше внимания уделяется пока наблюдению других низших уровней. В частности — уровню, расположенному в языковой иерархии непосредственно «над» фонологическим, — морфосемантическому.

Как известно, в нехудожественном языке наименьшей значимой единицей является именно морфема. Обычно слово состоит из нескольких единиц морфо-семантического уровня, иногда в

² Целесообразно подчеркнуть, что понятия поэтической семантики, значения (и т. п. из этого ряда) по необходимости употребляются в данной работе, как и в других современных исследованиях поэтического языка, операционально. Видимо, на данном этапе развития теории поэтического языка это естественно и неизбежно. Образцом такого операционного употребления автор считает, например, соответствующие места из цитированной работы Ю. М. Лотмана.

В цитате понятия «звук» и «фонема» употребляются как синонимы, однако контекст работы позволяет заключить, что исследователь имеет в виду именно семантизацию фонем.

речевых высказываниях материальные границы слова совпадают с границами корневой морфемы, которая выступает в нем носителем «вещественного» значения и в парадигме обнаруживается как инвариантное смысловое ядро слова.³ Одни лингвистические школы отличает повышенное внимание к морфо-семантическому уровню, обусловленное генеральным местом понятия морфемы в их концептуальной системе (американская «дескриптивная лингвистика»), другие занимаются его наблюдением в несравненно меньшей степени и оценивают его роль в языковой системе иначе. Но при любом подходе ясно, что роль его значительна. Современный исследователь совершенно справедливо напоминает, что «существуют языки, где отсутствуют слова в европейском понимании (или, во всяком случае, их наличие является спорным). В таких языках морфосемантический уровень играет особую роль, являясь основным семантическим уровнем, на котором строится план содержания любого высказывания. <...> Во всяком случае, нужно считать доказанной реальность морфо-семантического уровня в любом языке» (6, 213—214).

Единое значение слова возникает на основе отдельных значений («вещественных» и «реляционных») составляющих его морфем и не уничтожает их абсолютно: в составе слова морфемы обладают определенной автономией не только в плане выражения, но и в плане содержания, то есть входя в целостную структуру, сами сохраняют свою цельность. Так обстоит дело в нехудожественном языке.

Наименьшей значимой единицей в поэтическом языке, как отмечает Ю. М. Лотман, становится фонема. Если это так, фонема начинает здесь выполнять функции, аналогичные функциям морфемы в нехудожественной сфере, то есть как бы *приравнивается* к морфеме естественного языка.⁴ Без такого функционального переосмысления фонему не было бы оснований рассматривать как элемент не только естественного, но и *вторичного* языка, так как именно в результате переосмысления дан-

³ Чрезвычайно удачное, как представляется, решение проблемы разграничения морфемы и слова предложили недавно А. А. Леонтьев и Е. С. Кубрякова, подчеркивающие в этой связи факт функциональной их различности (см. 9; 8).

⁴ Но в том и сложность, что приравнивание это не абсолютно: фонема получает семантику *от слова*, в которое входит и обладает данной семантикой только в составе этого слова. Иначе говоря, семантика ее всегда *о к к а з и о н а л ь н а*, и, думается, в этой окказиональности — проявление одного из законов организации наблюдаемой семиотической системы.

Далее, исходя из неоднородности семантической структуры слова, из смысловой автономии составляющих его морфем, естественно предположить, что фонемы, входящие в слово в состав *разных* морфем, также получают от них *различную* семантику. Различность эта не может быть абсолютна, т. к. морфемы в свою очередь входят в целостную структуру — слово, но сам факт ее вряд ли можно игнорировать.

ный элемент становится фактом поэтической грамматики, приобретает возможность передачи в дополнение к общеязыковой информации еще и «поэтических» значений.

Можно ожидать, что, подобно фонеме, феномен морфемы, во-первых, *может* быть наблюдаем и в системе поэтического языка (являясь элементом не только собственно языковой, но и поэтической грамматики) и что, во-вторых, он также обладает во вторичной системе свойствами, отличающими его от той морфемы, к наблюдению которой привык лингвист (см. 12). В соответствии с этим, основной целью данной работы является обоснование тезиса, что подобно фонологическому, морфо-семантический уровень реален для поэтического языка, но сами понятия морфемы и морфо-семантического уровня в поэтическом языке резко отличны от соответствующих понятий в нехудожественном языке.

Априори ясно, что соотношение этого уровня с фонологическим в поэтическом языке изменяется сравнительно с нехудожественным уже в силу семантизации фонем. Однако вышесказанное — лишь наиболее очевидная тенденция, и в целом вопрос несравненно сложнее. Чтобы убедиться в этом, обратимся к закономерному для поэтического языка явлению так называемых «звуковых повторов»⁵. Рассмотрим три примера.

- (1) Вот буйственно несется ураган,
И лес подымлет говор шумный.
И пенится, и ходит Океан,
И в берег бьет волной безумной.
(Баратынский)
- (2) Сокровище мое! Куда сокрылось ты?
(Сумароков)
- (3) И глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
все в скворечниках и маевках.
(Вознесенский)

В первом примере повторяется элемент низшего структурного уровня слов (фонема), во втором — их смысловое ядро.⁶

⁵ Принцип повтора, как известно, представляет фундаментальный закон грамматики поэтического языка (в особенности такого его функционального пласта, как язык стихотворный).

⁶ В скобках заметим: нетрудно интуитивно ощутить, что семантическое взаимоналожение, возникающее на основе определенного фонологического сходства (однофонемного), носит в первом случае явно иной характер, чем во втором, где совпадение фонемного комплекса -сокр- ясно сигнализирует о смысловом родстве слов. Интуиция здесь не обманывает — в системе русского языка слова «сокровище» и «сокрылось» суть однокоренные, и в их семантической соотнесенности читателя убеждает весь опыт его внехудожественного языкового общения.

Третий пример особый. Здесь в двух словах повторяется фонемный комплекс, границы которого не совпадают с границами морфем, составляющих это слово на уровне естественного языка. С точки зрения внехудожественного общения никакой смысловой связи между единицами «Замоскворечье» и «скворечниках» нет. Как и при повторе одной фонемы (1), отношения сопоставления/противопоставления в этом случае окказиональны, т. е. принадлежат сфере поэтического языка, не имея оснований в нехудожественном языке. Закономерно возникает вопрос, принадлежит ли поэтому явление, отраженное в примере (3), к тому же уровню, что (1), или оно может интерпретироваться каким-то иным образом. Разумеется, комплекс фонем образован единицами фонологического уровня, и, следовательно, повтор и в этом случае *может* быть рассмотрен как повтор нескольких отдельных фонем. При такой интерпретации примеры (1) и (3) начинают казаться аналогичными. Именно этот подход является общераспространенным и традиционным. Так, в начале XX в. Валерий Брюсов, анализирувавший пушкинский стих «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила», находил в нем «инструментовку», выражающуюся в повторении звуков *у, р, н*, расчлняя, таким образом, во имя своей интерпретации повторенный комплекс -урн- (-урон-) на отдельные фонемы. (см. 3).

Современные исследования поэтического языка, ясно поставившие вопрос о *семантической* функции подобной «инструментовки», часто по-прежнему рассматривают, однако, повтор фонемного комплекса только как повтор *группы единиц* (фонем). Закономерность такой интерпретации несомненна. Вместе с тем представляется, что она отражает лишь одну сторону явления. Бесспорно, что в (3) перед нами повтор нескольких элементарных единиц, в поэтическом контексте обладающих семантической отнесенностью. Однако, видимо, данный комплекс обладает в таком контексте окказиональной семантикой; неравнозначной суммой «значений», полученных составляющими его фонемами. Повтор выступает как механизм, делающий его *регулярным образованием*. Повторение, демонстрируя цельность комплекса, заставляет художественное сознание предполагать его целостность, то есть видеть в нем не только совокупность единиц (фонем), но и *единицу*, структурный элемент более высокого уровня. Тем самым, в системе поэтического языка *повторенный фонемный комплекс становится своеобразной окказиональной морфемой*.⁷

⁷ «Окказиональность» — признак, почти невозможный у морфемы естественного языка, которая представляет, как правило, фонемный комплекс, обладающий единой семантикой (и в этом смысле подобный слову) и сохраняющий ее, входя в разные структуры более высокого уровня (слова). Можно, однако, предположить, что для поэтического языка все это утрачивает свою обязательность (см. подробнее ниже).

В самом деле, общеизвестно, что воспитанное на закономерностях естественного языка читательское сознание и в поэзии осмысляет слово как определенную семантическую структуру, реальными элементами которой для него являются неизменное смысловое ядро (корень) и система меняющихся при конкретном речевом употреблении префиксально-суффиксальных показателей. В то же время без специальной подготовки человек зачастую не способен в конкретных случаях к безошибочному и лингвистически истинному проведению структурных границ между морфемами. Во всяком случае, интуитивно ощущая и отмечая наличие в слове нескольких дискретных единиц — фонемных комплексов, — спонтанно осуществляя словоизменение, он не имеет при живом общении необходимости в рационалистическом осознании производимых делений.

При столкновении в поэтическом контексте с единицами «Замоскворечье» и «скворечники» (3) никакой нормальный читатель не произведет в них синхронно морфематического анализа (в противном случае он воспринимает художественные тексты в принципе *нехудожественным* образом). В то же время опыт языкового общения приучил его, что в слове нередко выделяются более дробные единицы, составленные комплексами звуков, и что совпадение таких комплексов очень часто означает смысловое родство слов (сходные формы выражения нередко передают сходное содержание — особенно ясным это становится в случае общности корневой морфемы). «Звуковой повтор» есть не что иное, как контекстуальное соположение таких «сходных форм». В результате его возникает представление о семантической общности слов. А само повторение определенной группы заставляет осмысливать эти звуки как целостную единицу иного уровня, чем ее составляющие (т. е. фонемы), которая обладает собственной семантикой, притом иной степени конкретности, чем семантическая отнесенность в составе слова поэтического языка отдельной фонемы, — заставляет осмысливать ее как *морфему*. В результате такого пересечения и взаимоналожения (ассоциирования) семантик слов и возникает «поэтическое» архизначение, непосредственным носителем которого оказывается этот общий фонемный комплекс. Он может, как в (3), и не совпадать с «истинными» морфемами, на которые слово членится в естественном языке. Явление это гораздо свободнее и шире.

В самом деле, исследователя поэтического языка в принципе не интересует, означает ли повтор фонемных комплексов истинное (этимологическое) родство слов на уровне нехудожественного языка. Все случаи звукового повтора в этом отношении функционально идентичны, вне зависимости от того, подтверждается ли смысловое «родство» слов, им объединенных, в истории языка — т. е. истинна возникающая «этимология» или

мнима. Представляя систему значений, всякий раз возникающую заново и ad hoc, поэтический язык в принципе *не различает* истинные и мнимые этимологии. На его уровне все они истинны.⁸

В последнем можно убедиться на многочисленных примерах из конкретных поэтических текстов. Рассмотрим некоторые из них.

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом.
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.
(Державин)

С одной стороны, в этом четверостишии существуют два конечных звуковых повтора (рифмы). С другой стороны, строфа делится на два двустишия, в которых конечные слова отдельных стихов образуют две созвучные параллельные конструкции: *увенчала... венцом — возблистала... листом*. Первая из них (*увенчала-венцом*) содержит «истинный» звукосмысловой повтор в корне — в обоих словах одинаковая корневая морфема. Явно по ассоциации с этим довтором в художественном сознании поэта возникло структурно аналогичное уподобление (*возблистала-листом*), где повторенный фонемный комплекс на уровне естественного языка не есть одинаковая корневая морфема. Здесь повторение комплекса *-лист-* только имитирует морфемный повтор в корне; в слове *'возблистала'* наименьшая значимая единица вычленяется несколько иначе (*-блест-*). Для лингвиста она не имеет никакого семантического родства с корневой морфемой слова *листом*. Для исследователя поэтического языка, как уже говорилось, все обстоит принципиально иным образом, ибо функциональных различий между первым и вторым повтором на этом уровне выявить не удастся. Их роль в поэтической грамматике явно одинакова.⁹

Я князь — коль мой сияет дух,
Владелец — коль страстьми владею,
Болярин — коль за всех болею...
(Державин)

⁸ Если для исследователя поэтического языка, этой всегда окказиональной системы значений, историческое родство слов (тем самым — истинность этимологизаций, сопутствующих художественному повтору) перестает быть существенным, то для собственно лингвиста, например, важно, что все мнимые этимологии — ложные. И фиксируя их иногда как определенный культурный феномен, заблуждение массового языкового сознания, он, естественно, их отмечает при научном этимологическом анализе.

⁹ Реален также повтор внутристрихового комплекса (*весна-увенчала*), (*липова /роща/ — возблистала*).

В этом примере перед нами три стиха, организацию которых отличает удивительно четкий синтаксический параллелизм. Каждый стих построен следующим образом: выдвигается некоторое понятие (князь, владелец, боярин) и дается его семантическое «истолкование» (напр., «владелец» — тот, кто «страстьми владеет»). Слово «истолкование» пришлось взять в кавычки потому, что лишь одно, а именно вышеприведенное, истолкование может быть признано истинным для естественного языка, в первом же и в третьем стихе представлено переосмысление общезыкового значения слов, на уровне поэтического языка оказывающихся «однокоренными» — ибо в их приставочно-корневой части содержится повторяющийся фонемный комплекс. Так, слово *боярин* даже нарочито дается в искаженной разговорно-просторечной форме (*болярин*), что и позволяет придать этому слову, в соответствии с приемом поэтической этимологизации, совершенно неожиданный смысл (*болярин* — тот, кто за всех болеет). При этом повтор фонемного комплекса -бол- имитирует общую корневую морфему.

Аналогично переосмысливается слово *князь* в первом стихе: тот, чей дух сияет. Фонологическое сходство здесь выражено менее отчетливо, так как в словах *князь* [кн'я́с'] и *сияет* повторяющиеся элементы расположены в различной последовательности. Однако в художественном мышлении Державина смысловому взаимоотношению и тем самым ощущению взаимоотношения звукового здесь, безусловно, способствовало общеизвестное титулование лиц княжеского достоинства («ваше сиятельство»), жестко связывавшее понятие 'князь' с признаком «сияние». Кроме отмеченной, можно предположить ассоциацию типа (*князь-сияющий*)-ясный, так как благодаря семантической близости слов 'сияющий' и 'ясный' повышается ощутимость их созвучности.¹⁰

В свете сказанного нельзя не признать, что в приведенных ранее примерах (2) и (3) функционально адекватны и вместе противостоят повтору одной фонемы (1) как явлению иного уровня. Таким образом, в поэтическом языке понятие морфо-семантического уровня изменяется. Его элементы становятся

¹⁰ В самом деле, сиять — быть ясным суть близкие, в определенных контекстах синонимичные понятия. Ср. известный пример, где выступает окказиональный неологизм *ясь* (от *я́сный*), являющийся в контексте синонимом слова «сияние»:

Но странная из солнца *ясь*
струилась ...

(Маяковский)

В державинском примере моделью фонологической организации и для первого, и для третьего стихов явно послужил стих 2, где семантическое взаимоотношение могло быть осознано наиболее легко, т. к. отражает внехудожественную языковую реальность — 'владелец' и 'владею' слова однокоренные. Действительно, стихи (1), (3), в которых звуко-смысловые взаимоотношения целиком окказиональны и принадлежат исключительно уровню поэтического языка, построены по тому же типу.

динамическими, всегда готовыми к окказиональному перераспределению, и неотъемлемой его принадлежностью, как и фонологического уровня, делается механизм повтора, — «морфемного».¹¹ Представление о двух ипостасях в синтагматическом построении стихового текста — цепочке фонем и цепочке слов — до известной степени упрощает действительные отношения. Так, Н. С. Трубецкой, отмечая, что «каждое слово языка в плане обозначающего можно разложить на фонемы, представить как определенный ряд фонем», указывал, что было бы упрощением представлять фонемы «теми «кирпичиками», из которых складываются отдельные слова. Дело обстоит как раз наоборот: любое слово представляет собой целостную структуру, оно и воспринимается слушателями как структура...» (15, 43).

Повтор фонемы и повтор фонемного комплекса в том и в другом случае выделяет единицы различных уровней этой структуры. Семантическая нагруженность звуков, составляющих слово поэтического языка, — иное явление, чем семантика повторенного комплекса. Повтор, демонстрируя взаимозаменяемость комплексов, подчеркивает их целостность. Поэтому существует различие в качественном восприятии контекстов с повтором отдельных фонем и их групп, приобретающих в поэтическом языке статус функциональных единиц (поэтических морфем). Именно о данном различии сигнализирует, например, известное утверждение В. Маяковского, которого трудно упрекнуть в недостатке «поэтико-языкового» слуха, что «хлебниковские строчки

Леса лысы.

Леса обезлосили. Леса обезлисили —
не разорвешь — железная цепь.

А как само собой расплзается

Чуждый чарам черный челн
(Бальмонт)» (11, 24)

* * *

Попытаемся наметить некоторые основные характеристики морфосемантического уровня в поэтическом языке и поэтической

¹¹ Поскольку во вторичной системе поэтического языка не уничтожается абсолютно общезыковое строение слов (единицы «Замоскворечье» и «скворечниках» разделяются на морфемы, не совпадающие с повторенным комплексом), поскольку все нехудожественные семантические связи продолжают присутствовать в сознании читателя, реально при восприятии поэтического текста возникает, как справедливо отмечает Ю. М. Лотман, сложная корреляция общезыковой стихии с художественным построением, которая еще более усложняет семантические соотношения.

морфемы, отличающие их от аналогичных явлений естественного языка.

1. Прежде всего приходится утверждать, что в отличие от фонем поэтического языка, формально совпадающих с обычными фонемами («поэтическими» их делает исключительно специфика функций), поэтическая морфема — *элемент, возникающий лишь в результате повтора, лишь там, где произошло повторение*. Действительно, носителем значения, специфического именно для наблюдаемой вторичной системы, тот или иной фонемный комплекс становится в результате закономерного здесь повторения, вызывающего ассоциирование слов. Повтор комплекса, представляющего собой морфему естественного языка, — лишь частный случай более общей ситуации. В наблюдаемой системе повтор, который делает на ее уровне повторенный комплекс регулярной единицей, выступает как аналог конвенции, закрепляющей в естественном языке те или иные фонемные комплексы в качестве единиц более высокого уровня путем многократного их воспроизведения (т. е. тоже повторения в речевом общении).

Сказанное значит, что морфемы на уровне поэтического языка не образуют, в отличие от морфем естественного языка, непрерывных синтагматических цепочек. На этом уровне из числа общеязыковых морфем функциональны также *повторенные*, тем более это относится к окказионально выделяемым комплексам фонем. Между поэтическими морфемами на синтагматической оси наличествуют неповторенные фонемные прослойки, вероятно, нефункциональные в поэтическом языке.¹² Таким образом, поэтическая морфема возникает как элемент во вторичной системе закономерным, но иным — сравнительно с естественным языком — образом. В этом коренное структурное отличие морфо-семантического уровня в наблюдаемой системе от привычного лингвисту.

2. В рассмотренных примерах (1, 2, 3) представлен повтор слитного фонемного комплекса. Между тем, реально такой повторяемый комплекс нередко бывает в поэтическом языке *разорванным*. Элемент «разрывности» наличествует уже в приведенном выше пушкинском стихе (*урну, но уронив*). Еще более характерны в этом смысле 1, 2 стихи примера (3), где содержится разорванный комплекс *ре-ско-ре-*. Подобные примеры словно бы противоречат тезису о том, что повтор фонемного комплекса, в отличие от повтора фонемы, принадлежит

¹² «Вероятно», поскольку вопрос об их функциональности на самом деле сложнее: где-то на относительно удаленном месте на оси синтагматики (напр., после нескольких стихов) и эти прослойки могут оказаться *повторенными*. Вопрос, таким образом, в том, на каком расстоянии повтор еще продолжает восприниматься художественным сознанием, т. е. функционирует на уровне поэтического языка.

морфо-семантическому уровню, и создают соблазн трактовки их как повторов нескольких более мелких групп или даже нескольких отдельных фонем. Попробуем показать, однако, что подобные разорванные комплексы также могут быть рассматриваемы в качестве окказиональных морфем.

Функционирующие в лингвистике определения морфемы сосредоточивают внимание чаще всего на факте ее включения в единицу более высокого уровня (слово) и на наличии у нее собственной единой семантики. Структура и возможные конкретные разновидности структуры морфем описываются гораздо реже. Между тем, слитная морфема, столь привычная для лингвиста-русиста, — именно лишь *разновидность* этого элемента. Так называемая *разрывная морфема* — явление, характерное для многих естественных («первичных») языков. Напомним в этой связи чрезвычайно важное для обоснования излагаемой концепции суждение Г. Глисона: «Любая комбинация фонем, регулярно встречающихся вместе и как целое ассоциируемых с какой-либо точкой в структуре содержания, и есть морфема. Нет необходимости специально оговаривать какую-либо особенность в расположении фонем по отношению друг к другу или к другим фонемам. Иногда, хотя и очень редко, морфемы состоят из отдельных частей, между которыми вклиниваются другие элементы, но лингвиста не должно смущать такое явление...» (5, 116). (Общеизвестным примером разрывной морфемы в некоторых естественных языках служит корневая морфема слова, грамматические изменения в котором происходят при помощи так называемой «внутренней флексии»).

Существует, однако, обстоятельство, как будто уменьшающее в нашем случае доказательную силу подобных примеров. Дело в том, что в отличие от ряда других языковых систем, современный русский (нехудожественный) язык не знает или почти не знает разрывных морфем. Не значит ли это, что применительно к русскоязычным морфемам в определении Г. Глисона должны быть необходимо внесены коррективы, специально указывающие на данный факт?

Конкретные цели работы не побуждают выяснять этот вопрос применительно к современному русскому языку вообще, т. к. нас интересуют закономерности *поэтического* языка, организация которого, как указывал Г. О. Винокур, отнюдь не всегда аналогична законам внехудожественной сферы. В частности, во вторичной системе, как отчасти выяснилось выше, обретают совершенно новый смысл категории фонемы и морфемы. И своеобразие «поэтической» морфемы не ограничивается уже сказанным. Вероятнее всего, поэтический язык, надстроенный над русским национальным языком, знает разрывную морфему. Возможность (и необходимость) ее существования здесь обусловлена, как кажется, самими функциональными характе-

ристиками данной системы. Так, повтор становится явлением ее грамматики, реально это нередко повтор разорванных фонемных комплексов, на уровне художественного построения такие повторенные комплексы наделяются единой окказиональной семантикой. Тем самым, явление повтора (разрывных комплексов в поэтических текстах) полностью подходит под определение Глисона. Следовательно, формулировавшееся понятие окказиональной морфемы полностью покрывает и данный тип повторенного комплекса. Очевидно, окказиональная морфема может быть охарактеризована в рабочем порядке как всякое фонемосочетание, регулярность (а тем самым — целостность) которого подтверждается в поэтическом контексте хотя бы однократным повторением. То, что такое сочетание в поэтическом языке обладает собственным единым (окказиональным) значением, вытекает из вышесказанного.

Повторы разорванных комплексов фонем обнаруживаются в поэтических текстах, написанных на самых разных языках. Тем самым в данном элементе можно предположить семиотическую универсалию поэтического языка как вторичной функциональной системы — явление, специфичное именно для поэзии, вне зависимости от того, на каком конкретно естественном языке поэзия основывается. Определить такой комплекс как окказиональную морфему *пришлось бы*, исходя из его функций в поэтическом языке, даже в том случае, если бы ни один естественный язык не знал морфем подобной структуры. Следовательно, наличие хотя бы в некоторых естественных системах структурно аналогичных фактов, хорошо изученных общей лингвистикой, лишь дополнительно облегчает задачу интерпретации феномена повтора в поэтическом языке разорванного комплекса как повтора окказиональной морфемы. Отсутствие же их в других естественных языках никак не мешает интерпретации, ибо обстоятельство функциональной отличности естественных языков от поэтического не позволяет ожидать обязательного наличия там и там одинаковых элементов. То, что является универсалией для одной функциональной системы, может обнаруживаться лишь спорадически в конкретных разновидностях другой.

3. Вероятно, статус и функции окказиональной морфемы в поэтических текстах приобретает *повтор более чем одной морфемы*. Кроме чисто «материальных» аналогических оснований (двуфонемные морфемы известны русскому нехудожественному языку), такое заключение может быть подтверждено на чрезвычайно любопытном материале. Как известно, различные руководства — «пиитики» с незапамятных времен выделяют из всего круга повторов в стихе фонем и фонемных комплексов один их тип, носящий название рифмы. Оснований для такого выделения чрезвычайно много, и здесь на них всех нет нужды останавливаться. Для наших целей важно отметить одно из

специфических свойств рифмы: это всегда повтор, включающий в себя *более чем одну фонему*.¹³ Однофонемный повтор в норме не осознается как рифма. Так, Б. В. Томашевский писал, что в основе классической рифмы лежит «совпадение концевых звуков, начиная с ударной гласной при обязательном участии в рифме хотя бы одной согласной (отсюда требование для рифмы, оканчивающейся на ударную гласную, обязательного совпадения «опорной» согласной)» (14, 70—71). Например: *ногá-врагá* (ср.: *ногá-плитá* — это не ощущается как рифма). Таким образом, однофонемный и более чем однофонемный повтор с точки зрения художественного сознания функционально неадекватны (первый не может образовать рифму). Почему? В чем функциональная дефектность однофонемного повтора? Видимо, потому, что всякий более чем однофонемный повтор осуществляется уже на ином уровне, чем повторение единственной фонемы. *Рифма* — *непрерывно «морфемный» повтор*, и таковым является уже двуфонемное повторение (ударная гласная плюс «опорная» согласная).

Характерно, с другой стороны, что в поэзии классической эпохи повтор слитного фонемного комплекса обнаруживается лишь в качестве *рифмы*, внутренней или конечной.

Напомним, что по своим типологическим признакам рифма вплоть до XX в. заударная, преимущественно *суффиксально-флективная*, а приставочно-корневое, предупредительное созвучие — *облака́ми-облека́ющий, до́лго-до́ма* и т. п. — еще не имеет статуса рифмы (см. 13). «Морфемные» *приставочно-корневые* повторы систематически и функционально значимо применяются лишь поэтами державинской школы. Так, излюбленным приемом самого Державина является пронизывание стиха многократно повторенным в приставочно-корневых частях фонемным комплексом. Ср.:

*Бурно бурей буреванье
И бореев в сем бору*

или

Весны венцом венчалось лето

или

... А перлом перси осени.

Известно, что эволюция художественной нормы обусловила затем худую славу подобного типа повторов. Для К. Батюшкова в начале XIX в. стих С. Боброва «Где *роща ржуща ружий ржет*» составляет уже верх безвкусия и кажется настолько не-

¹³ Однофонемные повторы в словах, занимающих рифменную позицию (в конце стиха), в русском поэтическом языке обнаруживаются практически лишь в фольклорных текстах, и иногда в современной экспериментальной поэзии.

правдоподобно пародийным, что, процитировав этот стих в своем «Видении на берегах Леты», Батюшков счел необходимым дополнительно подчеркнуть в примечании факт его аутентичности (см. 1, 99).¹⁴ Общеизвестным приемом звуковой организации на протяжении XIX в. продолжает оставаться заударный «морфемный» повтор (рифма) и повтор отдельных фонем (аллитерация). Оба явления в конце столетия получают, как известно, свое крайнее развитие в творческой практике символистов (особенно К. Бальмонта). Введение же В. Маяковским, В. Хлебниковым, Б. Пастернаком и другими поэтами, начинавшими свою деятельность в группе футуристов, в свой обиход приставочно-корневого предупредительного «морфемного» повтора (в частности — приставочно-корневой конечной рифмы) в начале XX в. вновь было воспринято многими как «безвкусие» и осознавалось в качестве новации (несмотря на наличие подобных явлений в творчестве державинской школы).

Ср. В *высь* *весь* *вас* *звала*,
И *милый* *мигов* *миру* ил. . .

или

Сыновеем *ночей* *синева* . . .
(В. Хлебников).¹⁵

Отношение к приему повтора в стихе *разорванных* комплексов в классический период в норме несравненно более терпимое, о чем свидетельствует, в частности, материал известной работы О. М. Брига (см. 2), где в текстах Пушкина и Лермонтова отмечаются многочисленные примеры данного типа (*клонить-колени*, *туманно-темно* и т. п.). Видимо, это связано с тем, что противопоставленность подобных явлений повтору отдельной фонемы, грань между ними выражены несравненно слабее, чем

¹⁴ О том, что морфемный приставочно-корневой повтор осознавался Батюшковым все же как принадлежность художественной системы определенных поэтов, как субъективно чуждый факт, но факт *поэтической речи*, а не просто как бессмысленный ляпсус Боброва, свидетельствует, в частности, следующая любопытная деталь. Написанное Батюшковым уже в период душевной болезни «Подражание Горацию» (на деле, как известно, являющееся парафразисом не гораціанского «Памятника», а державинского переложения этого стихотворения) в предельно обнаженной форме воспроизводит стиль Державина. В частности, последний стих («... А кесарь мой — святой косарь») содержит «морфемный» повтор в корне — характерный элемент державинской поэтики, ни разу (!) до этого не употребленный Батюшковым в собственном творчестве. Несомненно, здесь он появляется именно для стилизации «под Державина».

¹⁵ Данный прием Хлебников называл даже «внутренним склонением корня», своеобразно переосмысляя лингвистическое понятие внутренней флексии. Нельзя, разумеется, забывать о том, что подобные созвучные в корневой части слова «однокоренные» лишь в поэтическом языке.

у повтора многофонемного *слитного* комплекса, имитирующего внешнехудожественную корневую морфему.

* *
*

Заняв конечную (рифменную) позицию в стихе, приставочно-корневой повтор широко распространился в поэзии XX в. В связи с этим особый интерес представляет наблюдение *внутренне-конечного* приставочно-корневого повтора — повтора, один из компонентов которого занимает позицию внутри стиха, а другой — рифменную позицию. Этот повтор являет тем самым форму, структурно связанную с концом стиха и в некотором смысле переходную к конечной предударной рифме.

Приставочно-корневой повтор, вероятно, не мог самостоятельно, вне сочетания с конечной *заударной* рифмой, осознаваться как рифма художественным сознанием эпохи, что легко объясняется его формальным отличием от единственно известной в ту эпоху суффиксально-флективной рифмы. Однако он мог осознаваться как составная *часть* рифмы в окказиональных многокомпонентных конструкциях. Чтобы убедиться в этом, обратимся к конкретным примерам.

(1)

Я пою под *миртой мирной*
На красы ее смотря,
Не завидуя *обширной*
Власти самого царя.

(Державин)

(2)

Бежит седой источник *Кроны*
И кроется в долины *сонны*.

(Пушкин)

(3)

Копья — *сталию блистали*
И чуть виделись сквозь мглы.
Стаями сверх них *летали*
Молненосные орлы.

(Державин)

(4)

Но когда коварны *очи*
Очаруют вдруг тебя,
И уста во мраке *ночи*
Поцелуют не любя...

(Пушкин)

В примерах *приставочно-корневой* повтор объединяет со-
звучием слово внутри стиха с поставленным в его конец (т. е.

занимающим рифменную позицию) и одновременно являющимся компонентом конечной рифмы:

(1) МИРНОЙ
 | |
 миртой обширной

(2) КРОНЫ
 | |
 кроется сонны

(3) БЛИСТАЛИ
 | | |
 сталию стаями летали

(4) ОЧИ
 | |
 ночи очаруют

Приставочно-корневой повтор структурно связан здесь с конечной рифмой, тем самым составляя с ней единый элемент. Созвучие строится чрезвычайно оригинально: две единицы — например, *кроется* и *сонны* (1) вместе созвучны третьей, центральной, *КРОНЫ*, которая зарифмовывается целиком (и в предударной, и в заударной части). Причем, первая единица рифмует предударную часть (*кроется-кроны*) — и это по формальной структуре *типичная предударная рифма!* — вторая же рифмует заударную часть (*КРОНЫ — сонны*). Таким образом, два слова рифмуют третье «с двух концов» — ситуация, представляющая явное ощутимое отклонение от нормы классической рифмы. Налицо целостная конструкция, функциональное единство, расчленив которое в целях выделения «конечной» рифмы можно лишь чисто искусственно. При этом разрушится во имя абстрактного представления о неперменной «двучленности» или «конечности» рифмы совершенно реальная функциональная целостность, и внутренняя, и конечная одновременно.

Действительно, операция по разделению приставочно-корневого и суффиксально-флективного повторов здесь явно некорректна. Трудно представить себе художественное сознание, которое способно было бы расчленять их в процессе восприятия произведения. Тем самым, единственно возможная репрезентация предполагает осознание структурной связанности, функционального единства приставочно-корневого и суффиксально-флективного созвучия в подобных конструкциях. И то и другое является *компонентами* многочленных окказиональных рифм, при внимательном наблюдении обнаруживающихся уже в текстах конца XVIII — начала XIX вв. Будучи стиховой *реальностью*, такие многокомпонентные созвучия должны стать предметом специального наблюдения, тем более что они представляют своеобразный структурный «мостик», переходную форму между двумя типами повторов: приставочно-корневым неконечным и суффиксально-флективным, единственно способным вплоть до XX в. занимать рифменную позицию.

«Тройственное» созвучие является, благодаря своей четкой архитектонике, наиболее удобным для демонстрации, но лишь частным примером окказиональных внутренне-конечных рифм.

Реальная картина неизмеримо пестрее и богаче. Мастер таких созвучий — Г. Державин. Примеры из его стихов, содержащие внутренне-конечные и внутренние приставочно-корневые рифмы, приводились выше неоднократно, и их можно во много раз умножить.

Окказиональные звукосмысловые сближения — не прерогатива Державина. «Морфемные» повторы, приставочно-корневые либо суффиксально-флективные, обнаруживаются в стихах самых разных поэтов «классической» эпохи.

* *
* *

Рассмотренное позволяет заключить, что, вероятно, проблема разграничения повторов на фонологическом и морфо-семантическом уровнях в поэтическом языке определится в результате осознания и обоснования того факта, что повторение всегда «сплавляет» данный минимум фонем в целостную единицу, которая представляет собой иное качество (поэтическую морфему) по сравнению с повторением каждой из этих фонем в отдельности. Окказиональную морфему есть основания считать специфическим фактом грамматики поэтического языка как особой функциональной системы. Принципы ее выделения, ее структура во многом отличны от представленных в системе естественного языка. Как кажется, дальнейшее изучение феномена поэтической морфемы должно специально сосредоточиваться на проблеме параметров этого явления. Если вышерассмотренные примеры (в особенности — с повтором слитного фонемного комплекса) сравнительно легко и достаточно бесспорно поддаются однозначной интерпретации, то можно ожидать и случаев значительно более сложных как с точки зрения их функциональной отмеченности в поэтическом языке, так и с точки зрения их места в языковой иерархии. Определение границ, за которыми эмпирические факты уже не могут быть интерпретированы в качестве поэтических морфем, более подробная и разносторонняя типологизация фактов и т. п. — задачи следующих этапов изучения морфо-семантического уровня в поэтическом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Н. Батюшков. Полн. собр. стих. М.—Л., 1964.
2. О. М. Брик. Звуковые повторы. — «Поэтика», 2. Пг., 1919.
3. В. Брюсов. Звукопись Пушкина. — В кн.: В. Брюсов. Соч., в 2 тт. Т. 2. Гослитиздат, 1955.
4. Г. О. Винокур. Об изучении языка литературных произведений. — В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
5. Г. Глосон. Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ. М., 1959.

6. Б. Ю. Городецкий. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
7. Г. Клаус. Сила слова. М., 1967.
8. Е. С. Кубрякова. Единицы лингвистического анализа и предмет морфологии.— В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1965.
9. А. А. Леонтьев. О специфике слова. — В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1965.
10. Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970.
11. В. В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1959.
12. Ю. И. Минералов. О специфике морфо-семантического уровня в поэтических текстах. — В сб.: Сборник студенческих научных работ. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1973.
13. Ю. И. Минералов. К проблеме типологии русской рифмы. — В сб.: Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). Тарту, 1974.
14. Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., 1959.
15. Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.

О РОЛИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОПРЕДЕЛЕНИИ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ

П. С. Сигалов

Появление книги А. Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря русского языка» [19] стало заметным событием в науке о русском словообразовании. Ценным в книге является критический анализ попыток составления словообразовательного словаря русского языка, последовательное изложение основных положений словообразования (на русском материале), на которых должно базироваться создание словообразовательного словаря. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение книги А. Н. Тихонова, последняя была предметом обсуждения на Самаркандской конференции по словообразованию (12—15 сентября 1972, см. 1). Мы бы хотели остановиться лишь на одном вопросе, правда, вопросе, очень важном для словообразования: на установлении производности между словами, на определении направления мотивации. Эта проблема по достоинству занимает важное место в книге А. Н. Тихонова, с нею связаны вводимые им понятия чересступенчатого словообразования и множественности словообразовательной структуры слова. Она оказалась в центре дискуссии при обсуждении книги А. Н. Тихонова. Дискуссия показала, что вопросы установления направления производности, выбора критериев, определяющих словообразовательную зависимость между словами, трактуются исследователями по-разному, одни и те же факты нередко истолковываются неодинаково. Это несходство в подходе к одному из главных вопросов настолько отчетливо проявляется в работах по словообразованию, что создается впечатление не о наличии различных подходов для удовлетворительного описания одного объекта (русского синхронного словообразования), а о существовании нескольких объектов, весьма различающихся между собой, которые авторами именуется одинаково: русское синхронное словообразование.

Приведем в связи с этим характерное замечание И. А. Мельчука: «В работах по словообразованию нередко выдвигается

следующая проблема: как установить направление производности в случае, если формальный показатель производности отсутствует? Другая формулировка той же или, может быть, сходной проблемы: как установить «мотивационные отношения», если формально ничто не указывает их направления? Для решения этой проблемы неоднократно предлагались различные остроумные методы косвенного установления направления словообразовательных отношений. Однако если рассматривать производность сугубо в синхронном плане, то, по-видимому, «направление производности» — это большая/меньшая сложность по форме и/или по смыслу, а для установления этой последней никакие косвенные методы не нужны (за исключением случая элементарных смысловых единиц): она усматривается непосредственно из описания означающих и означаемых — так, как это было показано выше. Если же «словообразовательные мотивационные отношения» представляют собой нечто иное, другое, то это должно быть сказано явным образом, а соответствующее понятие определено — что не сделано ни в одной работе на данную тему. Поэтому содержание как названной проблемы, так и работ, предлагающих ее решение, остается для нас туманным» [12, 135].

1. Еще 15—20 лет назад словообразование понималось как историческая дисциплина. «Словообразование, понимаемое как наука о создании слов, т. е. о действительном способе их создания, может быть только генетическим, и понятие деривации нельзя замещать в нем понятием мотивации. Главной задачей словообразования является установление деривационного отношения между словами. Понятие деривации не уместится в плане чистой синхронии (сосюрковская ось одновременности), оно включает в себе момент последовательности, диахронии. Поэтому синхрония в словообразовании не может быть принята, его описательный характер может заключаться лишь в ограничении объема исследуемого материала, но не в особом методе анализа, который должен остаться генетическим» [22, 250]. Впоследствии появились работы, авторы которых указывали на законность существования, наряду с историческим, и синхронного словообразования, объем и задачи которого определялись исследователями по-разному. Одни авторы считают, что задача синхронного словообразования — изучение продуктивных словообразовательных типов (иногда к ним добавляют и непродуктивные регулярные типы), другие видят в синхронном словообразовании науку о словообразовательных связях между словами, которые (связи) существуют в сознании людей, говорящих на данном языке, третьи пытаются объединить оба этих подхода. Объект изучения при этих двух подходах неодинаков: он может совпадать, если в сознании носителей языка отражаются действительные пути образования слов, он может не-

совпадать, если подлинные способы образования слов не осознаются говорящими на данном языке и заменяются другими. Во всяком случае представляется важной задача разграничения этих двух объектов синхронного словообразования. Тем самым возникают вопросы: как определить направление производности слова при синхронном подходе, какова роль формального и семантического факторов для каждого из двух объектов синхронного словообразования? Мы хотим остановиться в этой статье на роли формального и семантического факторов в установлении подлинных путей образования слова с точки зрения синхронии.

Трудности установления в ряде случаев формальной производности (мотивированности), несовпадение формальной и семантической производности нередко склоняют исследователя к отдаче предпочтения семантическому фактору. Так, И. А. Мельчук, говорящий об установлении производности как об определении большей/меньшей формальной и семантической сложности слов (см. высказывание, приведенное выше), в ряде случаев (которые он объясняет как формально неопределимые) использует только семантический фактор: он считает, что *скорый* более сложно семантически, чем *скорость*, так как первое слово толкуется через второе, *попрошайка* более сложно (семантически), чем *попрошайничать*, *открыть* более сложно, чем *закрыть*. Отдавая должное очень содержательным работам И. А. Мельчука по словообразованию, мы хотели бы все же заметить, что большая семантическая сложность слов, не подкрепленная доказательством их большей формальной сложности, не является доказательством их словообразовательной производности. Это разные вещи. И при семантическом подходе одни и те же факты можно трактовать по-разному. Если для И. А. Мельчука в паре *радовать* — *радоваться* более сложным (семантически) является первый глагол, для Е. А. Земской это совсем не так [6, 74]. Но дело не в различной оценке отдельных фактов. Если одни факты словообразовательной системы будут описываться, исходя из примата формального фактора, а другие будут описаны при опоре на семантический фактор, то совершенно очевидно, что различные части системы будут исследованы с разных позиций: ведь совсем не исключено, что факты первого типа, оцениваемые с точки зрения семантической, получают иное истолкование.

Семантический фактор в качестве главного критерия производности декларирует Р. И. Лихтман: «Мы думаем, таким образом, что единственной обязательной (подчеркнуто автором — П. С.) сложностью в слове, говорящей о его производности, является сложность семантическая. Семантическая соотносительность — вот те обязательные отношения между словами, анализ которых в первую очередь (а иногда только он)

должен ложиться в основу словообразовательного анализа» [19, 135]. И далее: «Рассматривать структуру производного в сопоставлении с производящим не означает вовсе сводить все к смысловой соотносительности. Просто эта последняя... есть самый надежный и объективный критерий для определения направления словообразовательных отношений. Семантическая сложность — это то, в чем лучше всего обнаруживается производный характер слова. И установив благодаря этому надежному показателю, что слово является производным, мы и структуру его должны, естественно, рассматривать, отталкиваясь от структуры производящего» [19, 138]. Р. И. Лихтман говорит о синхронном словообразовании, об установлении отношения производности между словами. Но то, что предлагается ею в качестве критерия производности, может (верно или неверно — это другой вопрос) определять лишь семантические взаимосвязи словообразовательно соотносимых слов (как и слов, словообразовательно не соотносимых), но никак не реальные словообразовательные связи слов. Если исходить из того, что *лысый* семантически сложнее, чем *лысина* (ср. *лысый* — имеющий лысину), т. е. производно от него (в таком случае, очевидно, и *седой* образовано от *седина*?), что *скорый* семантически сложнее, чем *скорость*, т. е. производно от него, то: 1) производность (= семантическая сложность) нужно определять для каждой отдельной пары слов; 2) в этой ситуации понятие словообразовательного типа, на котором базируется наука о словообразовании, оказывается ненужным: если *скорый* от *скорость*, а *щедрость* от *щедрый* (или, может, *щедрый* — это «обладающий щедростью?»), то о каком словообразовательном типе может идти речь?

2. М. В. Панов определил следующие принципы установления производности: «Из двух основ одна является производящей для другой (однокорневой) в том случае, если одна проще другой.

Одна основа проще, чем другая (однокорневая), если осуществляется одно из трех условий.

1). В одной основе меньше значимых частей, чем в другой. Например, в соотносительных парах: *писать* — *написать*, *дом* — *домик*, *учитель* — *учительница* вторые единицы сложнее первых, они являются производными. Если в обеих основах равное число морфем (при этом учитываются и нулевые), то производящая основа определяется по второму принципу.

2). Обе основы имеют одинаковое число морфем, но у одной из этих основ сложнее значение, чем у другой. Более сложным является маркированное значение (пА) по отношению к немаркированному (пА), поэтому в соотносительных парах: *решить* — *решать*, *надписать* — *надписывать*, *красавец* — *красавица* — основа первого слова (в каждой паре) проще, чем

основа второго производного. Если же обе равноморфемные основы являются маркированными, то производящая основа определяется по третьему принципу.

3). Если слову типа (а) (например, отглагольному существительному) всегда соответствует слово типа (б) (например, глагол), но не наоборот, слову типа (б) же всегда соответствует слово типа (а), то основы типа (а) производны, они по значению сложнее основ (б). Это связано с тем, что при описанных соотношениях объем значения основы (а) как правило уже, чем объем значения основы (б); таким образом, основа (а) является лексически маркированной. Поэтому в парах *раскрасить* — *раскраска*, *переносить* — *перенос*, *написать* — *написание* производными (более сложными) являются вторые слова в каждой паре, несмотря на то, что число морфем здесь попарно одинаково и оба члена (глагол — существительное) маркированы» [17, 71].

Три правила определения производности, предложенные М. В. Пановым, с некоторыми изменениями и ограничениями можно, как представляется, свести в одно.

Первое правило, в принципе, является верным, но оно предполагает сравнение слов, находящихся на расстоянии одного деривационного шага (такта): *писать* — *написать*. Если же сопоставлять пары типа *писать* — *переписываться*, *ком* — *комочек*, *каприз* — *капризник*, то, хотя второе слово в каждой паре имеет больше значимых частей, чем первое, оно не является производным от него. Здесь необходимо было бы указание на минимальную формальную и семантическую осложненность производного слова по сравнению с производящим словом (основой), на невозможность подстановки между словами такой пары деривата, более сложного в формальном и семантическом отношении, чем левый член пары, но менее сложного, чем правый член пары. Для большей надежности в этом случае подобные пары необходимо помещать в словообразовательные ряды (т. е. в ряды словообразовательно однотипных слов), так сказать, проверять их словообразовательным рядом.

Второе правило построено на иной основе: здесь учитывается только семантический принцип: «у одной из этих основ сложнее значение, чем у другой». Но известно, что определить это совсем не просто. Первым среди примеров М. В. Панова идет пара *решить* — *решать*, он считает, что основа первого слова семантически проще, чем основа второго. М. В. Панов находит, что формальная производность в этой паре не выражена. Что касается семантической сложности одного из членов этой глагольной пары, то, как известно, по этому поводу высказываются разные мнения, в частности, нередко, исходя из семантической маркированности совершенного вида, говорят о большей сложности глаголов типа *решить*. Семантический принцип здесь не

помогает. Попытка определить направление производности подстановкой данной пары в словообразовательный ряд, ср. *лишить* — *лишать*, *пленить* — *пленять*, *посетить* — *посещать*, *простить* — *прощать*, *явиться* — *являться*, как будто ничего не дает (правда, если учитывать и морфонологические факторы, то вторые слова в последних трех парах являются формально более сложными), но *-а-* в этом ряду может рассматриваться как суффикс имперфективации, ср. его аналогичную роль в парах типа *угаснуть* — *угасать*, *наклонить* — *наклонять*, где вторые члены произведены от первых. Исходя из этого, можно сказать, что *решать* является производным от *решить* ввиду большей формальной сложности первого слова.

И в двух других примерах М. В. Панова направление производности определяется помещением слов в словообразовательные ряды, так сказать, «рядоположением». Для первой пары (*надписать* — *надписывать*) производность указана большей формальной сложностью префиксального глагола несовершенного вида по сравнению с префиксальным глаголом совершенного вида, ср. *зашить* — *зашивать*, *ослабеть* — *ослабевать*, *подползти* — *подползать* и т. д. (т. е. случай, аналогичный предыдущему; можно упрекнуть нас в том, что приводятся пары из других словообразовательных рядов, но если даже их считать различными рядами, то бесспорна синонимичность этих рядов). Так что и здесь нет необходимости прибегать к поискам большей семантической сложности у одного из глаголов.

В паре *красавец* — *красавица*, приводимой далее М. В. Пановым, направление производности также может быть определено, прежде всего, формально: 1) как правило, названия женщин образуются от названий мужчин, ср. *кассир* — *кассириша*, *пионер* — *пионерка*, *врач* — *врачиха* (особо — этнонимы и оттопонимические названия), 2) при подстановке этой пары в ряд: *счастливец* — *счастливица*, *любимец* — *любимица* — обнаружится ряд слов мужского рода, не имеющих параллелей женского рода, ср. *глупец*, *подлец*, *наглец*, *беглец*... Неполнота второго ряда свидетельствует о его производности (см. третье правило М. В. Панова; мы оставляем здесь в стороне возможность иного подхода к словам такого рода, речь идет о т. н. суффиксальной субстантивации, см. об этом ниже).

Третье правило М. В. Панова может претендовать на универсальность. Правда, судя по примерам, приводимым в этом месте, М. В. Панов понимает здесь производное как синтаксический дериват [13, 66]. Третье правило следовало бы считать одним из средств (причем, сильным средством) установления направления производности, применимым для любой пары словообразовательно связываемых слов, оно и было использовано нами в предыдущем случае.

Таким образом, по нашему представлению, семантический

принцип определения производности является вторичным, вспомогательным принципом и самостоятельно, без формального критерия он не в состоянии указать подлинное направление словообразовательной зависимости. Под формальным критерием мы понимаем: 1) большую/меньшую формальную сложность одного из сравниваемых слов, сюда относятся: а) количество морфем, б) морфонологические явления; 2) заполненность/незаполненность рядов слов, однотипных сравниваемым (в плане морфемном, семантическом и грамматическом).

Правило установления направления словообразовательной зависимости может быть сформулировано следующим образом. Для установления направления производности необходимо: 1) убедиться, что сравниваемые слова находятся на расстоянии не более одного словообразовательного такта, т. е. что между ними нельзя поместить слова более сложного в формальном (и в семантическом, если оно не противоречит формальному) отношении, чем левый член, и менее сложного в формальном (и семантическом, если оно не противоречит формальному) отношении, чем правый член; такая проверка не всегда оказывается возможной; 2) поместить рассматриваемую пару в словообразовательный ряд. Слово, которое окажется более сложным в формальном и семантическом отношении, является производным. В случае расхождения формальной и семантической производности предпочтение следует отдавать формальной. При невозможности построить такой словообразовательный ряд направление производности установить невозможно. В случае необходимости для определения производности могут привлекаться синонимичные словообразовательные ряды. Некоторые преимущества этого формального, «рядоположного» критерия мы попытаемся продемонстрировать в дальнейшем при анализе отдельных спорных случаев. Такой подход не объяснит, конечно, все спорные факты, но в некоторые по-разному оцениваемые явления сможет внести ясность.

Как говорилось выше, И. А. Мельчук показал, что в паре *закрыть — открыть* второй член является семантически более сложным: открыть можно только что-то закрытое. Можем ли мы на основании этого говорить о словообразовательной зависимости второго глагола от первого (например, второе слово образовано от первого путем замены приставок)? Рассмотрим такой ряд: *закрыть (замок) — открыть (замок), забить (дверь) — отбить (дверь), закопать (деньги) — откопать (деньги), завинтить (гайку) — отвинтить (гайку), задрать (люк) — отдрать (люк), замкнуть (дверь) — отомкнуть (дверь), запереть (дверь) — отпереть (дверь), затворить (ворота) — отворить (ворота), зарыть (клад) — отрыть (клад)*. Глаголы в таких парах соотносимы семантически, можно, исходя только из семантического признака, считать вторые глаголы

производными от первых. Но нетрудно заметить, что эти синонимичные глагольные пары отличаются одна от другой по отношению к простому глаголу. На одном полюсе окажутся пары *закопать — откопать, зарыть — отрыть, завинтить — отвинтить*. Коррелят — симплекс первой пары (*копать*) может быть соотнесен с тем же объектом, что и приставочные образования, ср. *копать клад, золото — закопать клад, золото, откопать клад, золото*. Т. е. можно предположить, что в этом случае мы имеем дело с «обычным», префиксальным образованием глаголов от простого глагола. Это же относится к *зарыть — отрыть*. Глагол *винтить* в ССРЛЯ [2, 283] характеризуется так: «Вертеть, вращать винт на нарезке; ввертывать или отвертывать винт», т. е. в исходном глаголе заключены семантические потенции для образования от него приставочных дериватов *завинтить* и *отвинтить*. Считаем, что и в этом случае правильнее говорить о префиксальном образовании глаголов. На другом полюсе окажутся пары *запереть — отпереть, задраить — отдраить, замкнуть — отомкнуть, затворить — отворить*. В первых двух случаях простые глаголы существуют, но семантически они не соотносятся с приставочными, тем самым мы имеем дело со связанными основами, а связанные основы, по нашему мнению, в плане синхронном непроеводны. Еще в большей мере это относится к *затворить — отворить, замкнуть — отомкнуть*, где исходный глагол вообще отсутствует. Что касается пар, располагаемых между этими полюсами (например, *забить — отбить*), у которых простой глагол существует, семантически он соотнесен с приставочным дериватом, но синтаксические связи его (управление) иные, то, конечно, это не может служить препятствием производности от него приставочного глагола: *сбить (самолет)* образовано от *бить*, хотя *бить* не сочетается с *самолет*. Таким образом, вряд ли есть основания для определения производности глаголов в антонимичных парах по семантическому признаку. Это приставочные образования. Причем наряду со словообразовательно членимыми (т. е. производными) глаголами, мы видим здесь и словообразовательно не членимые (т. е. непроеводные) глаголы, которые, однако, членимы в морфемном отношении. Такова, как представляется, словообразовательная характеристика двух синонимичных глагольных рядов, антонимичных один другому.

Что же касается семантического отношения между глаголами в указанных парах, то, конечно, здесь И. А. Мельчук прав: *открыть* семантически вторично по сравнению с *закрыть*, и, может быть, эта семантическая переориентация глаголов типа *закрыть — открыть, замкнуть — отомкнуть, запереть — отпереть* и приводит к элиминации производящего глагола (ср. отсутствующие в современном языке *ворить, мкнуть*, несоотносительные *переть, крыть, драить*, ср. также исчезновение исход-

ного глагола в парах *обуть* — *разуть*, *зацепить*, *прицепить* — *отцепить*).

3. Рассмотренный прием определения производности, который заключается лишь в большем внимании к формальной стороне словопроизводства с учетом системных отношений, часто, но не всегда последовательно используемый в науке о словообразовании, может оказать определенную пользу в описании явления, известного под названием «множественной мотивации» [10]. Под этим понимаются те случаи, когда дериват признается мотивированным более чем одним мотивирующим словом (основой), ср. пример В. В. Виноградова: «... слово *бродяжничество* может быть соотнесено со словом *бродяга* и со словом *бродяжничать*» [18, 53]. Этому явлению посвящена глава книги А. Н. Тихонова [19]. Вопрос о неединственности мотивации обсуждался на Самаркандской конференции, причем высказывались различные мнения: наряду с признанием этого явления, иногда при несколько ином его понимании (В. В. Лопатин, И. С. Улуханов), были выступления, в которых отрицалась возможность неединственной мотивации деривата (А. И. Моисеев — I, II, 89). Защищает это положение Е. А. Земская, см. ее недавно вышедшую книгу по русскому словообразованию [6, 67]; этого же мнения придерживаются и авторы «Russian Derivational Dictionary» [26, IX]. По нашему мнению, в этом споре прав А. И. Моисеев: множественности мотивации (= производности) с точки зрения синхронного словообразования (как и с точки зрения словообразования диахронного) не существует. Если же утверждается обратное, то оно должно быть доказано не путем анализа данной словообразовательной связываемой пары слов, что нередко бывает субъективным, а изучением всей совокупности словообразовательных связей рядов слов. Но даже если, с учетом предыдущего, удастся доказать равнопроизводность данного слова от нескольких (более одного) исходных слов, то, как представляется, дериват следует рассматривать как совокупность нескольких словообразовательных омонимов, каждый из которых является производным одной производящей основы. Множественная мотивация, как правило, является результатом неверного осмысления говорящими словообразовательных процессов. Изучение последнего очень важно, именно оно является причиной перемещения морфемного шва и переосмысления частей слова [8, 32; 24, 158]. Но как говорилось выше, эти два объекта, так сказать, «правильное» и «неправильное» словообразование, должны различаться. Если даже признать, что множественная мотивация существует (правда, в значительно меньших размерах, чем это нередко постулируется, см. об этом ниже), то больше смысла свести ее к явлению, которое называют словообразовательной омонимией (А. Н. Тихонов) или омонимией словообразовательной формы (Г. О. Ви-

нокур, Е. А. Земская), ср. «От явления множественности словообразовательной мотивации следует отличать явление, которое Г. О. Винокуром было названо омонимией словообразовательной формы» [6, 68]. Но прежде, чем перейти к рассмотрению этих явлений, остановимся на примерах множественной мотивации, которые приводятся сторонниками этого понятия. Рассмотрим, прежде всего, некоторые типы, относимые сюда А. Н. Тихоновым [19, 317—326].

1) *разукрупнить: разукрупн(ить) — разукрупн-ениј-е и укрупнение — раз-укрупнение, разукомплектование: разукомплектова(ть) — разукомплектова-ниј-е и укомплектование — раз-укомплектование*, и т. д. В. В. Лопатин уже указывал на неправильность отнесения этого типа к словам с множественной мотивацией — [I, II, 100]. Существительные *разукрупнение, разукомплéктование* являются отглагольными дериватами, и если параллельно с ними существуют слова, образованные от простых глаголов, это не меняет картины. Доказательством этого являются существительные, созданные по этому же образцу и не имеющие параллельного беспрефиксного существительного, ср. *размораживание, распаковывание*, а также слова, образованные по синонимичным словообразовательным типам, ср. *расфасовка*. Если даже в отдельных случаях и наблюдаются отклонения от этого правила, нет оснований говорить о множественности мотивации, ср. для этого типа *раззавод*. С неправильностью рассмотрения этих слов как слов с множественной мотивацией согласился и А. Н. Тихонов [I, II, 162];

2) *переобучение: переобуч(ить) — переобуч-ениј-е и обучение — пере-обучение, перезахоронение: перезахорон(ить) — перезахорон-ениј-е и захоронение — пере-захоронение*, и т. д. А. Н. Тихонов привел интересные примеры существительных с приставкой *пере-*, которые мотивированы только существительными, ср. *перешелест, переблеск, переприем* (см. также *пересмена, перекомиссия* — 4, 149), заметив, что это явление новое. Но дают ли подобные факты право рассматривать слова, соотносимые с глаголами, типа *переобучение* как слова с двойной мотивацией? По нашему мнению, нет. Слова *переобучение, перезахоронение, перевыполнение, перераспределение, перебазирувание, перевоспитание, перерасследование* [19, 317] являются отглагольными образованиями, словами с единственной мотивацией (производностью). В противном случае пришлось бы оторвать их от совершенно однотипных слов, как *передельвание, переписывание, переигрывание, переваривание, переборанивание, перевешивание, перевивание, перевинчивание, переворащивание* (ср. *переворошение — и ворошение*), *перевьючивание, переименовывание* (ср. *переименование*) и т. д. С другой стороны, это подтверждается словообразовательными связями синонимичных типов, ср. *перевес — перевеска — перевешива-*

вание, *передел* — *переделка* — *передельвание*, *передир* — *передирание* (о зерне), *передой* — *передойка*, а также *перевивка* (ср. *перевивание*), *передержка*, *перезкзаменовка* (все примеры — из ССРЛЯ). Приводимые факты говорят о том, что все существительные рассматриваемого типа, которые могут быть объяснены как производные от соответствующего глагола, и должны считаться отглагольными дериватами. В. В. Лопатин, справедливо считая слова типа *перезбазирование*, *перевыполнение* отглагольными дериватами, ссылается на то, что префикс *пере-* не выступает как именной в других значениях, кроме значения повторности. Но этот аргумент не имеет доказательной силы: формант в разных значениях может опираться на разную словообразовательную базу; так, например, приставка *до-* в локальном значении не сочетается с прилагательными, если же она имеет временное значение (*перед*), такая сочетаемость возможна. Наряду с такого рода отглагольными существительными, имеющими значение *potina actionis*, есть и дериваты, образованные от существительных со значением действия по аналогии к отглагольному типу. И эти слова должны рассматриваться как мотивированные только одним словом, «однопроизводные». Ср., например, *перешелест*, *переблеск*; любопытна здесь группа терминов, в частности юридических, ср. *передознание*, *переследствие*. Здесь мы имеем дело, так сказать, с «переплеском» словообразовательного типа, но это не может служить основанием для пересмотра сущности самого словообразовательного типа;

3) *невежливость*: *невежлив(ый)* — *невежлив-ость* и *вежливость* — *не-вежливость*, *несправедливость*: *несправедлив(ый)* — *несправедлив-ость* и *справедливость* — *не-справедливость*, и т. д. Сюда же А. Н. Тихонов отнес и существительные с приставкой *без-*: *безаварийность* — *безаварийный* и *аварийность*. Затем, после замечаний оппонентов, он отказался от второго типа, а первый (функционально тождественный) оставил. Между тем совершенно очевидно, что существительные на *-ость* со значением признака всегда образованы от прилагательных (являются их синтаксическими дериватами), что легко проверяется постановкой в ряд: существительным на *-ость* всегда соответствует качественное прилагательное, обратное же явление совсем не столь регулярно, об этом свидетельствует восприятие многих таких, потенциально существующих, дериватов как неологизмов;

4) остановимся на одном словообразовательном типе, дериваты которого рассматриваются А. Н. Тихоновым и Е. А. Земской [6, 67] как слова с множественной мотивацией; речь идет о прилагательных с приставкой *без-*, которые, по мнению указанных исследователей, мотивируются предложным сочетанием и прилагательным, ср. *бесклассовый* — *без классов* и *классо-*

вый, бесплановый — без плана и плановый. Между тем многие дериваты такого рода не имеют соотносительных простых прилагательных либо семантически не связаны с имеющимися. Так, из 30 слов, выписанных подряд из «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах (т. 2), лишь 12 имеют соотносительные прилагательные (*безалкогольный, безатомный, безбедный, безболезненный, безвоздушный, безвредный* и др.), 13 не имеют «исходных» прилагательных (*безбожный, безбрежный, безвестный, безвозмездный, безвольный, безвыездный, безвыходный, безгласный*, здесь же и непроизводное, но членимое в морфемном отношении *безалаберный*), 5 имеют такие прилагательные, но семантически не связаны с ними (*безапелляционный, безвозвратный, бездорожный* и др.), т. е. прилагательные двух последних групп мотивируются только предложными сочетаниями. Это же в равной мере относится и к прилагательным, имеющим соотносительные приставочные прилагательные. Если предположить обратное, как делают А. Н. Тихонов и Е. А. Земская, то рассматриваемый адективный тип будет оторван от синонимичного ему словообразовательного типа, имеющего лишь более узкую словообразовательную базу (главным образом, названия частей тела человека и животного), ср. *безголовый, безгорбый, безгрудый, безухий, безликий, беспалый, бесперый, бесшей* и т. д. Причем иногда (в диалектах шире) этот словообразовательный тип конкурирует с типом *без-ный*, ср. дублиеты типа (приводятся и диалектные примеры, взятые из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля): *безверстый — безверстный, бескостый — бескостный, бескрылый — бескрыльный, безлистый — безлистный*. А слова типа *безглазый, беззубый* могут быть объяснены только как образования от соответствующих предложных сочетаний.

Как известно, истории прилагательных с приставкой *без-* посвящены статья С. П. Обнорского «Префикс *без* в русском языке» (14) и раздел в книге «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» (15, 500—507, автор раздела — Е. А. Земская). С. П. Обнорский считает наиболее древним и собственно русским тип *без-ый*. Тип *без-ный*, по его мнению, является более поздним, он возник на основе многочисленных старославянских заимствований. Третий тип — префиксальный — является еще более поздним: «... теперь с усилением образующей функции префикса как такового стало возможным образование сложений путем сочетания *без-* с именем прилагательным» [14, 201], ср. приводимые им примеры: *безызвестный, бесчеловечный, безыскусственный, безнравственный, безотносительный, безжизненный, безграмотный, бездеятельный, бестолковый, беззастенчивый, безразборчивый* и т. д.

Е. А. Земская, излагая историю прилагательных с префиксом *без-*, указывает, что многие чисто префиксальные образования «семантически были соотнесены с предложными сочетаниями, а не с бесприставочными прилагательными» [15, 505]. Она приходит к следующему выводу: «Таким образом, в языке XIX в. процесс изменения способа образования прилагательных с приставкой *без-*, т. е. превращение этой модели в чисто префиксальную, протекал неактивно; он сдерживался большей продуктивностью модели *без-... н-ый*» [15, 505—506], ср. оценку префиксального образования прилагательных рассматриваемого типа в «Грамматике современного русского литературного языка» [4, 211—212, авторы раздела В. В. Лопатин и И. С. Улуханов]: «Для многих из них характерна параллельная семантическая мотивация суффиксальными существительными, которые мотивированы теми же прилагательными, что и прилагательные данного типа, или соотносительны с ними, напр.: *беззастенчивый, бездоказательный* («характеризующийся отсутствием застенчивости, доказательств»). Сюда же относятся слова, семантически мотивированные словосочетаниями с мотивирующим прилагательным: *безатомный, безъядерный* (ср. атомное оружие, ядерное оружие). Обнаруживает продуктивность (в сфере терминологии) только этот подтип».

Прилагательные, имеющие приставку *без-*, можно разделить в словообразовательном отношении на две группы: 1) слова типа *беззубый* и типа *беззаботный* (единственно продуктивный ряд без стилистических ограничений), образованные от соответствующих предложных сочетаний, 2) слова типа *беззастенчивый, бездоказательный*, образованные от прилагательных с помощью префикса. Что же касается дериватов, соотносимых с простыми прилагательными и с предложными сочетаниями, то речь может, как представляется, идти лишь о семантической двойственной мотивации. С точки зрения словообразовательной они должны быть распределены между словами первой и второй групп. Для этого требуется тщательное выяснение соотношения простого и приставочного адеквативов в их словосочетательных связях (ср. *ответное письмо — безответный человек, билетная касса — безбилетный пассажир, бедный человек — безбедная жизнь, защитный цвет — беззащитное существо, жизненный простор — безжизненное тело*). В случае же невозможности установить единственные словообразовательные связи анализируемых слов, т. е. признания их двусторонней зависимости, они должны быть рассматриваемы как два словообразовательных омонима, образованных независимо один от другого различными способами и имеющих тождественную или нетождественную семантику, ср., например, *бесконечный*: 1) беспредельный, безбрежный, ср. *бесконечный простор, бесконечная равнина*, 2) продолжительный, ср. *бесконечная жалоба*, 3) безгранич-

ный, ср. *бесконечная благодарность*; во всех этих случаях прилагательное — префиксально-суффиксальный дериват (или результат суффиксации предложного сочетания), ср. *Все даруют боги бесконечные Тем, кто мил им, сполна: Все блаженства бесконечные, Все страданья бесконечные, все* (И. В. Гете) — и *бесконечная дробь*, ср. *конечная дробь*, прилагательное образовано с помощью приставки; *беспредметный* — не по существу, ср. *беспредметный спор* — префиксально-суффиксальное образование, но — *беспредметная живопись*, ср. *предметная живопись*, — префиксальное образование (в плане диахроническом отношения между *конечный* — *бесконечный*, *предметный* — *беспредметный* могут быть иными);

5) к словам с множественной мотивацией относят и слова типа *довоенный*, *предпраздничный* [6, 67]. Таких прилагательных немного, и почти всегда они имеют параллельные простые прилагательные, семантически соотносимые с ними, ср. тип с приставкой *до-*: *довоенный*, *доисторический*, *доклассовый*, *дооктябрьский*, *допотопный*, *дореволюционный*, *дореформенный*, *досоветский*, *досрочный*, *дофеодальный*; тип с приставкой *пред-*: *предвыборный*, *предмайский*, *предмостный*, *предоктябрьский*, *предпоследний*, *предрасветный*, *предсмертный*. Правда, и здесь можно назвать два слова, которым не соответствуют простые прилагательные (*допотопный*, *предмостный*), и два слова, которые семантически не соотносимы с имеющимися прилагательными (*досрочный*, *предвыборный*), их можно объяснить лишь как образования от предложных сочетаний. В книге «Современный русский язык. Словообразование» Е. А. Земская рассматривает эти прилагательные как слова с двойной мотивацией. В более ранней своей работе [15, 540] она по-иному и, как представляется, вернее оценивает этот тип: «Прилагательные с приставкой *пред-* создавались на основе предложных сочетаний префиксально-суффиксальным способом. При этом использовался чаще всего суффикс *-н-*. Однако в тех случаях, когда однокоренное приставочное прилагательное имело какой-нибудь другой суффикс (*-ическ-*, *-овск-*, *-енн-*), оно входило в приставочное прилагательное как готовое слово: *предысторический*, *предрождественский*, *предпетровский*, *предутренний* и под.». Можно, конечно, возразить, указав, что в этих двух объяснениях факты анализируются с синхронной и диахронной точек зрения, но, по нашему мнению, о множественности мотивации речь может идти лишь в плане семантическом, в плане же словообразовательном следует пытаться установить единичную производность каждого из таких прилагательных.

Это объяснение может быть, очевидно, применено и к другим адъективным типам, в частности, к типам с приставками *до-* и *без-*, хотя нужно отметить, что правило о «других» суффиксах далеко не всегда выдерживается, ср. *бездарный* при *даровитый*,

бесталанный при талантливый, бестактный при тактичный и т. д. Материал нуждается в сплошном обследовании. Рассматривая далее [15, 541—544] адъективные типы с приставками *до-* и *после-*, Е. А. Земская ничего не говорит о способе их образования, можно предположить, что сказанное о приставке *пред-* распространяется и на эти типы: автор пишет, например, о близости типов с *пред-* и *до-*, о полном параллелизме образований (*допожарная* и *предпожарная Москва, допетровское* и *предпетровское время...*);

6) особо следует остановиться на дериватах, образованных путем субстантивации, которые также фигурируют среди слов с множественной мотивацией. Здесь нужно выделить собственно субстантивацию, «простую» субстантивацию, и т. н. суффиксальную субстантивацию, последняя обычно именуется универбацией и конденсацией. Считаем более удачным термин «суффиксальная субстантивация», используемый польскими лингвистами (см., например, 25): он, во-первых, подчеркивает связь этого явления с субстантивацией, рассматривает его как разновидность субстантивации, т. е. превращения атрибутивного словосочетания в существительное, во-вторых, термины «универбация» и «конденсация» вполне применимы и к другим явлениям: первый, например, к образованию аббревиатур, второй — к деформациям типа *военкомат, эсминец*, к явлениям гаплогонии. Суффиксальная субстантивация, как и простая субстантивация, превращает сочетание в существительное, т. е. семантика деривата в обоих случаях тождественна семантике словосочетания (при этом возможно стилистическое наращение). Ср. *передовая статья — передовая — передовица, глупый человек — глупец, сыпной тиф — сыпняк*. Отдельное слово либо производящая основа выступают в качестве определяющего члена (*глупый, глуп-*), второе слово и суффикс выступают в качестве классифицирующего члена (*человек, -ец*). Т. е. и в плане семантическом и в плане формальном здесь нужно говорить о производности от словосочетания, о мотивированности словосочетанием, ср. такие независимо возникшие омонимы, как *испанка=испанский грипп, испанка=испанская шапочка; семилетка=семилетняя школа, семилетка=семилетний план, семилетка=семилетний ребенок*. Существует ряд работ, посвященных описанию этого явления в славянских языках [см. 7; 23; 25], но даже на материале современного языка не рассматривался вопрос о разграничении суффиксальной субстантивации и собственно суффиксации. Еще меньше изучено действие суффиксальной субстантивации в истории языка (в данном случае — русского), хотя иногда исследователи отмечают это явление, см., например, историю слова *белка* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [20, 1, 148]. Между тем, как показывают факты, суффиксальная субстантивация была активным сред-

ством образования существительных на протяжении всей истории русского языка, лишь в различные периоды неодинаково использовались для этой цели отдельные суффиксы.

Неучитывание этого явления и его роли в словообразовании приводит, с одной стороны, к трактовке некоторых типов слов как слов с множественной мотивацией (см. примеры ниже), с другой стороны, к неправильному использованию этих фактов для доказательства фразеологичности слова как его отличительной черты (см. работы М. В. Панова). М. В. Панов пишет: «Между смыслом частей и смыслом целого (речь идет о слове — П. С.) получается зазор, люфт. Это обычно для слова, это норма для него» [16, 147]. Эта мысль частично верна лишь для собственно морфологического словообразования, для производства слов по словообразовательным типам (подчеркиваем — частично, так как и в этом случае дериват далеко не всегда является фразеологизмом), что же касается субстантивации (как простой, так и суффиксальной), то для нее это замечание вообще неверно. В качестве примеров М. В. Панов приводит слова *дневник*, *вечерник*, *ночник*, *утренник* и говорит о невозможности определить их значение, исходя из семантики составных частей. Но ведь суффиксы, выступающие в этих словах, не имеют деривационной семантики, они обладают лишь структурной функцией (В. Дорошевский) — функцией превращения словосочетания в слово. Каково значение суффикса *-к-* в *испанка* (шапка), *«Комсомолка»* (газета), *Маршанка* (театр), *Таганка*, *открытка*, *прогрессивка*, *двухверстка*, *трехтонка*, *фугаска*, *поденка*, *мореходка*, *перцовка*, *моторка* и т. д.? Ср. далее высказывание М. В. Панова: «Что бы могло обозначать слово *утренница*, которого пока еще нет в русском языке? Утренняя заря, утренняя роса, утренняя песнь, какой-нибудь утренний жук или гусеница, утренний туман, утренний клев рыбы, утренняя зарядка и пр. Т. е. какой-то предмет, имеющий какое-то отношение к утру. Какое же именно — состав слова не указывает, а ведь таких предметов немало» [16, 148]. Очевидно, слово *утренница* могло бы обозначать любой из этих предметов, дело здесь, как представляется, во-первых, в употребительности словосочетания, во-вторых, во взаимодействии данного суффикса с другими субстантивирующими суффиксами. *Утренница* вполне могло бы обозначать «утренняя заря» (ср. *денница*), в словаре В. И. Даля оно и приводится с таким значением [IV, 522], кроме того слово (точнее — слова) имеет значения «раннее утро», «утреня, заутреня». Здесь же приводятся результаты субстантивации с помощью другого суффикса: *утренник* со значениями: 1) весенний или осенний мороз по ночам, 2) утренний удой молока, 3) завтрак, закуска. Значение слова неопределимо именно из-за структурной функции суффикса и нерегулярности образования таких слов. Ср. также: «Взаимодействие словообразовательного

значения суффиксов и лексического значения производящих слов может быть и непрямолинейным, когда семантика производного слова не выводится непосредственно из значений его составляющих, а представляется в определенном смысле условной, закрепленной общественной практикой (*подберезовик, летучка*)» [11, 15]. При определении соотношения семантики деривата и семантики его составных частей результаты субстантивации (как простой, так и суффиксальной) не должны привлекаться.

А. Н. Тихонов пишет: «Значительное место в именах существительных с множественной структурой занимают слова типа *шашлычная, пельменная, чебуречная, блинная, учительская, массажная* и т. п., которые соотносятся как с существительными, так и с именами прилагательными. В современном русском языке они могут возникать, минуя ступень прилагательного, т. е. непосредственно от существительного» [19, 321]. Если разграничить синхронный и диахронный подходы, то указанный разряд слов может быть охарактеризован как однопроизводный. С диахронной точки зрения, слова рассматриваемого типа являются результатом превращения словосочетания в слово, это явление индивидуальное, неаналогическое. С точки зрения синхронной, эти слова должны быть признаны результатом суффиксации: новообразования возникают аналогическим путем, по образцу уже существующих слов.

В равной мере это относится к словам, образованным путем суффиксальной субстантивации. Сюда относятся следующие ряды слов, имеющих, по мнению А. Н. Тихонова, множественную структуру: 1) *багажник, посудник, водник, модник, заказник, капризник, замочник, булочник* и т. д., 2) *безбилетник, безбожник, бесстыдник, бездомник, безлошадник*, 3) *плановик, мостовик, фронтовик, строевик, массовик, тыловик, огневик, коксовик, пиццевик* и т. д. Первый ряд соотносится, по его мнению, с существительными и прилагательными, ср. *багаж* — *багаж-ник* и *багажн(ый)* — *багажн-ик*; второй — с предложными сочетаниями и прилагательными, ср. *без-билет(а)* — *безбилет-ник* и *безбилетн(ый)* — *безбилетн-ик* (ср. объяснение А. Н. Тихонова — «безбилетный пассажир»); в третьем — как и в первом — с существительными и прилагательными (различие лишь в суффиксах): *план* — *плановик*, и *планов(ый)* — *планов(ик)*. (С последним ср. ряд с другими значениями: *дождевик*: 1) дождевой гриб, 2) дождевой плащ, 3) дождевой червь, омонимы образовались на базе соответствующих сочетаний: «Сущ. *дождевик* образовано с помощью суф. *-ик* от прил. *дождевой* на базе словосочетаний типа *дождевой плащ, дождевое пальто...*» [21, 152]; ср. также *доильник* — «образовалось в результате эллипсиса словосочетания

доильный аппарат [21, 155], точно так же образовались *кипя- тильник, луцильник* — от *кипятильный прибор, луцильный аппа- рат*, это результат суффиксальной субстантивации, при диахрон- ном подходе. Слова всех трех приведенных выше разрядов (как и некоторые другие) должны быть объяснены, с диахронной точки зрения, как образованные в результате суффиксаль- ной субстантивации, на базе словосочетаний, которые не- редко употребляются наряду с суффиксальным субстанти- ватами, ср. *капризник* — и *капризный ребенок (человек), булоч- ник* — *булочный мастер, безбилетник* — *безбилетный пассажир, бесстыдный* — *бесстыдный человек, безлошадник* — *безлошадный крестьянин, фронтовик* — *фронтовой солдат (офицер), строевик* — *строевой офицер, биржевик* — *биржевой делец, грузовик* — *грузовая машина, чистовик, беловик* — *чистовая, беловая тет- радь (запись)*, и т. д. С синхронной точки зрения — это суффик- сальные образования;

б) не являются словами с множественной мотивацией наре- чия на -о с приставками *пре-, сверх-, архи-, раз-*, а также наре- чия типа *страшновато, невесело* (А. Н. Тихонов, Е. А. Земская), эти наречия — синтаксические дериваты соответствующих при- лагательных; не является словом с множественной структурой *содокладчик*, ср. *докладчик* — *содокладчик* и *содоклад* — *содо- кладчик*. В современном русском языке приставка *со-* (значение совместности) присоединяется почти исключительно к названи- ям лиц, ср. *соавтор, собрат, совладелец, согражданин, сонани- матель, сонаследник, сорежиссер, сородич, сотоварищ, соуче- ник*. Образования от других существительных очень редки, ср. *содоклад, сотворчество, соучастие* (кроме *содоклад* — *содоклад- чик*, можно указать, кажется, лишь на одну пару: *соучастие* — *соучастник*). Считать названия лиц с приставкой *со-* произ- водными редко образуемых слов нет оснований.

Таким образом, многие из разрядов слов, причисляемых к типам с «множественной мотивацией», «множественной словооб- разовательной структурой», к таковым не относятся. Их можно истолковать как слова с единичной, правда, не всегда легко определяемой, производностью. И задача исследователя заклю- чается в том, чтобы установить подлинное направление произ- водности, а в случае его переосмысления в сознании говоря- щих — и последствия такого переосмысления. И то и другое должно быть объектом изучения, важно лишь разграничивать эти объекты науки о словообразовании.

4. Как указывалось выше, все это не обозначает, что в язы- ке не существует слов, которые могут быть признаны в равной мере дериватами более чем одной производящей основы. Обра- зования от разных производящих основ с помощью одинако- вых (*отразить врага* — *отражение врага, отразиться в зерка-*

ле — отражение в зеркале — 2, 80) или различных (побить-ся — оказаться разбитым и по-биться — в течение некоторого времени взять на себя тяжесть чего-нибудь — 2, 101) формантов — это словообразовательные омонимы. Словообразовательные омонимы семантически могут быть тождественны, могут пересекаться либо быть лексическими омонимами. Производные слова образуются обычно не от исходного слова в совокупности всех его значений, а от слов в их отдельных значениях, от лекс. От омонимов (лексических) с помощью одинаковых словообразовательных средств могут быть образованы омонимичные дериваты. Вполне логичным представляется и предположение о возможности независимого образования одинаковых по морфемному составу дериватов различных производящих основ со всеми возможными типами семантического соотношения между ними. Такие словообразовательные омонимы обычно в словарях даются в составе одной лексемы, а в случае семантической дублетности вообще не отмечаются, да в этом и нет необходимости (если речь не идет о словообразовательном словаре). Казалось бы, что признание множественности мотивации либо универсальности словообразовательной омонимии в принципе безразлично и представляет собой выбор одного из возможных подходов. Но первая точка зрения отрицает, как представляется, самое основу словообразования: конкретное производное слово может иметь только одну производящую основу и один формант, оно не может быть признано одновременно произведенным от нескольких производящих основ и нескольких формантов. Это верно не только для исторического словообразования, но и для синхронного словообразования, если говорить о реальной производности, а не о семантической мотивированности. В «Грамматике современного русского литературного языка» [4, 39] говорится: «Слова, имеющие более одной мотивации, относятся одновременно к разным словообразовательным способам, типам или подтипам». Но одно и то же слово не может, строго говоря, относиться более чем к одному словообразовательному типу: данное конкретное слово может быть образовано только по определенному словообразовательному типу.

А. Н. Тихонов видит тесную связь «множественности структуры слова» со «словообразовательной омонимией», но говорит о существенном различии этих явлений [19, 326]. При обсуждении его книги на Самаркандской конференции он, однако, отметил: «Приведенные примеры наводят на мысль, что границы между множественностью структуры слова и словообразовательной омонимией нуждаются в уточнениях. То, что в современных исследованиях принято относить к множественности структуры слова, необходимо тщательно проанализировать с точки зрения общей теории тождества и отдельности слова.

Можно предположить, что значительные участки, находящиеся сейчас в ее «владении» отойдут к омонимии. Очевидно, настала пора прямо поставить вопрос: может ли одно слово иметь несколько производящих?» [I, II, 173] По нашему мнению, множественности структуры слова, как ее понимает А. Н. Тихонов, не существует, поэтому нет необходимости в установлении границ между ней и словообразовательной омонимией. Слово не может иметь несколько производящих. Правильнее рассматривать явления такого рода как широко понимаемую словообразовательную омонимию во всем разнообразии семантического соотношения дериватов. Попытаемся показать возможность такого подхода на примере глаголов с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*.

5. В качестве объекта описания были выбраны глаголы с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*. Из этого разряда были исключены глаголы т. н. сативного способа действия: они имеют вполне определенную словообразовательную структуру, образуются от простого глагола одновременным присоединением приставки и постфикса (ср. *начитаться, накричаться*). Они являются словообразовательными омонимами (в структурном плане) несативных глаголов с *на-ся* (ср. *накричаться — навалиться*), ср. собственно словообразовательные омонимы: *надуматься — надумать* и *надуматься — вдоволь, много подумать* (сативный глагол). Нас интересуют глаголы с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*, которые не составляют особого словообразовательного типа. Они могут быть рассмотрены как производные со множественной мотивацией или, при нашем подходе, — как словообразовательные омонимы. Учитывались только формы совершенного вида, что позволило не принимать во внимание омонимичные формам несовершенного вида формы страдательного залога. Приводим список рассматриваемых глаголов: *набиться, наброситься, навалиться, навернуться, навинтиться, наводниться, навьючиться, навязаться, нагноиться, нагнуть, наготовиться, нагреться, нагримироваться, нагромоздиться, нагрузиться, надвинуться, надеться, надуматься, надуться, нажаловаться, нажиться, назваться, накалиться, накатиться, накинуться, наклеиться, наклониться, наколоться, накопиться, накраситься, накрениться, накрутиться, накрыться, наладиться, налиться, наловчиться, намазаться, наметаться, наморщиться, намотаться, намочиться, напениться, напечатлеться, напечататься, напиться, напластоваться, наполниться, на помадиться, напороться, направиться, напроситься, напружиться, напудриться, напустить, напыжиться, нарваться, наречься, народиться, нарумяниться, нарядиться, наслоиться, насмеяться, настроиться, насунуться, насыпаться, насытиться, натереться, наткнуться, натолкнуться, научиться, нафабриться, нахмуриться, нахохлиться, нацелиться, начислиться*. В каждом из них может быть выделена приставка

на- и постфикс *-ся*, т. е. с точки зрения формальной они могут быть соотнесены как с приставочным глаголом без постфикса, так и с бесприставочным постфиксальным глаголом, ср. *наклониться* — *наклонить* — *клониться*. Из этого числа должны быть исключены глаголы, лишенные двойной формальной соотносительности из-за отсутствия в современном языке (наличие глаголов, как и набор их значений, определялись по «Словарю современного русского литературного языка» в 17 томах) бесприставочного постфиксального глагола (*навинтиться*, *наводниться*, *навьючиться*, *надеться*, *напечатлеться*, *напластоваться*, *напороться*, *наречься*, *насытиться*, *нахлобучиться*) или приставочного глагола без постфикса (*насмеяться*, *нажаловаться*). Оставшиеся глаголы с точки зрения формальной могут быть признаны производными либо приставочных глаголов без постфикса (с помощью постфикса), либо бесприставочных постфиксальных глаголов (с помощью префикса), либо могут быть рассмотрены как два словообразовательных омонима, каждый из которых образовался одним из рассмотренных выше способов. Если же к этому добавить эвентуальный сативный глагол, то число потенциальных словообразовательных омонимов может возрасти до трех, ср. *напечататься* — от *напечатать*, *напечататься* — от *печататься*, *напечататься* — от *печатать*. Рассматриваемый глагольный ряд не представляет собой словообразовательного типа — выделение словообразовательных типов внутри него и является нашей задачей.

Для этой цели используется семантический критерий в двух его проявлениях: во-первых, глаголы делятся на группы с общей семантикой: если общее их значение является словообразовательным, то тем самым они относятся к одному и тому же словообразовательному типу; во-вторых, рассматривается соотношение семантики деривата (*на-ся*) и соответствующих ему потенциальных производящих глаголов, при этом для доказательства связи значений используются элементарные трансформации. Каждая из этих операций совершается отдельно, а затем их результаты сравниваются. Уже заранее можно высказать предположение, что между этими семантическими классификациями существует связь: глаголы, имеющие общее значение, сходны в словообразовательном отношении, каждый такой семантический разряд, является производным либо глаголов с приставкой *на-* без постфикса, либо постфиксальных глаголов без приставки, либо представляет собой два ряда омонимов, каждый из которых образовался одним из указанных выше способов. Проверка этого предположения и представляет содержание последующей части статьи.

6. Глаголы с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*, выделенные в результате предшествующих формальных процедур, могут быть разделены на следующие семантические разряды:

а) глаголы со значением «довести действие до предела, до насыщения», ср. *набиться, нагреться, нагрузиться, накалиться, накопиться, напиться, наполниться*;

б) глаголы, обозначающие движение субъекта в определенном направлении до какого-либо внешнего предела, ср. *наброситься, навалиться, нагнуться, надвинуться, накатиться, накинуться, наклониться, наколоться, накрениться, направиться, напуститься, нарваться, наткнуться, натолкнуться*;

в) глаголы со значением «покрыть свое лицо, усы и т. д. косметическими средствами», ср. *нагримироваться, надушиться, накраситься, намазаться, на помадиться, напудриться, нарумяниться, натереться, нафабриться*; к этому разряду, очевидно, могут быть отнесены глаголы *нарядиться* и *начиститься*;

г) глаголы, обозначающие действия, которые приводят к изменению поверхности, ср. *нагноиться, наморщиться, напениться, напыжиться, наслотиться, насупиться, нахмуриться, нахохлиться*;

д) глаголы, обозначающие действие наворачивания (ниток и т. д.), ср. *навернуться, накрутиться, намотаться*;

е) глаголы со значением «вопреки желанию группы людей войти в ее состав», ср. *навязаться, напроситься*;

ж) часть глаголов не удается разбить на семантические разряды, среди них отметим: *наготовиться, нажиться, назваться, наклеиться, накрыться, наладиться, налиться, напугаться, народиться, настроиться, насыпаться, научиться* и некоторые другие.

7. По своей семантической соотносительности (что в данной ситуации может служить свидетельством производности) глаголы с приставкой *на-* и постфиксом *-ся* можно разделить на три группы (значения глаголов, примеры и пометы приводятся по «Словарю современного русского литературного языка» в 17 томах), в случае большого количества сходных глаголов семантические соответствия демонстрируются на избранных примерах, остальные глаголы даются списком.

1. Дери́ват образуется только от бесприставочного постфиксального глагола с помощью приставки. Тип потенциально возможный, практически почти не реализуемый. В качестве единственного примера можно привести *накинуться* со значением «наброситься, напасть на кого» (другие его значения являются производными), которое соответствует одному из значений *кинуться* — «стремительно наброситься, напасть на кого-либо», хотя *накинуться* может быть и производным от *кинуть* — «набросить что-либо поверх кого-нибудь» (ср. ниже словообразовательное положение этой семантической группы), правда, в последнем случае отсутствует оттенок интенсивности. Случай единственный и сомнительный.

II. Дери́ват образуется только от приставочного глагола с помощью постфикса. Выделим здесь два подтипа: 1) однознач-

ный дериват является производным исходного глагола в одном из его значений, т. е. одной лексы, 2) многозначный дериват является производным исходного глагола в нескольких его значениях (нескольких лекс или всей лексемы).

1) Ср. *нагнуться* ← от *нагнуть* : *нагнуть* «сгибая, наклонить» — *нагнуться* «сгибая, наклониться», глагол *гнуть* в нескольких своих значениях перфективируется приставкой *с-*;

набиться — от *набить* : *набить* «наполнить чем-либо, туго втискивая внутрь чего-либо» — *набиться* «собраться, скопиться до тесноты где-нибудь, внутри чего-либо», многочисленные значения глагола *биться* со значениями глагола *набиться* не соотносятся.

К этому подтипу относятся также глаголы *навернуться*, *навязаться*, *надуматься*, *накрыться*, *нажиться*, *наготовиться*, *наклеиться*, *намотаться*, *накрутиться*;

2) *навалиться* — от *навалить* : *наваливать/навалить* «накладывать, взваливать на кого что-нибудь», а также «налегать, давя свой тяжестью» — *наваливаться/навалиться* «налегать, давя своей тяжестью», ср. *Лопни канаты — и через несколько минут фрегат наваливает* (=наваливается) *на рифы : ну и в щепы* (Гончаров, Фрегат Паллада); *навалить* «наклонить набок» — *навалиться* «склониться набок, накрениться»;

напуститься — от *напустить* : *напустить* «направить, послать (для нападения)» — *напуститься* «напасть, наброситься на кого-, что-либо»; *напустить* «приняться есть с усердием, жадностью» — *напуститься* (см. выше).

К этой же подгруппе можно отнести *наброситься*, *напениться*, *натолкнуться*, *настроиться*, сюда же примыкал и глагол *направиться*, ранее имевший двойную соотношенность.

Глаголы второго типа объединяются следующими особенностями: от них путем имперфективации образуются парные по виду глаголы несовершенного вида, приставка в этих глаголах имеет локальное значение (исключения редки — *нажиться*, *настроиться*), глаголы имеют сильное управление, требуя одноименного предлога, ср. *надвигаться на кого, что, наслоиться на что, навалиться на что, налиться на что*, ср. также *наготовиться на всех, настроиться на лад, на волну*, причем управление у соответствующих бесприставочных глаголов если и возможно, то, как правило, не является сильным.

III. Дериват образуется как от приставочного глагола путем постфиксации, так и от постфиксального глагола путем префиксации. Это наиболее интересный случай. Такого рода образования рассматриваются нами как словообразовательные омонимы, омонимы с различной словообразовательной ориентацией. Для удобства анализа разделим глаголы, относящиеся к этому типу на три подтипа: 1) однозначный дериват (дериваты) соотносителен с двумя однозначными исходными глаголами; 2) од-

нозначный дериват (дериваты) соотносится с одним из значений двух исходных глаголов; 3) многозначный дериват (дериваты) соотносится с несколькими значениями двух производных глаголов.

1) *Накрениться*¹ — от *накренить*, *накрениться*² — от *крениться*: *накренить* «наклонить набок» — *накрениться*¹ «наклониться набок», ср. *Ветер усилился, волны покатались довольно большие, лодку слегка накренило* (= лодка слегка накренилась) (Тургенев, Фауст); *крениться* «наклоняться набок» — *накрениться*² «наклониться набок», ср. *Колебания «Осляби» в стороны были более двадцати градусов, тогда как четыре новейших однотипных броненосца, в том числе и наш «Орел», кренились (накренились) гораздо меньше* (Новиков-Прибой, Цусима). В первом случае *накрениться* возникает как общевозвратная параллель к *накренить*, во втором — как видовой коррелят. При этом образуются два словообразовательных омонима, которые в семантическом отношении совпадают, т. е. являются дублетами;

*напомадиться*¹ — от *напомадить*, *напомадиться*² — от *помадиться*: *напомадить* «намазать, натереть помадой» — *напомадиться*¹ — «намазаться, натереться помадой»; *помадиться* — «разг. мазаться помадой» — *напомадиться*² «намазаться, натереться помадой»; случай, аналогичный предыдущему: два словообразовательных омонима-дублета;

*наполниться*¹ — от *наполнить*, *наполниться*² — от *полниться*: *наполнить* «накладывая, наливая и т. п., заполнить, занять что-либо до предела» (другие значения являются производными) — *наполниться*¹ «стать заполненным, занятым, насыщенным», ср. *Ее корзинка уже наполнена (наполнилась) до краев* (С. Ковалев, Воспоминания детства); *полниться* «наполняться», ср. *Надеждой сердце полнится (наполняется) мое* (А. К. Толстой, Царь Борис) — *наполниться*² «стать заполненным, занятым, насыщенным»; словообразовательные омонимы-дублеты.

К этому же подтипу относятся глаголы *нагноиться*, *нагримироваться*, *нагромоздиться*, *надушиться*, *накопиться*, *напружиться*, *напугаться*, *напудриться*, *насупиться*, *нафабриться*, *нахохлиться*, *наэлектризоваться*.

2) Это случай более сложный, чем предыдущий: однозначный дериват (дериваты) соотносится с одним из значений двух многозначных глаголов.

*Накраситься*¹ — от *накрасить*, *накраситься*² — от *краситься*: *накрасить* «покрыть, намазать краской» — *накраситься*¹ «разг. подкрасить себе губы, лицо, волосы, брови»; *краситься* «разг. подкрасить себе волосы, лицо, губы» — *накраситься*² «подкрасить себе губы, лицо, волосы, брови». С точки зрения современного состояния это два словообразовательных омонима-дублета, правда, более точное семантическое и стилистическое соот-

ветствие наблюдается во втором случае. Может быть, в плане историческом отношения здесь были иные: *краситься* в этом значении является результатом депревербации (разложения, отбрасывания приставки) глагола *накраситься*;

*напечататься*¹ — от *напечатать*, *напечататься*² — от *печататься*: *напечатать* «поместить в печатном издании, опубликовать» — *напечататься* «опубликовать, поместив в печатном издании свое сочинение»; *печататься* «помещать свои произведения в каких-либо изданиях» — *напечататься*² «опубликовать, поместив в печатном издании свое сочинение»;

*напитаться*¹ — от *напитать*, *напитаться*² — от *питаться*: *напитать* «Устар. и разг. Накормить кого-н.» — *напитаться*¹ «Устар. и простор. Насытиться, наесться»; *питаться* «удовлетворять потребность в пище, есть, кормиться» — *напитаться*² «насытиться, наесться». Два словообразовательных омонима-дублета.

К этой подгруппе можно отнести также глаголы *нагреться*, *напроситься* (в гости), *назваться*, *намочиться*, *насыпаться*.

3) Этот подтип включает многозначные дериваты, которые соотносятся с несколькими значениями многозначных производящих глаголов. Здесь могут быть различные группы в зависимости от количества значений дериватов и производящих глаголов, а также от характера их взаимоотношений. Все это определяет разновидности словообразовательных омонимов.

А. *Накалиться*. Первое значение — «нагреваться до очень высокой температуры» — соотносится с 1-м значением глагола *накалить* — «нагреть что-либо до очень высокой температуры» — и значением глагола *калиться* — «становиться раскаленным, сильно нагреваться, накаливаться». Дериват во втором значении — «прийти в напряженное, возбужденное состояние» — соотнесен со вторым значением *накалить* — «привести кого-либо в напряженное, возбужденное состояние». Отсюда вывод о наличии двух словообразовательных омонимов: *накалиться*¹ — со следующими значениями: 1) нагреться до очень высокой температуры, 2) прийти в напряженное, возбужденное состояние, образованный от *накалить* путем постфиксации, и *накалиться*² со значением «нагреться до очень высокой температуры», образованный от *калиться* путем префиксации. Второй омоним вкладывается в первый, он является дублетом первого в одном из его значений. Сходные пары словообразовательных омонимов представляют собой глаголы *наморщиться*, *нарумяниться*, *натереться*, *нацелиться*.

Б. *Нарумяниться*. Первое значение — «натереться румянами» — соотносится с одним из значений глагола *румяниться* — «покрыть себе щеки, лицо румянами, краситься», второе значение деривата — «стать румяным, приобрести румянец» — соотносится со значением *нарумянить* — «вызвать румянец, накра-

силь» — и *румяниться* — «покрываться румянцем, краснеть». Здесь два омонима, каждый из которых имеет те же два значения: 1) натереться румянами, 2) стать румяным, приобрести румянец. Это случай полного совмещения, словообразовательные омонимы являются дублетами. Эти же отношения можно проследить у глагола *нарядиться*.

В. *Наклониться*. Первое значение — «принять наклонное положение» соотносится с первым значением *наклонить* — «привести в наклонное положение» — и первым значением *клониться* — «наклоняться, нагибаться, принимать наклонное положение». Второе значение деривата «опускаться, склоняться к горизонту. О солнце, месяце» — является более узким вариантом второго значения *клониться* — «приближаться к какому-нибудь пределу, моменту своего падения, течения, перемещаться в каком-либо определенном направлении». Третье значение *наклониться* — «проявлять наклонность, склонность к кому, чему-л.» — соответствует одному из значений *наклонить* — «направить, склонить к чему-либо». Выделяем в *наклониться* два словообразовательных омонима: *наклониться*¹ со значениями: 1) принять наклонное положение, 2) проявить наклонность, склонность к кому, чему-либо, образованный от *наклонить* путем постфиксации, и *наклониться*² со значениями: 1) принять наклонное положение, 2) опуститься, склониться к горизонту, образованный от *клониться* путем префиксации. Эти два словообразовательных омонима пересекаются: их первые значения совпадают.

Г. *Наладиться*. Первое значение глагола — «пойти на лад, прийти в должный порядок» соответствует первым значениям *наладить* — «привести в полный порядок, устроить как следует» — и *ладиться* — «удаваться, идти успешно, удачно». Второе значение деривата — «исправиться, сделаться пригодным для работы, для использования» — соотносительно со вторым значением *наладить* — исправляя, сделать что-либо пригодным для работы, для использования» — и вторым значением *ладиться* — «приводиться в исправное состояние». Третье значение *наладиться* — «настроиться на определенный лад» — может быть выделено из одного из значений *наладить* — «настроить на определенный лад». Четвертое значение — «настроиться, задумать что-либо сделать» — соответствует третьему значению *ладиться* — «намереваться, норовить (делать, сделать что-либо)». *Наладиться* представляет собой два словообразовательных омонима: *наладиться* со значениями 1) пойти на лад, прийти в должный порядок, 2) исправиться, сделаться пригодным для работы, для использования, 3) настроиться на определенный лад — и *наладиться*² с тремя значениями, из которых первое и второе совпадают с соответствующими значениями первого омонима, а третье — «настроиться, задумать что-либо

сделать». Это пересекающиеся омонимы, совпадающие в двух первых своих значениях.

Глаголы третьего типа, т. е. слова, соотносительные как с приставочными глаголами без постфикса, так и с постфиксальными глаголами без приставки, имеют следующие особенности, отличающие их от глаголов второй группы. Часть глаголов (*накраситься, напонадниться, нагримироваться* и т. д.) имеет локальную приставку, значение которой близко к общему значению глаголов, что приводит к образованию результативных (эвентуально — видовых) пар типа *краситься — накраситься, электризоваться — наэлектризоваться, печататься — напечататься*. Вторая группа глаголов имеет приставку, обозначающую доведение действия до предела, до насыщения, т. е. также в результативном значении, ср. *нагреться, напиться, накопиться, научиться*. Третья группа — это глаголы, в которых приставка *на-* выступает в локальном значении, они управляют сочетанием с одноименным предлогом, причем это сочетание является обычным и для бесприставочного глагола, ср. *наброситься на кого (броситься на кого), наткнуться на что (ткнуться на что), наклониться набок (клониться набок)* и т. д. Т. е. и здесь приставочные глаголы являются результативными соответствиями бесприставочных глаголов. Эта особенность объединяет глаголы третьего типа.

8. Теперь можно сравнить результаты двух семантических классификаций и проверить высказанное предположение о том, что при одних и тех же формальных связях словообразовательный статус слов одной семантической группы одинаков. Рассмотрим выделенные семантические разряды глаголов:

1) Глаголы со значением «довести действие до предела, до насыщения» (*набиться, нагреться, нагрузиться, надуться, накалиться, накопиться, напиться, наполниться*) относятся к третьему типу, т. е. представляют собой (каждый) два словообразовательных омонима, первый из которых образован путем постфиксации приставочного глагола, а второй — путем префиксации постфиксального глагола. Исключение составляет глагол *набиться*, относящийся ко второму типу.

2) Глаголы со значением движения в определенном направлении до какого-то внешнего предела (*наброситься, навалиться, нагнуться, надвинуться, накатиться, накинуться, наклониться, наколоться, наклониться, направиться, напустить, нарваться, наткнуться, натолкнуться*). Здесь не наблюдается такого единообразия, как в предыдущем типе, но доминанту установить можно: 8 из 13 глаголов относятся ко второму типу, глаголы *наброситься, наклониться, наклониться, наткнуться* — к третьему, глагол *накинуться* (с высказанными выше оговорками) — к первому.

3) Глаголы со значением «покрыть свое лицо, усы и т. д.

косметическими средствами» (*нагримироваться, надушиться, накраситься, намазаться, на помадиться, напудриться* и т. д.) относятся к третьему типу.

4) Глаголы, обозначающие действия, которые приводят к изменениям поверхности (*нагноиться, наморщиться, напениться, напыжиться, наслотиться* и т. д.), относятся к третьему типу, исключение составляет *напениться*.

5) Глаголы, обозначающие действие наворачивания (*навернуться, накрутиться, намотаться*), относятся ко второму типу, т. е. образованы путем постфиксации.

6) Небольшая группа глаголов со значением «вопреки желанию компании войти в ее состав» (*навязаться, напроситься*) неодинакова в словообразовательном отношении: *навязаться* относится ко второму типу, *напроситься* — к третьему.

7) Оставшиеся глаголы, не группирующиеся по семантическому признаку, не обнаруживают сходства и в своей словообразовательной принадлежности: половина их относится ко второму типу, другая половина — к третьему.

Может быть, в некоторых частностях эти выводы нуждаются в исправлении. Так, в отдельных случаях какое-либо значение деривата может являться продуктом его самостоятельного семантического развития, а не результатом словообразовательных операций исходной леммы. Не исключено, что словообразовательная характеристика глаголов в указанных семантических группах не всегда является правильной, это, как можно предположить, относится прежде всего ко второй группе, где однотипные семантически глаголы имеют различный словообразовательный статус. Но в главном, как представляется, такой подход правилен: семантический фактор в словообразовании должен применяться как подсобный по отношению к формальному, а в качестве единственного лишь тогда, когда формальный фактор в двух его ипостасях: большая формальная сложность и помещение в словообразовательный ряд — не определяет направление производности.

9. Таким образом, как нам представляется:

а) семантический критерий не может быть главным средством определения производности слова, он занимает подчиненное положение по отношению к формальному и может быть использован самостоятельно лишь в том случае, когда возможности формального критерия исчерпаны;

б) множественности мотивации, т. е. производности данного слова от нескольких производящих основ, быть не может, это противоречит самой сущности словообразования; во многих случаях выводы о множественности мотивации являются результатом недостаточного изучения словообразовательного процесса, в частности исследования данной пары словообразовательно связываемых слов без подстановки их в словообразовательный

ряд и сравнения этого ряда с однотипными и синонимическими рядами;

в) при использовании фактора ряда — обязательного для описания словообразования — отпадает вопрос об отношении к системе словообразования таких слов, как *женех, любовь, пастух, попадьа, детвора, убавить — прибавить, калина* и т. д.;

г) среди способов словообразования должна быть выделена особо суффиксальная субстантивация (речь идет не о термине, а об узаконении этого способа как особого средства словообразования), это поможет правильнее объяснить образование ряда слов, устранить в ряде моментов двойственную мотивацию;

д) в том случае, если двойная словообразовательная соотнесенность слова доказана, дериват может быть представлен как совокупность словообразовательных омонимов с тождественным или различным семантическим наполнением каждого из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы Республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.), I—II, Самарканд, 1972.
2. В. В. Виноградов. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
3. К. В. Горшкова, М. В. Панов, А. С. Попов. К проблемам грамматики современного русского литературного языка. — «Известия АН СССР», серия лит. и языка. Вып. 4. 1972.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970.
5. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. М., 1956.
6. Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
7. А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков — *Slavia*, XXVII, 3, Praha, 1958.
8. Н. А. Крылов. Типы основ в современном русском языке. «Филологические науки», 1963, № 2.
9. Р. И. Лихтман. К вопросу об основных понятиях словообразования. — «Известия АН СССР», серия лит. и языка. Вып. 2. 1973.
10. В. В. Лопатин. О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов. — «Русский язык в национальной школе», 1965, № 5.
11. В. И. Максимов. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. АДД, Л., 1973.
12. И. А. Мельчук. Об определении большей / меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях. — «Известия АН СССР», серия лит. и языка. Вып. 2, 1969.
13. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Словообразование. М., 1972.
14. С. П. Обнорский. Префикс без- в русском языке. — В кн.: С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
15. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных. М., 1964.

16. М. В. Панов. О слове как единице языка. Ученые записки МГПИ им. Потемкина. Т. LI, вып. 5, 1956.
17. М. В. Панов. Русский язык. В кн.: Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.
18. Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952.
19. А. Н. Тихонов. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря русского языка. Самарканд, 1971.
20. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.
21. Этимологический словарь русского языка, под ред. Н. М. Шанского. Т. I, вып. 5, М., 1973.
22. R. Grzegorzczukowa, J. Puzynina. Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego. — «Poradnik językowy», 1959, z. 6—7.
23. E. Kučerova. Univerbizácia odvozovaním dvojslovných pomenovaní v ruštině — «Československá rusistika», 1973, 3.
24. P. Sigałow: Niektóre zagadnienia analizy morfemowej i słowotwórczej. — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, z. XXVIII, 1970.
25. P. Zwoliński. Substantywizacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich. In: Z polskich studiów slawistycznych, seria II, Językoznawstwo, Warszawa, 1963.
26. Dean S. Worth, Andrew S. Kozak, Donald B. Johnson. Russian Derivational Dictionary. New-York—London—Amsterdam, 1970.

РУССКИЕ САТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

П. С. Сигалов

1. Исследуемый разряд русских глаголов, образуемых одновременным присоединением приставки *на-* и постфикса *-ся* (*навоеваться, насидеться, начитаться*) не раз уже привлекал внимание лингвистов — либо в плане традиционного рассмотрения словообразовательных классов, либо как один из способов глагольного действия. Семантической и генетической стороне вопроса (в определенной мере и словообразовательной) посвящена статья Ф. П. Филина «О двух значениях глаголов, образованных посредством префикса *на-* и суффикса *-ся*» [12]. Краткую характеристику этих слов в ряду других разрядов глаголов с приставкой *на-* дает Б. Н. Головин в докторской диссертации «Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке» [1]. Здесь исследуются приставочные глаголы современного русского языка, но автор, подводя итоги изучения каждого из приставочных типов, строит предположение о временной и причинной взаимосвязи семантических групп слов с одной приставкой. Как один из способов глагольного действия рассматривают этот разряд слов Джуро Грубор, называющий его сативным [3, 74], А. В. Исаченко, говорящий, правда, не об отдельном способе действия (совершенности), а о «сатуративном оттенке результативной совершенности» [4, 246]. «Грамматика современного русского литературного языка» выделяет «интенсивный подтип результативного способа действия» [2, 348]. Сюда включаются, наряду с глаголами типа *набегаться, наесться*, и некоторые другие словообразовательные типы: глаголы с приставками *за-, у-, до-, из-* либо с этими приставками и постфиксом *-ся*, сюда относятся и глаголы типа *наглупить, напроказить, напылить*. В последнее время сативный (сатуративный) способ действия глаголов в современном русском языке был рассмотрен М. А. Шелякиным в докторской диссертации «Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке» [13, 356сл.].

В перечисленных выше работах высказаны отдельные соображения о семантической, грамматической и словообразовательной сторонах этого глагольного типа, причем выводы делаются главным образом на материале современного русского языка. В этой статье мы хотим рассмотреть, как возник и сформировался этот глагольный разряд. Для этого необходимы: 1) словообразовательная характеристика глаголов типа *наоеваться* в современном русском языке, изучение их соотношения с другими глаголами, образующимися с помощью тех же словообразовательных средств, т. е. приставкой *на-* либо постфиксом *-ся*, 2) изучение истории этого разряда слов в древнерусском и старославянском языках (а в идеале — и в других славянских языках); с этой целью используются различные словари, а также материалы картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (в дальнейшем — СДР) и картотеки Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (далее — ДРС) Института русского языка АН СССР, 3) построение гипотезы о семантической эволюции глагольного типа с приставкой *на-*, приведшей к возникновению словообразовательного разряда сативных глаголов.

2. Глаголы рассматриваемого типа обозначают крайнюю степень удовлетворения, насыщения субъекта действием, называемым исходным глаголом, и нередко сопровождаются внешними выразителями этого значения: *вволю, вдоволь, досыта*, что находит выражение в наименовании разряда — сативные глаголы. Ф. П. Филин считает возможным говорить о двух значениях этих глаголов: «В первом случае полнота, предельность действия лишь констатируется как определенный результат обычно недлительного действия, которое представляет собой единичный, цельный акт... Эти глаголы представляют собой сравнительно небольшую группу слов. Во второй и весьма продуктивной группе глаголов пресыщенность, предельность действия и невозможность, недопустимость его продолжения является результатом длительного процесса, повторяемости одного и того же акта» [12, 447]. И далее: «Ряд глаголов, образованных посредством *на-* и *-ся*, имеет двойственность значения, которая иногда четко представлена, а иногда выступает в затухавшем виде».

Рассмотрим семантические группы глаголов, от которых образуются сативные дериваты. Как и в предыдущих наших статьях (8), будем исходить из следующих разрядов: 1) стальные глаголы, 2) инхоативные глаголы, 3) каузативные глаголы, 4) глаголы движения, 5) глаголы речи, 6) глаголы, обозначающие звуковые явления, 7) глаголы, обозначающие физические действия, 8) глаголы, обозначающие разного рода деятельность человека, 9) глаголы, обозначающие психические состояния.

В современном русском языке сативные глаголы образуются от следующих разрядов слов:

1). Глаголы состояния (статальные глаголы). Здесь образование сативных глаголов регулярно: *властвовать* — *навластвовать*, *дремать* — *надрематься*, *ждать* — *наждаться*, *жить* — *нажиться*, *лежать* — *належаться*, *сидеть* — *насидеться*, *стоять* — *настояться*, *царствовать* — *нацарствоваться*. В редких случаях сативный глагол соотносится с исходным возвратным глаголом, ср. *валяться* — *наваляться*. В отдельных случаях сативные глаголы имеют параллели с приставкой *на-*. Ядро глаголов состояния — глаголы, обозначающие положение тела в пространстве (*сидеть*, *лежать*, *стоять*), — имеет дериваты с префиксом *на-*, которые обозначают последствия (обычно отрицательные) названных процессов: *належать*, *насидеть*, возможны и другие значения, ср. *настоять* (*водку на лимонных корках*), *настоять на своем*. Последние примеры указывают на связь приставки с одноименным предлогом и на локальный (первоначально) характер приставки, ср. *стоять на чем* — *настоять на чем* (приставка дублирует предлог, это более поздний этап приставочно-предложного оформления глагола). Также и другие глаголы при ретроспективном анализе обнаруживают связь с предлогом, ср. *лежать на чем-то* — *належать на чем-то* — *належать на чем-то что-то* — *належать что-то*. Второй этап предполагаемого развития свидетельствуется древнерусским языком, ср. *Бысть во Псковѣ второй моръ люгъ зЕло, мнози же умираху тою болЕзнію, — много же времени тои смерти належаци на людехъ* (Псковская I летопись — 10, II, 259). Иногда сходные параллели, явно аналогического образования, появляются и у других статальных глаголов, ср. *властвовать* — *навластвовать*. Можно отметить, что в современном русском языке глаголы типа *насидеть* — *насидеться* соотносятся только формально; что же касается пар типа *навластвовать* — *навластвоваться*, то такие образования редки, нерегулярны и семантически не соотношены (мы говорим о глаголах типа *навластвовать*) с сативами, что исключает возможность образования сативов от них путем постфиксации.

2). Глаголы движения. Здесь выделяются глаголы, образующие пары по признаку «направленное — ненаправленное действие», ср. *идти* — *ходить*, *ехать* — *ездить*, и глаголы, обозначающие направленное или ненаправленное действие, но не образующие таких пар. Некоторые глаголы второго типа (напр., *семенить*, *ковылять*, *прыгать*) могут выступать — в зависимости от контекста — для обозначения и направленного и ненаправленного движения. Сативные дериваты регулярно образуются от парных глаголов ненаправленного движения, ср. *набегаться*, *набродиться*, *наездиться*, *налетаться*, *наноситься*, *наплаваться*, *находиться*. Парные глаголы направленного движе-

ния сативов не образуют. Непарные глаголы движения дают или не дают сативные дериваты в соответствии с этим принципом, ср., с одной стороны, глаголы *нагуляться*, *накувыркаться*, *напутешествоваться*, *натанцеваться* и отсутствие подобных дериватов от глаголов *мчать(ся)*, *трусить*, *стремиться*, *рваться*, с другой. Если же глагол движения может выступать и в том и в другом значении, то лишь его употребление в ненаправленном значении делает возможным образование от него сативного глагола, ср. *наковыляться*, *насемениться*, *напрыгаться*. Ср. двоякое употребление глагола движения *семенить*: 1) *Бросив недоумевающего Мечика, Пика с неожиданной бесовской прытью посеменял к маленькому человечку* (Фадеев), 2) *Посеменявши с довольно ловким поворотом направо и налево, он подшаркнул тут же ножкой* (Гоголь) (оба примера — ССРЛЯ, 10, 1465). В первом случае действие направленное (к маленькому человечку, кстати, здесь приводятся примеры приставочных образований глагола *семенить*, что лишь отчетливее демонстрирует направленный или ненаправленный характер его употребления), во втором — ненаправленное. В первом случае замена глагола сативным образованием невозможна, во втором — она допустима.

Отдельные глаголы движения образуют дериваты с приставкой *на-*, ср. *набегать*, *навозить*, *нагулять*, *наездить*, *наносить*, *наплавать*, *натаскать*, *находить* (десять километров). Для современного состояния можно говорить лишь о формальной соотнесенности их с сативными глаголами, добавим к этому отсутствие префиксальных образований у ряда глаголов, имеющих сативные дериваты, ср. *бродить*, *ползать*, *скакать*.

Обе рассмотренные выше глагольные группы — глаголы состояния и глаголы ненаправленного движения — объединяются одним общим признаком — это непредельные глаголы*. Тем самым возникает предположение, что именно непредельные глаголы являются словообразовательной базой сативных глаголов. Это предположение усилится, если мы обнаружим, что две группы предельных глаголов (помимо упомянутой выше группы направленных, «полупредельных» глаголов движения — см. об этом нашу статью «История русских ограничительных глаголов» — 8), а именно инхоативные и каузативные глаголы не дают сативных дериватов. Каузативные глаголы переходны,

* О категории предельности/непредельности в русском языке см.: Ю. С. Маслов, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Исследования по славянскому языкознанию, М., 1961; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 28—29; М. А. Шелякин, Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, машинопись), Воронеж, 1972, стр. 194—234; а также нашу статью «История русских ограничительных глаголов», на которую мы ссылаемся выше.

т. е. при них обычно указание на внешний предел действия, такие глаголы являются предельными, ср. *гасить, сушить, вялить, глушить, синить, молодить* и т. д. Инхоативные глаголы — глаголы, обозначающие переход в новое состояние — непереходны, действие-процесс в них направлено на субъект, в котором и заключено понятие предела действия-процесса, это также предельные глаголы, не дающие сативных дериватов, ср. *гаснуть, сохнуть, вянуть, гложуть, синеть, краснеть, молодеть*. Отметим, что инхоативы на *-еть* имеют омонимичные глаголы со значением состояния, ср. инхоатив *белеть* (становиться белым или белее) и стательный глагол *белеть* (казаться, выступать в белом цвете), ср. также *белеться*. Стательные глаголы могут давать сативные образования, ср., например, *намерзнуться* — от стательного *мерзнуть*, *накраснеться за кого-то* — при переносном употреблении глагола состояния.

В связи с этим предположением представляется интересным рассмотреть семантические разряды слов, служащих базой образования сативных глаголов в плане их отношения к категории предельности/непредельности, т. е. ответить на вопрос: действительно ли сативные глаголы образуются только от непредельных глаголов? Именно такую мысль применительно к сативным глаголам высказал М. А. Шелякин, который подробно исследовал категорию предельности/непредельности и ее роль в словообразовании русских приставочных способов действия. М. А. Шелякин исходит из того, что категория предельности/непредельности является главным признаком, определяющим словообразовательную базу того или иного способа действия.

Для определения предельного или непредельного характера глагола могут быть использованы следующие критерии:

а). Семантика глагола: обозначает ли глагол действие, направленное к какой-либо цели, на какой-либо предмет, имеет ли это действие какой-либо предел, по достижении которого действие прекращается, — либо такой предел (кроме временного или количественного) немислим? Эти семантические особенности глагола находят выражение в дистрибутивной формуле глагола, в конструкциях, необходимых для реализации его значения;

б). Наличие видовой пары к данному глаголу. Как известно, параллельную форму вида могут иметь лишь предельные глаголы; непредельные же обычно являются одновидовыми, ср. например, непредельный глагол *спать*, перфективные дериваты которого не образуют с ним видовой пары;

в). Возможность образования от данного слова определенного способа действия. Так, в нашей статье «История русских ограничительных глаголов» указывалось, что возможность образования от глагола ограничительного (делимитативного) дерив-

вата свидетельствует о неопредельном характере исходного глагола.

Эти три критерия будут использованы в дальнейшем анализе материала. Выводы об эффективности каждого из них будут очевидны в дальнейшем, но, как представляется, уже заранее можно сказать, что второй из них — возможность образования парного по виду глагола — вряд ли обладает достаточно убедительной силой из-за спорности определения члена видовой пары, образованного путем префиксации.

3). Глаголы речи. Распределим глаголы речи, образующие сативные дериваты, на три разряда: а) к первой группе отнесем глаголы, имеющие сативные дериваты и приставочные образования с *на-*, б) ко второй — глаголы, имеющие сативные дериваты, но не образующие глаголов с приставкой *на-*, в) к третьей — глаголы, имеющие дериваты с *на-*, но не дающие сативных образований. Рассмотрим каждую из глагольных групп с точки зрения их отношения к категории предельности/неопредельности. В группе а) существуют пары типа *набалагурить* — *набалагуриться*, *наговорить* — *наговориться*, *насплетничать* — *насплетничаться*. Первые глаголы таких пар могут иметь значение «совершить действие в определенном либо большом количестве» (в последнем случае эти глаголы семантически близки к сативам, ср. *нахвастать* — *нахвастаться*) либо значение «говоря, обидеть кого-то», ср. *накричать на кого-то*, и т. д. В последнем случае сохраняется локальный характер приставки и употребление одноименного предлога, это дает возможность предположить существование в прошлом такой цепи: *кричать на кого-то* — *накричать на кого-то* — *накричать*. Для характеристики этого и других разрядов глаголов речи рассмотрим, прежде всего, ситуацию двух опорных глаголов речи, такими являются предельный глагол *говорить* и неопредельный глагол *разговаривать* (мы оставляем в стороне возможность их переносного употребления). О предельности первого и неопредельности второго говорят: а) наличие видовой пары в первом случае (*говорить* — *сказать*) и отсутствие ее во втором, б) невозможность образования делимитативного глагола в первом случае и возможность такого образования во втором (делимитатив *поговорить* образован от глагола *говорить* в неопредельном значении, ср. невозможность такого образования в сочетаниях *говорить правду*, *говорить все*, *говорить вздор*), в) различие приглагольных конструкций: прямое дополнение у глагола *говорить*, косвенное дополнение (*с* + Тв. пад. и *о* + Пр. пад.) у глагола *разговаривать*. Эти косвенные дополнения возможны и у глагола *говорить*, ср. *говорить с кем о ком/чем*, но при этом он превращается в неопредельный глагол, ср. невозможность употребления здесь парного глагола совершенного вида и отсутствие делимитативного деривата при таком употреблении. Из

этого видно, что не всякая именная конструкция свидетельствует о предельном характере глагола, а лишь та, которая обозначает границу, предел действия. Конструкции «с + Тв. пад.», «о + Пр. пад.» не свидетельствуют о предельном характере действия. В случае предельного характера глагола говорения от него может быть образован приставочный глагол с *на-* (т. н. кумулятивный глагол) — *наговорить (глупостей, чепухи)*, появление формы Род. пад. вместо Вин. пад. не доказывает непредельного употребления глагола (как, например, у делимитативов, ср. поестъ супа, см. об этом дальше), здесь форма Род. пад. является результатом опущения наречия в сочетаниях типа «*много глупостей, много чепухи*». От предельного глагола *говорить* сативное образование невозможно. Непредельный глагол *говорить (говорить с кем о ком/чем)* не дает кумулятивного деривата, от него возможен сативный глагол (*наговориться с кем о ком-чем*). Предельные глаголы дают кумулятивные дериваты, непредельные глаголы дают сативные дериваты. Это показал М. А. Шелякин [13, 354]. Тем самым кумулятивные и сативные глаголы имеют различную словообразовательную базу, образуются от разных лекс. Значит, сативные глаголы, несмотря на их формальную связь и семантическую близость к кумулятивам, не могут быть признаны производными от них путем постфиксации.

Исходя из анализа опорной пары глаголов речи, рассмотрим три выделенные выше группы.

При глаголах речи возможны прямое дополнение, Дат. адресата, Тв. социативный и иногда «*на* + Вин.» в значении объекта действия с локальным значением предлога. Предельный глагол допускает первую, вторую и четвертую конструкции, непредельный употребляется с третьей, В соответствии с этим и образуются кумулятивные и сативные глаголы от отдельных глаголов речи либо от глаголов речи в их отдельных значениях (предельном или непредельном), ср. *накричать на кого* — но *накричаться* (от *кричать* в непредельном значении); *врать, брехать кому* — *наврать, набрехать кому*, но — *навратиться, набрехаться*; *сплетничать, толковать кому* (предельное употребление) и *о ком* (непредельное употребление) — от первого: *насплетничать, натолковать кому*, от второго: *насплетничаться, натолковаться* (заметим, что предельность оказывается сильнее непредельности при совмещении средств их реализации в одном глаголе, так, в сочетании *сплетничать кому о ком-чем* глагол выступает в предельном значении, ср. *насплетничать кому о ком-чем*). При проверке на образование делимитативов глаголы, дающие кумулятивные дериваты, оказываются предельными, глаголы, дающие сативные дериваты, — непредельными.

Ко второй группе глаголов речи мы отнесли слова, от которых возможны сативные и невозможны кумулятивные глаголы,

ср. *набеседоваться, набормотаться, набраниться, накалякаться, наругаться, наспориться, насудачиться* (некоторые из таких сативов образованы от возвратных глаголов). Эти глаголы выступают только в непредельном значении. Это подтверждается их одновидовостью, отсутствием при них именных конструкций, характерных для предельных глаголов, здесь выступают лишь конструкции с +Тв., о +Пр., ср. *беседовать с кем — набеседоваться с кем, судачить с кем о чем-ком — насудачиться с кем о чем-ком*, регулярность ограничительных образований от них, ср. *побеседовать, побрюзжать, покалякать*; возможность образования результативных глаголов, ср. *побеседовать, поспорить*, говорит об эвентуальном предельном употреблении исходных глаголов (см. об этом нашу статью «История русских ограничительных глаголов»).

Глаголы третьей группы образуют кумулятивы и не образуют сативов. Это предельные глаголы, которые обычно не выступают в непредельном значении. Об этом говорят именные конструкции при них, ср. *грозить кому, клеветать на кого, рассказать что кому*, отсутствие у них делимитативных дериватов и возможность (в отдельных случаях) видовых коррелятов (ср. *рассказать — рассказывать*).

4). Глаголы, обозначающие звуковые явления. Такие глаголы непредельны, об этом отчетливо говорят все три указанных выше критерия. Лишь в редких случаях возможно предельное употребление глаголов звучания, что бывает тогда, когда они выступают в качестве глаголов речи. Такой глагол становится переходным, т. е. предельным, и образовать сативный глагол от него невозможно, ср. Он *бурчал что-то себе под нос*. Глаголы звучания, дающие сативные дериваты, можно разделить на две группы: а) глаголы, от которых возможны лишь сативные образования, б) глаголы, которые дают, кроме сативных, и приставочные образования с *на-*. Глаголы первой группы непредельны, ср. *визжать, ворковать, охать, реветь, рыдать, плакать, свистеть, скулить, стучать, фыркать* и т. д. Глаголы второй группы образуют пары типа *нажужжать — нажужжаться, накаркать — накаркаться, налаять — налаяться, напеть — напеться, натрубить — натрубиться, нашуметь — нашуметься*. Первые глаголы каждой пары нередко имеют значение интенсивного действия (ср., например, *налаять* — «много полаять», ССРЛЯ, 7, 296; *натрубить* — «много трубить», ССРЛЯ, 7, 588), так что может возникнуть предположение о постфиксальном образовании от них сативных глаголов. Но такое предположение вряд ли оправдано, т. к. исходные глаголы этой группы обычно непредельны. Появление приставки *на-* у этих глаголов объясняется, очевидно, характером их сочетания с предложно-именной конструкцией, ср. *лаять — лаять на кого — налаять на кого — налаять, петь (песню) — петь (песню) на пластинку — напеть*.

(песню) *на пластинку* — *напеть песню*. Кумулятивное значение могло появиться в отдельных глаголах по аналогии к глаголам с приставкой *на-* в количественном значении.

5). Глаголы, обозначающие физическое действие. Среди них есть глаголы непредельные (*работать, махать, хлопать*) и предельные (*печь, писать*), которые могут выступать и в непредельном значении. Выделим здесь две группы глаголов: к первой отнесем те, которые имеют, наряду с сативами, префиксальные образования с *на-*, ко второй — глаголы, которые не имеют других образований с приставкой *на-*, кроме сативных. В первой группе существуют пары, например: *набрызгать* — *набрызгаться*, *надышать* — *надышаться*, *накосить* — *накоситься*, *наковырять* — *наковыряться*, *намолотить* — *намолотиться*, и т. д. Здесь, прежде всего, выделим случаи, когда первые глаголы каждой пары содержат локальную приставку, соотносительную с одноименным предлогом: *набрызгать на пол*, *надышать на стекло*, *написать на стене*, что исключает предположение о возможности образования от них сативных глаголов. В отдельных случаях глагол может сочетать локальный и количественный оттенки (ср. *натаскать* — да и *набрызгать*), здесь как бы содержится свидетельство возможного пути семантического развития этого приставочного типа. В других парах (*накосить* — *накоситься*, *наковырять* — *наковыряться*, *накурить* — *накуриться*, *намолотить* — *намолотиться*, *напечь* — *напечься*, *наработать* — *наработаться*, *нарубить* — *нарубиться*, *настрелять* — *настреляться*, *настряпать* — *настряпаться*) первые глаголы выступают в кумулятивном значении и в семантическом плане могут быть соотнесены с соответствующими сативными глаголами. Чтобы проверить предположение о возможном образовании от приставочных глаголов, рассмотрим отношение глаголов физического действия к категории предельности/непредельности. Такие глаголы чаще всего переходны, т. е. предельны, при образовании от них кумулятивов именная конструкция сохраняется (с заменой Вин. пад. Родительным, см. об этом выше). Сативные глаголы не имеют такого рода конструкций. Но является ли эта невозможность прямого объекта следствием непредельного характера исходного глагола или же она обусловлена действием постфикса? Применим поэтому другую «лакмусовую бумажку» — возможность образования делимитативов. Глаголы с объектными конструкциями, от которых образуются кумулятивы, не способны давать делимитативные дериваты, ср. *косить сено* — *накосить сена* — **покосить сено*, *печь пироги* — *напечь пирогов* — **попечь пироги*. Глаголы, которые дают только сативные дериваты, образуют и делимитативы, ср. *брызгать* — *набрызгаться* — *побрызгать*, *косить* — *накоситься* — *покосить* (немного, недолго), т. е. мы имеем дело здесь с глаголами физического действия в его непредельном значении, ко-

которые могут получать количественные и временные ограничители (*вдоволь, немного, недолго*) при сативной и делимативной трансформациях. Тем самым следует считать, что объектная конструкция невозможна и у исходного глагола, поскольку он выступает в неопредельном значении.

Ко второй группе мы отнесли глаголы, которые не образуют кумулятивов и дают сативные дериваты, ср. *зевать, играть, махать, полоскать, топать, хлопать* и т. д. Это, главным образом, непереходные глаголы, при которых возможны формы косвенных падежей, не имеющих значения цели, предела действия, ср. *играть с кем, махать чем, топать чем, хлопать чем, во что*, и т. д. Т. е. перед нами неопредельные глаголы. В отдельных случаях исходные глаголы переходны, т. е. предельны. Сативы образуются от этих глаголов в их неопредельном употреблении, этому не препятствует в отдельных случаях и наличие прямого объекта (это как бы случай включенного объекта), ср. *пахать землю* (при *пахать* может быть только *земля* либо синонимичное ему слово) — *попахать (землю)* — *напахаться, полоскать (белье)* при *полоскать* может быть только *белье* либо синонимичное ему слово — *пополоскать белье полчаса* — *наполоскаться*.

Особо следует выделить группу глаголов с общим значением «есть-пить», сюда, кроме опорных, относятся и многочисленные стилистические синонимы их. В отдельных случаях сативные глаголы с этим значением образуются по аналогии к исходным *наестся* — *напиться*, минуя стадию простого глагола, ср. *налимониться, накуликатся, нализаться*. Чаще всего исходные глаголы не дают образований с приставкой *на-*, и сативные глаголы соотносятся непосредственно с исходными, ср. *глодать* — *наглодаться, глотать* — *наглотаться, грызть* — *нагрызться*, исключения редки, ср. *нажрать* — «1. Съесть что-либо в каком-либо количестве. 2. Хорошо питаясь, приобретать, наживать (загривок, толстую шею) ... [ССРЛЯ, 7, 205]. Большой интерес представляет пара *насытить* — *насытиться* (а также *наполнить* — *наполниться*), которая в плане семантическом близка к этому разряду, а по соотношению членов пары может быть отнесена к группе *намазать* — *намазаться, нарисовать* — *нарисоваться*, т. е. *насытиться, наполниться* могут быть представлены, с одной стороны, как дериваты глаголов *наполнить, насытить*, а с другой — как дериваты постфиксальных глаголов *сытиться, полниться* (см. об этом нашу статью «О роли семантического фактора в определении направления производности», печатаемую в этом сборнике). Глаголы *наестся, напиться* и т. д. близки по значению к глаголам *насытиться, наполниться*, в плане же словообразовательном отличны от них: они образуются от простых глаголов (*есть, пить*) с помощью рамочного форманта. Эти исходные глаголы предельны: при них выступает прямой объект, они имеют резуль-

тативный (видовой) коррелят, ср. *съесть, выпить*. Некоторые из глаголов такого типа только предельны (*обедать, ужинать, завтракать*): они имеют результирующие корреляты, от них невозможны делимитативы. Другие же могут выступать и в непредельном употреблении, ср. *есть суп — поесть супа* (где делимитативное согласование — ограничительный глагол и партитивное употребление существительного — говорит о непредельности исходного глагола). Такое же — партитивное — употребление существительного при сативном глаголе: *наесться супа* свидетельствует о его образовании от исходного глагола в непредельном значении.

6). Здесь мы рассмотрим два разряда: глаголы, обозначающие разного рода деятельность человека, и глаголы, обозначающие психические состояния. Оба этих разряда близки по семантике и обнаруживают много общего в отношении к категории предельности/непредельности. И эти глаголы распределим на три группы: к первой отнесем глаголы, дающие как сативные образования, так и дериваты с приставкой *на-*, а ко второй и третьей — глаголы, дающие либо только сативные, либо только приставочные образования. Глаголы первой группы дают пары типа *набаловать — набаловаться, наблажить — наблажиться, набушевать — набушеваться, набуянить — набуяниться, навоевать — навоеваться, накутить — накутиться*, и т. д. Отметим, прежде всего, дериваты, образованные от разных глаголов, ср. *набаловать — набаловаться, натомить — натомиться, натешить — натешиться*, где первые слова в парах образованы от предельных глаголов: *баловать (кого), томить (кого), тешить (кого)*, тогда как вторые являются дериватами возвратных непредельных глаголов *баловаться, томиться, тешиться*. О парах типа *накутить — накутиться, набуянить — набуяниться* речь будет идти дальше.

Довольно велико количество глаголов рассматриваемой семантической группы (точнее — двух групп), дающих только сативные образования, ср. пары типа *бедствовать — набедствоваться, беситься — набеситься, бунтовать — набунтоваться, веселиться — навеселиться, горевать — нагореваться, гостить — нагоститься, грустить — нагруститься, кокетничать — накокотничаться, командовать — накомандоваться, ябедничать — наябедничаться, любезничать — налюбезничаться, мечтать — намечтаться* и т. д. Нетрудно заметить, что исходные глаголы этой группы сативов непредельны.

К третьей группе были отнесены глаголы, дающие приставочные образования, но не имеющие сативных дериватов, ср. *бедокурить — набедокурить, буянить — набуянить, греховничать — нагреховничать, грешить — нагрешить, дебоширить — надебоширить, дурить — надурить, каверзничать — накаверзничать, колдовать — наколдовать, сумасбродить — насу-*

масбродить. Исходные глаголы здесь неопредельны: при них нет синтаксических конструкций-выразителей предельности, образования с приставкой *по-* от них являются делимитативами. Что касается видовых коррелятов (даже относительных), то ответ на этот вопрос затруднителен из-за нередкого совпадения значений результиративности и кумулятивности. Тем самым закономерен вопрос: почему от этих неопредельных глаголов не образуются сативные дериваты? Как представляется, характер изображаемого действия — состояния в последней и двух предшествующих группах различен (точнее, первая группа занимает промежуточное место). Мы говорим здесь о тенденциях, об особенностях, присущих большей части глаголов рассматриваемых групп, расхождения в деталях вполне возможны из-за окказиональности отдельных образований. Как кажется, третья и первые две группы исходных глаголов различаются характером протекания этого действия-состояния. В третьей группе речь идет об активном (иногда даже агрессивном) действии, направленном на окружающих (не названных, но подразумеваемых), ср. *безобразить, греховодничать, грешить, дебоширить, сумасбродить, глупить, проказить* (как видим, это обычно отрицательно оцениваемые действия); в первой же и второй группах речь идет о действиях-характеристиках, «объектом» которых является само действующее лицо, ср. *бедовать, блажить, гостить, грустить, горевать, кутить*. Но отмеченная особенность нарушается, ср. глаголы *буянить, бушевать*, от которых образуются и сативные и приставочные глаголы.

Из словообразовательного анализа сативных глаголов современного русского языка можно сделать некоторые выводы:

а). Сативные глаголы образуются от неопредельных глаголов.

б). Кумулятивные глаголы образуются от предельных глаголов.

в). Таким образом, сативные глаголы и кумулятивные глаголы имеют различную словообразовательную базу, что говорит об их независимом образовании.

3. Рассмотрим сативные глаголы в старославянском, а затем в древнерусском языках. Материал старославянского языка взят из следующих источников: 1. Stanisław Słoiński, *Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim)*, Warszawa, 1937; 2. Antonín Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*, Praha, 1954; 3. L. Sadnik, R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Mouton — s' Gravenhage, 1955; 4. *Slovník jazyka staroslověnského*, 19. Praha, 1969.

Зафиксированные памятниками примеры, конечно, не дают полного представления о рассматриваемом глагольном типе в этот период, но они, как представляется, дают определенный

материал для предположений о происхождении этого способа действия.

В старославянском языке не только не отмечены сативные глаголы второго типа, по классификации Ф. П. Филина, которые, по его мнению, являются более поздними (ср. *набегаться, находиться, навоеваться, нагореваться*), но и глаголы первого типа, т. е. обозначающие результат недлительного, «разового» действия, фактически представлены только одним примером: *наѣтрѣти се: наѣтрѣрайтѣ се убо и ты съ ними гору и небезѣнаго богатѣства несутами разухами* (Супрасльск. рук.). Зато в памятниках представлена группа глаголов, которые семантически близки к сативам, но в плане словообразовательном отличны от них, речь идет о глаголах *nasytiti se, naplniti se, nasladiti se*. Ср. примеры из памятников: *nasladiti se: duša mojě ... nasladitě sje o spasenii ego; nasladi sje g(ospod)ju nasladjetě sje na množs(t)vě mira; nasladjetě sje vь veselbi ego; da nasladitě sje emu besěda moě; vь potl sьvėdėnei tvoixъ nasladixъ sje* (Син. псалтырь); *ěkože onъ spodobi se tvoei blagoděti nasladiti se tako i my sego svę(štę) bl(a)g(oslo)vena tobojъ nasladixomъ se* (Син. требник); *těxъžde veštii nasladiši se* (Клоцов сб.); *nasytiti se: nasytjetě se tuka* (Син. псалтырь); *nasytšše se bogatyxъ blagъ* (Син. требник); *nasytiti se ċesarstva* (Супрасльск. рук.); *naplniti se: veselie naplni se; naplniše se d(u)xa s(vę)ta* (Син. требник). Это, с точки зрения словообразовательной, не сативные глаголы, а собственно-возвратные варианты префиксальных глаголов либо — при другом возможном подходе — приставочные варианты возвратных глаголов. Рассмотрим оба пути образования этих глаголов. В приставочных глаголах типа *nasladiti, nasytiti* приставка выступает в значении доведения действия до предела, С. Слоньский называет это значение «дуративно-эффективной функцией». Ср. некоторые примеры: *nasladiti: kurbno nas(l)adilě mně brašna* (Син. псалтырь); *nasytiti: nasytiti toliko naroda; otъ kameni meda nasyti je* (Син. псалтырь); *ěkože ny esi nebeskyje picje nasytilě* (Киевск. листки); *vasъ nasytětъ meša; vьšexъ vasъ blagyiъ nasytil* (Супрасльск. рук.); *naplniti: přėdraguje krъve naplneni vьlitiě* (Киевск. листки); *naplniše pešterъ kamenija* (Супрасльск. рук.); *navodьniti: ty išoċl rěky navodьnenuje* (Син. псалтырь). Некоторые примеры глаголов с приставкой *na-* в этом же значении, которые не имеют постфиксальных соответствий: *nadoiti: podadošto svъs da ne nadoi dētišta nъ da otъ plaċa ustavitě* (Супрасльск. рук.); *nakrmiti: iže vь pustyni šestь svъtъ tyšoštъ přėkrъmivuyi ... tъ i nъsvъ ... izobilnyxъ nakrъmitě; iže ... pětъ tyšoštъ do syti nakrъmi; ne da nakrъmimy iъ* (Супрасльск. рук.); *naměriti: vь njuže měro mērite namēritě se vamъ* (переводы Евангелия); *naostriti: nožъ naostri* (Супрасльск. рук.);

napitati: napitano byše pětъ tysošťъ (Супр. рук.); *napoiti: napoilъ ny єsi vina umileně* (Син. псалтырь), *napoíše mę ocъta* (Супрасльск. рук.); *naučiti: stъzamtъ tvoimъ nauči mę* (Син. требник); *navyknoti: navukъ děla ixъ* (Син. псалт.) Особенно примечательны из этого списка глаголы *nakrmiti, napitati, napoiti*, близкие по семантике к сативным глаголам. Некоторые из них (*napitati*), как известно, могли иметь постфиксальные варианты, другие же являются каузативными коррелятами сативных глаголов, ср. *napoiti — napiti sę, nakrmiti — najasti sę*. Любопытно, что эти сативные глаголы в старославянском (классическом) языке не засвидетельствованы. И хотя трудно говорить наверняка об отсутствии глаголов *napiti sę, najasti sę* в старославянском языке, но наличие глаголов типа *nasytiti sę, nasladiti sę*, которые имеют параллельные префиксальные дериваты без постфикса (*nasytiti, nasladiti*) и постфиксальные бесприставочные дериваты (*sladiti sę, sytiti sę*) при отсутствии глаголов *napiti sę, najasti sę*, которые не имеют параллельных глаголов ни первого, ни второго типа, возможно, служит доказательством более раннего появления первых (*nasytiti sę, nasladiti sę*) по сравнению со вторыми (*napiti sę, najasti sę*). Глаголы *насладиту сА, насытити сА, наплънити сА* и др. имели в старославянском параллельные формы *сладиту сА, сытити сА, плънити сА*. Наличие *сладиту сА* наряду с *насладиту сА* позволяет рассматривать последний глагол как результат префиксации первого. Т. е. глаголы типа *насладиту сА* могли, очевидно, появляться и как результат префиксации (приставка в значении доведения действия до предела, см. выше) постфиксального глагола. Таким образом, глаголы типа *насладиту сА* могли иметь двустороннюю производность: они возникали либо как постфиксальные дериваты префиксальных глаголов (*насладиту — насладиту сА*), либо как префиксальные дериваты постфиксальных глаголов (*сладиту сА — насладиту сА*). Двойная словообразовательная ориентация таких глаголов (либо — точнее — наличие омонимов-дублетов, см. об этом нашу статью «О семантическом факторе в определении направления производности» в этом сборнике), скрещение в них двух словообразовательных типов, особая семантика таких глаголов (значение насыщения) и привели, очевидно, к возникновению особого словообразовательного типа, где в качестве форманта выступали одновременно приставка *на* и постфикс *-ся*. Новые сативные глаголы образовались по аналогии к глаголам типа *насладиту сА, насытити сА* одновременным присоединением приставки и постфикса, это глаголы типа *напити сА, наясти сА*, что знаменует собой начало формирования особого словообразовательного типа — сативного способа действия. Очевидно, вряд ли можно говорить о наличии такого способа действия в старославянском языке, здесь отра-

жен, судя по имеющимся фактам, лишь начальный этап его формирования.

Рассмотрим сативные глаголы древнерусского языка. Исходя из предыдущего, выделим три группы глаголов. К первой отнесем такие глаголы, которые являются сативными лишь по семантике и морфемной структуре, по способу же образования они таковыми не являются. Это глаголы типа *насладиться*, *насытиться*. Ко второй и третьей отнесем сативные глаголы, которые являются таковыми и по способу словообразования, причем вторая группа обозначает насыщенность, достижение предела в результате непродолжительного единичного действия, ср. *наестся*, *напиться* (I тип в классификации Ф. П. Филина), а третья группа обозначает насыщенность, достигнутую в результате длительного и повторяющегося действия, ср. *набегаться*, *наговориться* (II тип в классификации Ф. П. Филина).

Характеристика фактов древнерусского языка дается по материалам картотек Словарей русского языка XI—XIV (СДР) и XI—XVII вв. (ДРС) Института русского языка АН СССР и словаря И. И. Срезневского (СМ). Для того, чтобы проследить эволюцию изучаемого словообразовательного типа, удобнее расположить материал по отдельным этапам.

XI—XII вв. Сативы древнерусского и церковнославянского языка русского извода в этот период немногим отличаются от рассмотренных выше старославянских сативов. Здесь наибольшее количество примеров дают глаголы I группы (как видно из изложенного выше, их лишь условно можно назвать сативными глаголами). Ср. *напитЕтися*: *стыи кивотъ въ домъ Бжши въходить напитЕтисА бжствъныя блѣти* (Миней 1097 г., СМ, II, 309), ср. *напитЕти* и *питЕтися*; *насладйтися*: *Бжъствънаго свѣта рая наслажъшасА* (Миней 1097, СМ, II, 332); и *тѣ достоинъ бжъствънааго чистительства бывъ великия насладитисА чьсти* (Ефремовская кормчая, XII в., СДР), ср. *насладити* и *сладитися*; *насытитися*: *Блажени алчУще и жаждУщеи правды, яко ти насытАтсА* (Остромирово ев., СМ, II, 340), ср. *насытити* и *сытитися*. Как видим, количественно эта группа представлена даже слабее, чем в старославянских памятниках. Зато здесь отмечены два главных представителя группы, уже подлинными сативы — *напитися* и *наЕстися*, ср. *напитися*: *ВьсАко (можеш/и) аште хочещи нЕсть бо тАжъка аште бо насытилъ сА еси пиштею накърми алчьнааго (напилъ) ли сА еси (напо)и жадънааго и съгрЕлъ ли сА еси съгрЕ/и/ трАсоуштааго сА зимою* (Изб. 1076 г., СДР), здесь любопытно наличие одного из глаголов первой группы (*насытитися*, по образцу которого, возможно, и образовывались собственно сативные глаголы); *наЕстися*: *НаЕдъсА жита; Брашьна наЕдъшясА* (Изб. 1076 г. СМ, II, 353); *бЕ же един нищъ именъмъ Лазарь а лежаше*

*прЕдъ враты богатааго и желааше наестисА отъ кроуницъ па-
дающихъ съ трапезы богатааго* (Слово о богаче, XII век, ДРС);
любопытен глагол *нахотЕтися* (насладиться): *Глумно нахотЕ-
тисА сластии* (Изб. 1073 г., СМ, II, 347). Глагол *накрасоватися*
(налюбоваться), отмеченный в этот период, который по значе-
нию можно отнести к сативам, очевидно, принадлежит к пер-
вой группе, так как он может рассматриваться как префиксаль-
ное образование от *красоватися*, ср. *ни ся можетъ воня тоя на-
сытити, ни накрасовати цвЕтънааго того крашения* (Златоструй,
XII в., СМ, II, 294). В древнерусском языке ранней поры, как
можно предположить, также отражается начальная ступень
формирования сативных глаголов, правда, более продвинутая,
чем в старославянском: отмечены главным образом сативы пер-
вой группы, глаголы, которые послужили моделью собственно
сативов. Последние представлены единичными примерами, при-
чем это глаголы второй группы, сативы третьей группы, по
имеющимся у нас материалам, не зафиксированы.

XIII—XIV вв. Новые сативные глаголы, судя по нашим мате-
риалам, не встречаются. Так, в «Повести временных лет» (Лав-
рентьевский список) нет ни одного сативного глагола. Трудно
делать из этого какие-то выводы, связанные со стилистической
стороной их употребления. Вторая группа сативов стилистиче-
ски нейтральна, третья является главным образом достоянием
народного языка. Хотя, бесспорно, отсутствие сативов в памят-
никах этого периода не является свидетельством их отсутствия
в языке, все-таки, очевидно, можно говорить о слабом развитии
этого словообразовательного типа в древнерусском языке этого
периода. В первую очередь это касается глаголов третьей
группы.

XV—XVII вв. Круг сативов, фиксируемых впервые в этот
период, довольно велик. Причем памятники, помимо глаголов I
и II групп, отражают значительное количество сативов III груп-
пы, очевидно, в этот период сативный способ действия уже
сформировался. Мы приведем здесь лишь те глаголы, которые
впервые фиксируются памятниками.

набЕгатися: *Въ знакъ де поразилъ Павелъ Апостолъ Павла
Самосадскаго глаголомъ симъ. Въ выпискЕ ты пишешь, и я
таки на радостях набЕгался по кельЕ той: пускай, молъ, ми-
ленкой Апостолъ тово ушибъ пса адова, давай другова* (Авва-
кум, Книга обличений, 1679, ДРС);

навоеватися: *А которые де полоненики утеклецы у тЕхъ чер-
касъ уходятъ, и они въ распросе сказываютъ, что тЕмъ черка-
сомъ и воромъ, навоевався, итти тЕми жъ мЕсты, куды шли
зимусь, мимо Нижней на Павловъ* (Посольство Тарханова,
1613—1615, ДРС);

наглумитися: (позабавиться, повеселиться, глагол, очевидно,
относится к I группе сативов, ср. др.-рус. *глумитися* — забав-

ляться, веселиться): Святославъ сватомъ своимъ с Рюрикомъ утишивъша землю Рускую и Половци примирившя в волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по ДнЕпру в лодьяхъ на устья Тесмени, и ту ловы дЕявша и обловишася множествомъ звЕрЕи; и тако наглумистася и во любви пребыста и во весельи по вся дни, и возвратишася во свояси (Ипат. лет., 1425, СМ, II, 274);

наглядЕтися: Свет моя милая, дорогая, не дала мнЕ на себе наглЕдетца, на хорошей прекрасной лик насмотретца (Песни, сб. Квашнина, конец XVII в., ДРС);

наговоритися: И нынЕ съ брата своего великого князя порогу меня холопа своего съ которымъ дЕломъ посылаетъ съ братомъ своимъ съ Ахматъ-Гирей-салтаномъ и съ сыномъ съ Багатырь-Гирей-салтаномъ гораздо наговоритися и управясь (Памятники дипл. сношений Моск. госуд. с Крымом 1518, ДРС), ср. более поздний пример: От пустыхъ речей сколько можно удаляйся и время в ничтозначущихъ разговоромъ немного тЕряй. Помни, что оно весьма нужно, и весьма коротко, и намъ и о важныхъ вещахъ доволно наговоритца некогда (Болотов, Памятная книга, 1761, ДРС);

награбитися: ... а въ Полшу пошолъ с ызменникомъ съ Михайломъ Салтыковымъ съ товарищи, награбясъ многово богатства (Смутное время Моск. государства, 1610—1613, ДРС);

нажитися (насладиться жизнью): Сие ж слышавши, мнози глѣть, когда же то боудеть, а мы еще наживемся (Сборник XV в., СМ, II, 285);

назрЕтися: приде црца и вси боляре видЕти дЕтища иже повЕлЕша свести ю в полату, да ся назрят доброты ея бяше бо стѣмъ дѡмъ цветущи... (Памятники отреченной литературы, I пол. XV в., ДРС), Шатеръ драгии ... усаженъ по мЕстомъ жемчугомъ ... и соха тетерная морская трость ... драгою мусією исписана ... яко не мощи ею назретися очима (История о Казанском царстве, сп. XVI—XVII вв., ДРС);

намързтися: ... измывсА в рЕцЕ и намръжесА зимою, въ злоу бЕдоу впаде, идва сА извлекова (Александрия, XV в., ДРС);

намолитися: И намолившися о томъ съ всЕмъ освященнымъ соборомъ, послали мы на Угличъ ... (Известительная грам. ц. Вас. Иван. в Пермь Великую, 1606, ДРС); глагол по структуре своей представляется сативом, семантика же его, скорее, близка к «чистой» результативности (= помолившись);

наплакатися: небрезЕте, да сА наплачу, не дЕите мене да сА насыщу плача (Житие Стефана Пермского, XV—XVI вв., ДРС), обычный для «вития словес» прием синонимического повторения, раскрывающий смысл сативного глагола, может служить примером использования исходного глагола, глагола-модели, по которой образовались сативные глаголы; /1000 по-

клоновъ отбрасаетъ ... и иное, стоя, часа с три плачетъ, а я: лежу, — иное сплю, а иное не можется; егда наплачется, тогда ко мне приступитъ ... (Житие Аввакума, XVII в., ДРС);

насидЕтися: НасидЕтся ВолодЕ в колодЕ (Пословицы Симони, XVII в., ДРС);

наслышатися: И онъ де Митка, памятуочи православную христiянскую вЕру, наслышась у брата своего, да у белоруского попа польского края, которой въ полону жъ въ турецкой землЕ ночью убЕжалъ къ гречанемъ (Дополнения к актам историческим, 1692—1693, ДРС); Бывало, мои сердешною другъ, гдЕ услышит про мила друга, он не может наслышаться, гдЕ увидит мила друга, тут не может на мила друга насмотрЕтися (Песни, сб. Квашнина, XVII в., ДРС);

насмотрЕтися: помимо предыдущего примера, см. Петраш пошел ко царю, а жена его в то время на Иосифа Прекраснаго возрЕ и рекуци так: Иосиф прекрасныи! Не могу ся на красоту твою насмотрити (Слово Даниила Заточника, XII в., сп. XVII в., ДРС);

насосатися: У котораго ягненка мать умретъ, того подъ другихъ овецъ пущать, а ежели они его не примутъ, то только у нихъ выдаивать, и его поить, или овцу держать насильно, пока ягненок насосется (Флоринова економия, XVII в., ДРС);

наспатися: отъ великия печали оупоохъ и наспавъся возрЕхъ очима (Хождение Иоанна Богослова, 1419 — А. Х. Востоков, Словарь церковнославянского языка, СПб, 1858, стр. 234);

наухатися (нанюхаться): Да якоже лобзахъ честнаго того креста, духовна меда насытихся и воня добрая научахся, яко яже не научался есмь ни в раи (Великие Миней-Четьи, XVI в., ДРС), ср. насытихся — научахся — научался.

Отдельные сативные глаголы фиксируются словарями XVIII века, см. списки в указанной статье Ф. П. Филина: широко представлены они в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. — 31 слово, в Словаре Академии Наук 1847 г. — 71 слово (12, 451), ср. несколько примеров из народной поэзии, взятых из картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.: Ты прости, моя любимая семеюшка, Нагостилась я, победная головушка, Насиделась на катушем синем камышке, Нарутилась горьких слез да на сыру землю, Я наплакалась, горюша, до своей любви, Я натешилась, горюша, как хотелось, На этом домовище упокойном (Причитания Северного края); Находитесь, нагуляйтесь, ножки резвяя, Намашитесь, белы бумажны рученьки, Наглядись, частоплетная русая коса, На белый свет, на красное солнышко, На милую родимую сторону, Про запас, про запасное времечко (Песни, собр. Рыбниковым); Тут старый идет-то — наплачется, А младый идет — надивуется, А малый идет-то — натешится (Гильфердинг, Онежские

былины); *Посылает он туда-сюда меня, Что туда-сюда, неведомо куда — Во подвалы по зеленое вино. Я в подвалах поза-мешкалася, Зеленым вином натрескалася, Сладкой водочкой накушалася* (Соболевский, Великорусские народные песни).

«Материалы словарей свидетельствуют об устойчивой и все возрастающей продуктивности этого типа. Если Словарь АР фиксирует около 70 таких глаголов, то словарь Ушакова включает их уже свыше 120. Все они образуются от непереходных глаголов конкретного действия и состояния. В литературе конца XVIII — нач. XIX в. эти глаголы многочисленны. ... После 40-х годов многие такие глаголы приходят из просторечия» (6, 95).

Как можно было видеть из приведенных фактов, памятники русского языка — это особенно касается раннего периода (XI—XIV вв.) — очень слабо отражают рассматриваемый глагольный тип. В них представлены довольно богато глаголы типа *насытиться, насладиться* (их даже больше, чем в современном языке), которые, по нашему предположению, являются исходным моментом формирования сативной модели, и отдельные слова второй группы, которые образованы по аналогии к глаголам первого типа (ср. приведенный выше пример из Жития Стефана Пермского) от переходных глаголов конкретного действия (собственно — от глаголов «насыщения», семантически наиболее близких глаголам первой группы). Глаголы первого типа представлены в старославянских памятниках и в церковнославянских памятниках русского извода. Из этого можно было бы сделать вывод, что сативная модель сформировалась в русском языке на основе заимствованных старославянских глаголов. Но этому противоречит общеславянский характер сативных глаголов (см. об этом дальше), кроме того, этот разряд является частью комплекса префиксально-постфиксальных глаголов русского языка, обозначающих доведенное до предела интенсивное действие, ср. *докопаться, додуматься, раскричаться, разыгаться, избаловаться, издергаться*; а главное — такому предположению препятствует широкое распространение сативного типа в русской диалектной речи. Таким образом, сативный тип в русском языке не является заимствованием из старославянского языка. В его развитии, как говорилось выше, можно установить три этапа, их представляют следующие глагольные образцы: 1) *насытиться, наполниться, насладиться*; 2) *наесться, напиться*; 3) *набегаться, наговориться*. Глаголы третьей группы представлены в памятниках довольно поздно, они появляются там, в основном, лишь в XVII веке. Этот факт может объясняться, с одной стороны, их поздним, сравнительно с двумя предыдущими группами, появлением, а с другой, — их просторечным характером, что могло препятствовать их появлению в произведениях древней литературы.

4. В современных славянских языках сативные глаголы представляют собой живой, продуктивный тип словообразования. Как и в русском языке, в каждом из них можно выделить три разряда сативов. Поскольку, как представляется, сативные глаголы других славянских языков принципиально не отличаются от русских и поскольку отсутствует специальное рассмотрение сативов в других славянских языках, мы ограничимся здесь лишь иллюстративными примерами, подтверждающими распространенность этого глагольного типа в других языках.

Восточнославянские языки. Украинский язык. Глаголы движения (только от ненаправленных): *набігатися, наблукатися, набродитися, навештатися, наганятися* (от *ганяти* и *ганятися*), *нагасатися, наїздитися*; глаголы состояния: *набутися* (любопытное образование от экзистенциального глагола *бути* — *нажиться*), *належатися, насидітися, настоятися, нахворітися*; глаголы речи и звука: *набрехатися, наговоритися, нагомонітися, нажартуватися*; глаголы, обозначающие разного рода деятельность человека: *набенкетуватися, напанькатися*; глаголы психического состояния: *набідкатися, навбиватися, надивуватися, накохатися, намріятися*; глаголы физического действия: *накопатися, накоситися, напрацюватися*. Сходная картина в белорусском языке.

Западнославянские языки. Чешский язык. Глаголы состояния: *načekať se, naležeti se, naseděti se*; глаголы движения: *naběhati se, nachoditi se, nalětati se, namotati se*; глаголы психического состояния: *nahmožditi se* (намучиться), *nachvaliti se, namordovati se, naštirtiti se* (рассердиться); глаголы, обозначающие поведение и действия человека: *načísti se, nahráti se, namořiti se*.

А. В. Исаченко (4, 247), ссылаясь на Е. Кржижкову (15, 195), считает, что этот глагольный тип в словацком и чешском языках может иметь еще сатуративно-фреквентативный оттенок, который выражает «большую меру действия, но одновременно и действия повторяемого». Он указывает, что такие глаголы употребляются обычно в восклицательных предложениях, ср. словац. *Co sa ten narobil!* (Ну и приходится же ему поработать, потрудиться!); чеш. *Ten chudák se tam něco nastoží!* (Бедняга там настоится уже! — в обоих случаях перевод А. В. Исаченко). Он говорит, что этот оттенок не чужд русскому языку, но «он гораздо менее продуктивен, чем в словацком или чешском». С последним следует согласиться, ср. подобное употребление в польском языке: *Ale ten się napracował z nim!* (Ну и повозился же он с ним!), *Ile się człowiek narobi, póki osiągnie to, czego pragnie!* (Как много приходится человеку работать, пока он добьется того, чего хочет!), но это, как представляется, не особый оттенок сативных глаголов, а их особое употребление,

контекстуальное значение глагола в специфической для западнославянских языков конструкции.

Приведем примеры сативных глаголов из древнечешского языка. Они взяты из словаря Яна Гебауэра (Jan Gebauer, *Slovník staročeský, Díl druhý*, Praha, 1916), глаголы приводятся в алфавитном порядке, в отдельных случаях дается немецкий перевод, приводимый в словаре.

Nabažiti se — satt werden — (*Páni přes puost nabažil se zvláštňich rozkoši v připravených krmiech a v chutných pitích* (Petr Chelčický, *Traktaty*, рук. II пол. XV в.); **nadiviti se** (грк. Krumlovský, I четверть XV в.); **najhrati se** — genug spielen — кон. XIV в.; **najiesti se: by se mohl najiesti** (Million, XV в.); **nakochati se: Bych ... tak se s nim nakochaciczy umřela utěšenější** (грк. Hradecký, I пол. XIV в.); **nakřičeti se ... viel, genug schreien: až bych do vuole se nakřizczal** (грк. Krumlovský, I четв. XV в.); **namoči se ... sich viel anstrengen: ktož se namouz nebo natrhne a že od toho schne a choditi nemuož** (рук. II пол. XV в.); **namřieti se** — viel aufstehen: (*Mnich*) **namřizew se hlad ...** (*Životy sv. otcův*, XV в.); **napatřiti se: tu (tříkrálove) děťátka syc napatřizichu** (грк. Hradecký, I пол. XIV в.); **napiti se: Mnoho liudi zbylo napivošše zril svého zraku** (*Zlomky legendy o apoštolich*, ок. 1300); **naplakati se: ať sye naplaczy do vuole** (грк. Krumlovský, I четв. XV в.); **naplundrovati se: (pikarti) naplunrugice se Krista, budú chtiti** (*Postilla Jana Rokycany*, XV в); **naposluchati se: nikoly se jeho řeči naposluchaty nemohuc** (*Život Kristův*, рук. XIV в.); **narozpravěti se: genug erzählen: von t' se neumil narozpravěti kterak sie na něho laskavi** (*Archiv český*, XV в.); **naslopati se** (нахлебаться): (*pes*) **leži naslopav sye krve syna našeho** (*Gesta romanorum*, 1443); **naspati se: Rybař pokrmiv jeho, káza se jemu naspati, a když se naspa rece jemu** (рук. 6-ки гр. Баворовского, 1472); **natlamati se** (наболтаться): **vždy se namluvite a natlamate** (*Postilla Jana Rokycany*, XV в.); **navaditi se: (нассориться): nelze t' jich jest rozvaditi, musil t' se dosti navaditi** (грк. Opatovický, I пол. XV в.); **naveseliti se: aby nenawesselili se** (*Žaltář Wittenberský*, 2 треть XIV в.); **navoliti se** — satt werden: **svých čest navoli sye blážen** (*Bible Olomucká*, 1417 г.); **navoněti se** (нанюхаться): **přišla s nebes divné voně, jiežto se všeccka čeled nemohla navoněti** (*Vybor z literatury české*); **nažrati se: Druhy postě se nazirze** (*Postilla*, XV в)..

Эти глаголы содержатся в чешских памятниках XIV—XV вв. Здесь представлены оба главных глагола сативов II типа, по нашей классификации, (*najiesti se, napiti se*), много сативов третьего типа. О продуктивности сативной модели в этот период говорит не только большое количество глаголов, но и факт сативного оформления заимствованного глагола (ср. *naplundrovati se* — от нем. *plundern* «грабить»). Некоторые из этих глаголов

могут быть объяснены и как приставочные дериваты местоименных глаголов, ср. *veseliti se — naveseliti se, vaditi se — navaditi se*, где приставка обозначает доведение действия до предела, ср. такие глаголы, как *nakrmíti, naplníti*. Как это ни странно, но не засвидетельствованы, судя по словарю Гебауэра, глаголы *naplníti se, nasytíti se* и подобные им, которые, по нашему мнению, были исходным классом, породившим сативную модель. Они, очевидно, существовали в древнечешском языке, ср. современные глаголы *naplníti se, nasytíti se*. Отсутствие более ранних памятников чешского языка затрудняет реконструкцию словообразовательного типа.

Польский язык. Глаголы состояния: *nabyć się, należeć się, nasiedzieć się, napaść się, nastać się*; глаголы движения: *nabiegać się, nagrasować się, najeździć się, nalatać się*; глаголы психического состояния: *nadenerwować się, nadziwić się, nairytować się, namarnować się*; глаголы речи и звука: *nagadać się, nagawędzić się, nawarzyć się, nalamentować się, nagwizdać się*; глаголы, обозначающие поведение и действия человека: *nabiadać się, nabojować się, naborukać się, naharować się*. Это очень распространенный и продуктивный тип (17, 122).

Южнославянские языки. Сербский язык. Глаголы состояния: *наблагдвати се, најживети се, належа́ти се, наседети се*; глаголы движения: *најахати се, напливати се*; глаголы психического состояния: *набу́рити се, наду́рити се; најадити се, накубурити се*; глаголы речи и звука: *набајати се, набеседити се, наговорити се, наругати се*; глаголы, обозначающие поведение и действия человека: *наиграти се, накупати се, напушити се*.

Болгарский язык. Глаголы состояния: *наживея се* (кстати, отметим, что приводятся только формы совершенного вида: в болгарском перфективные глаголы имеют суффиксальные имперфективные корреляты), *належа се, наседя се*; глаголы движения: *наплувам се, нао́мвам се*; глаголы психического состояния: *намъча се, настрадам се, натърпя се*; глаголы речи и звука: *надумам се, накряскам се, накукам се*; глаголы поведения и действия: *навоювам се, наработя се, наслу́жа се*.

Несмотря на возможные частные расхождения и лексические несоответствия, в главном относительно сативного типа глаголов славянские языки совпадают: во всех них это живой и продуктивный способ образования глагольных дериватов со значением насыщения субъекта в результате длительного действия. Тем самым возникает вопрос о возможных истоках этого типа: является ли он результатом независимого параллельного развития в отдельных славянских языках или же унаследован от общеславянского языка? Более аргументированный ответ на этот вопрос можно будет дать после изучения этого способа действия в каждом из славянских языков. Ниже мы постараемся рассмотреть предпосылки для ответа на этот вопрос.

5. Происхождение сативных глаголов не было предметом специального анализа. Правда, в работах, посвященных изучению современного русского глагола, высказываются иногда предположения на эту тему. Так, Б. Н. Головин пишет: «Вмешательство аффикса *-ся* видоизменило количественное значение множественности и интенсивности, и на основе все тех же, 5 и родственных ему, значений возникло значение 18 и 19 типов» [1, I, 432]. 18 тип — это такие глаголы, как *набедствоваться, наголодаться, нагореваться*, 19 — это такие глаголы, как *набегаться, наболтаться, набороться*. Эти, т. е. сативные, глаголы возникли, по мнению Б. Н. Головина, в результате присоединения постфикса *-ся* к глаголам 5 и примыкающих к нему типов, ср. 5 тип — глаголы со значением «прибавить, получить, обработать много предметов», т. е. к кумулятивным глаголам. Действительно, в семантике кумулятивов и сативов есть общий момент — значение обилия, интенсивности, но этот общий момент объясняется наличием у этих глаголов одной и той же приставки (правда, в несколько различных значениях, что обусловлено особенностями семантической эволюции приставки *на-*). Как указывалось выше, многие разряды сативных глаголов не имеют семантически соотнесенных с ними кумулятивных глаголов. Да и, кроме того, нужно доказать, что значение сативности возникает в результате трансформации значения кумулятивности в результате присоединения постфикса *-ся*, что совсем не является очевидным и, более того, не является верным. И самое главное: у сативных и кумулятивных глаголов различная словообразовательная база — первые образуются от предельных глаголов, вторые — от неопредельных.

Чешский лингвист Фр. Травничек [16, 103—104, 194—195], объединяя в один разряд глагольные типы, которые мы называем сативным и кумулятивным, предполагает, что этот разряд восходит к чистовидовым префиксальным образованиям. Он говорит, что глаголы типа *nasbirati, napiti se* имели значение перфективных соответствий к простым глаголам, об этом говорит тот факт, что в современном чешском языке многие глаголы этого типа сами по себе не обозначают большую степень действия, они могут обозначать и слабую степень действия, это зависит от контекстуального употребления. Лишь некоторые глаголы, по мнению Фр. Травничка, употребляются, как правило, в этом значении, но также только в специальных конструкциях (ср. со *jsem se ho parposil*, ср. с приведенным выше высказыванием А. В. Исаченко об особом оттенке значения сативных глаголов). Как считает Фр. Травничек, значение большой меры действия вытекало из связи с другими словами (ср. *do vôle*), а не из значения приставки *na-*. Т. е. он предлагает видеть в развитии образований с приставкой *na-*

следующие этапы: 1) локальное значение, 2) чистовидовое значение, 3) количественное значение. Этот путь представляется вполне возможным. Но предположение Фр. Травничка выводится из фактов современного языка и не подкрепляется анализом исторического материала. Кроме того, как уже говорилось, историю сативных и историю кумулятивных глаголов следует рассматривать отдельно, так как эти глаголы имеют различную словообразовательную базу. Так что если это предположение, как представляется, правильно для кумулятивных глаголов, его нельзя принять для объяснения происхождения сативов.

6. Как известно, сативные глаголы — это префиксально-постфиксальный способ словообразования. Префиксально-постфиксальный тип может возникнуть только в результате скрещения двух типов: префиксального и постфиксального. Поэтому мы и предположили, что в основе сативного способа действия лежат глаголы типа *насытитися, напълнитися, насладитися* (группа, представленная уже в старославянском и древнерусском языках), которые можно рассматривать как равнопроизводные (либо дублеты) приставочных глаголов типа *насытити, напълнити, насладити* (их дериваты со значением непереходности) либо возвратных глаголов типа *сытитися, пълнитися, сладитися* (их перфективные дериваты). В результате совмещения обоих способов словообразования в одном глагольном ряду (*насытитися, напълнитися, насладитися*) при соотнесении этого ряда с исходным простым глаголом возникала возможность связывания общей семантики ряда с формальными частями слова. По аналогии к глаголам типа *насытитися, насладитися* были образованы глаголы *наЕстися, напнитися* и, возможно, некоторые другие, типа *наговоритися, набегаться, накопаться*. Эта последовательность развития сативного типа соответствует мнению Ф. П. Филина: глаголы рассматриваемого типа, обозначающие результат недлительного действия, предшествуют глаголам, обозначающим результат как длительный процесс (12, 448). Семантика сативного ряда сформировалась как результат сложения семантики компонентов слова: приставка *на-* в значении доведения действия до предела, до верхней границы + глагол со значением насыщения, наполнения + постфикс *-ся* со значением непереходности действия = значение насыщения субъекта в результате действия. Эта общая семантика ряда обусловила главную особенность словообразовательной базы сативной модели — непереходность, неопределенность.

Таким образом, по нашему мнению, приставка *на-* в рассматриваемых образованиях, исходных для сативного типа, имела значение «вверх, до верхней границы». Это значение, бесспорно, связано с локальным (директивным) значением приставки и является его производным, но развилось независимо от

кумулятивного значения ее. Н. П. Некрасов писал о связи значений приставки *na-*: «Итак, предлог *na* в слиянии с глаголами имеет два значения: вещественное и отвлеченное. Вещественное значение он имеет тогда, когда глагол определяется им для выражения своего обстоятельственного отношения к наружной стороне чего-либо; отвлеченное — тогда, когда глагол определяется им для выражения обилия самого действия. Оба эти значения, однако, имеют тесную связь между собою, ибо и то и другое указывают на отношение к представлению о верхе действия. В одном имеется в виду обстоятельство верха действия относительно предмета; в другом — относительно самого же действия. С одной стороны, предлог *na* выражает или направление, или сосредоточение действия относительно предмета, в смысле указания на обстоятельственное значение последнего; с другой — определяет действие указанием на его же собственное обилие или на силу проявления» [5, 212]. Отметим, что Н. П. Некрасов говорит здесь об отвлеченном значении верха, обилия, не уточняя, что он понимает под последним. Два взаимосвязанных значения — локальное и значение верхнего предела — есть и у предлога и у приставки в ее именном употреблении. Ср. с одной стороны, предлоги *na* и *nad*, последний образован от *na* присоединением частицы, ср. также *po* и *pod*, *za* и *zad* (в болгарском языке — предлог) [11, III, 33], с другой — именную приставку *na* в усилительном значении, ср. рус. *на-больший, наскоро, накрепко* [7, 586]. В славянских языках *na-* выступала в качестве приставки превосходной степени (ср. *набольший*), так, в польском языке *pa-* утвердилось лишь в XVI в., до этого использовалось *na-* [14, 351]. К этому префиксу и восходит общеупотребительная в современных славянских языках суперлативная приставка *naj-*. К этому нужно прибавить употребление предлога *na* в значении «вверх, свыше» при образовании славянских числительных второго десятка. Это значение, как показывают приведенные факты, является довольно древним и восходит к общеславянской эпохе. К этому же периоду относятся и глаголы типа *nasytiti se, naplniti se* с приставкой в этом значении. Таким образом, истоки сативного способа действия восходят, очевидно, еще к праславянскому языку, оформился же это способ действия, как показывает, хотя и фрагментарно, русский язык, на почве отдельных славянских языков. Впрочем, этот предварительный вывод нуждается в проверке на материале других славянских языков. Сативные глаголы оформились независимо от кумулятивных. Как происходило формирование кумулятивного способа действия — непосредственно ли от глаголов с локальной приставкой, или через ступень делокализованных глаголов — это требует проверки на историческом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. Н. Головин. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук (машинопись), I—II, Горький, 1966.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
3. Джуро Грубор. Из книги «Видовые значения». В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
4. А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
5. Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
6. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964.
7. А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
8. П. С. Сигалов. История русских ограничительных глаголов. Ученые записки Тартуского гос. университета. Труды по русской и славянской филологии. Т. XXII, серия лингвистическая. Тарту, 1975.
9. Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах).
10. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1958.
11. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, III. М., 1971.
12. Ф. П. Филли. О двух значениях глаголов, образованных посредством префикса *на-* и суффикса *-ся*. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова, М.—Л., 1960.
13. М. А. Шелякин. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук (машинопись). Воронеж, 1972.
14. Aleksander Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
15. H. Křížková. K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině. — «Ceskoslovenská rusistika,» 3, 1958.
16. Fr. Travniček. Studie o českém vidu slovesném. Praha, 1923.
17. K. Wilczewska. Czasowniki zwrotne we współczesnej polszczyźnie. Toruń, 1966.

РУССКИЕ АУГМЕНТАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

П. С. Сигалов

1. Предметом рассмотрения в этой статье будут русские глаголы, образуемые одновременным присоединением приставки *раз-* и постфикса *-ся* и обозначающие доведение действия до высокой степени интенсивности (*развоеваться, разбушеваться, раскричаться*). Эти глаголы, как правило, получают статус особого способа действия. Так, А. В. Исаченко называет этот разряд «эволютивной совершаемостью» и следующим образом характеризует ее: «От начинательной совершаемости эти глаголы отличаются тем, что выражают не приступ к действию..., а достижение максимальной интенсивности, характерной для данного действия в результате постепенного нарастания этой интенсивности в начальном фазисе действия» [4, 223]. По А. В. Бондарко, это — усилительный способ действия [1, 15]. М. А. Шелякин называет этот разряд аугментативно-интенсивным (усилительным) способом действия и дает ему такую характеристику: «Отличие аугментативно-интенсивных глаголов от эксцессивных глаголов с приставкой *за-* (имеются в виду глаголы типа *загуляться, замечтаться* — П. С.) заключается в том, что первые имеют признак нарастающего развития интенсивности начатого действия до предельной степени, а вторые — признак, указывающий на крайнюю границу продолжительности или (реже) интенсивности из-за поглощенности субъекта действием» [8, 378]. Ю. С. Маслов считает наиболее приемлемым для обозначения этого способа действия термин «аугментативный» [5, 75]. Этот термин и будет использоваться нами в дальнейшем.

2. Аугментативные глаголы рассматривались обычно в плане общей характеристики этого способа действия (А. В. Исаченко, А. В. Бондарко), иногда довольно подробно (М. А. Шелякин), либо среди других разрядов глаголов с префиксом *раз-* и постфиксом *-ся* (Б. Н. Головин — 2,668сл.; А. В. Знаменская — 3,31). И в том и в другом случае границы этого разряда глаголов не уточнялись (исключение составляет работа

М. А. Шелякина, о которой ниже). Между тем определение состава этого способа действия оказывается трудной задачей из-за семантической близости некоторых разрядов глаголов с той же приставкой и с постфиксом либо без него.

Аугментативы, образуемые рамочным формантом, составляют в современном русском языке продуктивный класс. В «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 томах) приводится около 140 таких глаголов. Среди аугментативов можно выделить следующие разряды в зависимости от семантики исходного глагола: 1) аугментативы от глаголов состояния: *разалеться, разболеться / разбаливаться, разлежаться / разлеживаться, разнедужиться, разнемочься, разордеться, разоспаться, раскраснеться, расхвораться, расчувствоваться*. Отдельные слова этого разряда могут со словообразовательной точки зрения объясняться двояко: либо как префиксально-постфиксальные образования (с наложением постфикса), т. е. *алеться* + *раз-ся* = *разалеться*, либо как приставочные образования от возвратных глаголов, ср. *алеться* + *раз* = *разалеться*, о такой возможности говорят глаголы типа *разбогатеть*; 2) аугментативы от ненаправленных глаголов движения, ср. *разбегаться, разлетаться, распрыгаться, расскакаться, расходиться, разбездиться*; 3) аугментативы от глаголов звука и речи, ср. *разахаться, развопиться, разворковаться, разворчаться, развиться, разговориться, разгреться, разораться, разоткровенничаться, разохаться*; эти глаголы обычно образуются одновременным присоединением приставки и постфикса, т. е. словообразовательно однозначны. Один аугментатив тождественен по значению глаголу с одноименной приставкой (*расхвастаться* — *расхвастать*); 4) аугментативы от глаголов со значением физического действия (действия человека, явления природы), ср. *разбушеваться, раздымиться, раззудеться, размахаться, разыгаться, раскозыряться, расписаться, расплясаться, рассверкаться, рассяться*, и т. д.; это как правило, префиксально-постфиксальные образования; 5) аугментативы от глаголов, обозначающих поведение человека, ср. *разбаловаться, разбеситься, разважничаться, развоеваться, раздурачиться, раззадориться, раззариться, разлюбезничаться, разнежиться, разогорчиться*; 6) аугментативы от глаголов со значением психического состояния, ср. *развеселиться, разволноваться, разневаться, разгореваться, разгруститься, разозлиться, разохотиться, разъерепениться, разъяриться*. Некоторые из глаголов двух последних разрядов допускают неединичное словообразовательное истолкование. Помимо общего для них всех объяснения — префиксально-постфиксальный способ образования — они могут быть истолкованы и как постфиксальные дериваты приставочных глаголов, ср. *разбаловать, развеселить, разневать, разозлить, рассердить*, либо как префиксальные дериваты возвратных глаголов, ср. *раздурачиться, разжаловаться, разгне-*

ваться, рассердиться. Таким образом, отдельные глаголы допускают двоякое или даже тройное словообразовательное истолкование. Дело в том, что глаголы с тождественной семантикой — действие становится все более интенсивным, доводится до некоей кульминационной точки, после чего оно развивается, точнее — сохраняется лишь во временном плане — образуются и посредством приставки *раз-* без участия постфикса, мы это видели в каузативных образованиях типа *развеселить, разгневать*, особенно близки к аугментативам с рамочным формантом образования от инхоативных глаголов, ср. *раздобреть, расползеть, расслабеть, растолстеть* (где отчетливо видна связь аугментативного значения с локальным). В случаях образования от одной и той же основы они довольно близки к рассматриваемому аугментативному типу, ср. *разлютеть* — «стать лютым, рассвирепеть» — *разлютоваться* — «начав лютовать, дойти до крайности, стать совсем лютым» [ССРЛЯ, 12, 369], ср. также *расслабиться* — *расслабеть*, где в первом случае аугментативное образование от каузативного глагола после присоединения постфикса обозначает действие, не направленное вне субъекта; во втором случае аугментативный глагол, образованный от инхоатива, выступает в сходном значении, ср. *раеслабляться/расслабиться* «становиться слабым, ненапряженным; ослабевать» — *расслабевать/расслабеть* — «становиться физически слабым; ослабевать» (ССРЛЯ, 12, 806 и 804). Ю. С. Маслов среди примеров аугментативного способа действия приводит и *рассвирепеть* [5, 75]. Все перечисленные выше разряды глаголов, которые дают аугментативные дериваты, имеют один общий признак: они образованы от непредельных глаголов. М. А. Шелякин, кроме аугментативно-интенсивного, выделил и аугментативно-квалификативный (или усилительно-качественный) способ действия, куда он отнес глаголы типа *раздразнить, разодеть, разбранить, разругать, расхвалить*, образуемые от предельных глаголов присоединением приставки *раз-* [9, 451 сл.]. Таким образом, эти два способа действия, близкие по значению, различаются словообразовательной базой: в первом случае — это непредельные глаголы, во втором — предельные глаголы. Для того, чтобы установить взаимоотношения между ними в плане генетическом, требуется рассмотреть факты древнерусского и старославянского языков.

3. Начнем со старославянских фактов. Они заимствованы из следующих работ: 1. Stanisław Słowiński, *Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim)*, Warszawa, 1937; 2. Antonín Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*, Praha, 1954; 3. L. Sadnik und R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Mouton-s'Gravenhage, 1955. В старославянских памятниках отмечены следующие аугментативные глаголы: *razbolěti se; v jezo vъrade i*

razbolě se; razbolěvъ se ižejejo ljutojo (оба примера — Супрасльск. рук.); *razgněvati se; razgněvalъ sje esi, razgněvavъ že se o tomъ* (Супрасльск. рук.); *razg,děti se; nizložilъ esi vъnegda razg(r)děšje* (Син. псалтырь); *iže esi razgrōdēvъšii inogda arxistratigъ svērgy na zemljo* (Син. требник); *razlěniti se; da ne ... o pročěmъ razlěniti se* (Супрасльск. рук.); т. е. в памятниках представлены четыре аугментативных глагола с приставкой *raz-* и постфиксом *-ся*. Их можно было бы рассматривать как префиксально-постфиксальные дериваты исходных глаголов (*gněvati se, grđěti se, lěniti se*), но, с другой стороны, для трех из них допустима и мысль об образовании путем префиксации указанных возвратных глаголов. Все зависит от того, имеем ли мы право говорить о сформировавшемся уже в эту эпоху аугментативном способе действия с рамочным формантом или же это был только период становления рассматриваемого способа действия.

В старославянском языке были глаголы с аугментативным значением, образуемые с помощью приставки *raz-* от невозвратных, чаще всего непереходных глаголов. Ср. *razbogatěti: ne boi sje egda razbogatětetъ č(lo)v(ě)kъ* (Син. псалтырь); *razbotěti: razbotějetъ krasnaa pustynię* (Син. псалтырь); *razgněviti: jakože razgněviti eliny* (Супрасльск. рук.); *ra(z)slaběti: rōky ... slugъ raslaběšę junoša ... oběma nogama raslabě* (Супрасльск. рук.); *ra(z)slabiti* (лишь в форме *raslabljenъ: usěmъ tēlomъ raslabjenъ* (Супрасльск. рук.)). Как видим, интересующие нас факты старославянского языка достаточно малочисленны, чтобы утверждать о наличии аугментативного способа действия (формант *raz-ся*). Да и те глаголы, которые можно было бы отнести к этому разряду, в большинстве случаев можно трактовать иначе: как приставочные образования. Таким образом, как представляется, в старославянском языке существовал лишь приставочный способ образования аугментативов. Отметим еще глагол *razgorěti se*, который в переносном значении мог употребляться в функции, близкой к аугментативной, ср. *raz(g)oritъ se ... plъbъ; razgorěvъ sę s(vę)tyimъ dixomъ* (Супрасльск. рук.); *razgorě se srđьbce moe* (Син. псалтырь).

4. Факты русского языка и церковнославянского языка русского извода заимствованы из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (далее — СМ), картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (далее — СДР) и картотеки Словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (далее — ДРС) Института русского языка АН СССР. Отмеченные случаи фиксации аугментативов распределим по трем периодам: XI—XII вв., XIII—XIV вв., XV—XVII вв. Для того, чтобы не повторяются, последующие примеры употребления глагола приводятся (в случае необходимости) вместе с его первой фиксацией. Порядок расположения материала следующий: вначале

аугментативы с формантом *раз-ся*, далее — аугментативы с приставкой *раз-*, затем глаголы с *раз-ся* в локальном значении, которые при переносном употреблении могли получать значение аугментативов.

XI—XII вв. Аугментативов с приставкой и постфиксом очень мало. Ср. **разгнЕватися**: *Тогда Иродъ, видЕвъ, яко порУганъ бысть отъ влѣхвъ, разнЕвасА зЕло* (Остромирово ев., СМ, III, 30). Это фактически приставочная форма от *гнЕватися*. Ср. параллельное употребление *разгнЕвати* — аугментатива от *гнЕвати*: *Присно бо розгнЕваЮть нечистиѣ дѣове на тА* (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, III, 151). Количество приставочных аугментативов в этот период относительно велико. Ср. **разбогатити**: *Всего самого ти сА приношоу, мѣнче Еустафие, вольно, да тя разбогащоу застоупьника къ ВлѣцЕ* (Минея 1096, СМ, III, 20); **разбогатЕти**: *Събираемо съ безакониемъ тѣшитетъно бываетъ . . . , а събираАи себе съ благодариемъ разбогатЕетъ* (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, III, 20); **расверЕпЕти**: *Юныхъ же въдовъ оукланАисА, егда бо расверЕпЕЮть, посагати хотАтъ* (Изб. 1073, СМ, III, 71); *въ петисѣтное же лЕто прѣвые тысоуще снѣе Каиновы разъсверЕпЕше и въсхотЕше женамъ отъ сестрѣ своихъ* (Откровения Мефодия Патарского, XII—XIII вв., ДРС), ср. любопытный пример более позднего употребления этого глагола с постфиксом: *В четвертосотное же лЕто первыя тысящи сынове Каиновы разсвирЕпЕшася на сестрѣ своихъ, на дщери Сифовы: начаша ихъ въ жены себе поимати* (Памятники отреченной литературы, XVII в., ДРС); **расильнЕти**: *НадЕясА на множество богатства своего, и расильнЕ о безоумии своемъ* (Изб. 1073 г., СМ, III, 73); **раслабити**: *Раслабленъ ли бысть отъчаяниемъ, пакы днѣ съ, оутрЕшнии пакы днѣ подвигоу отдажъ* (Изб. 1076, СМ, III, 75); **раслаБЕти**: *РаслабЕвъши же отъ законныя оузды* (Изб. 1076, СМ, III, 75); см. также *раслабитися*, постфиксальное образование от *раслабити*: *ужастію раслабятся* (Житие Андрея Юродивого, сп. XV—XVI вв., СМ, III, 76). Отметим три синонимичных глагола с постфиксом и приставкой с локальным значением, которые при переносном употреблении могли приобретать значение аугментативов: **разжечися**: *Тѣгда бо оувЕдЕвъ боляринъ Иоанъ яко никоего же имъ зѣла не створи хѣлюбивши князь Изяславъ и раждѣгъся на ня гнЕвъмъ сна ради своего* (Житие Феодосия Печерского, Успенск. сб., XII в., СДР); *и раждѣгъшисА гнЕвъмъ на нь и съ яростию въставъши и растързавъши сорочицю на немъ биющи же и отъя желЕзо отъ чреслѣ его* (там же); **разгорЕтися**: *СъгрЕсА сръдце мое въ мѣнЕ и въ поучении моемъ разгоритъсА огонь* (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, III, 31); *законъ же моисЕевъ по всему оупражнАшесА того ради людѣе жидовьстии разгорЕ-*

шася и неистови сА дЕяху на Тса (Палея 1406, СДР); отметим, что в редких случаях фиксируется и *разгорЕти*, может быть, этот результат пропуска постфикса; с другой стороны, непременный глагол мог выступать и без постфикса, ср. *Сирахъ моужь грЕшенъ смАтеть друугы и посредЕ мирныхъ вложитъ клеветоу и разгорить огонь троскотный* (Пчела, СДР), впрочем, это предложение разрешает понимать глагол и как переходный (*Сирахъ ... разгорить огонь*); **распыхатися** (разъяриться); (*Семеи*) *не разгнЕвасА на нь, нъ рече отрокомъ своимъ, распыхавъшемъся и имъ оубити и: не дЕите его* (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, III, 84). Таким образом, здесь (фактически в церковнославянских памятниках русского извода) отмечены лишь аугментативные глаголы, образованные присоединением приставки *раз-*, т. е., судя по имеющемуся материалу, о существовании аугментативных глаголов, образуемых одновременным присоединением приставки и постфикса, пока говорить трудно.

XIII—XIV вв. В этот период зафиксировано некоторое количество аугментативов «рамочного» типа. Ср. **разболЕтися**: *Выникнуци змЕя и оуклюну и в ногу и, с того разболЕвсА, оумьре* (Ипат. лет., 1425), ср. также: *На пути на борзЕ разболЕся, мало поболЕвъ, преставися* (Псков. I лет., оба примера: СМ, III, 22—23); **разбуятися**: *Разбуоуявшеся безъ въздръжаня полкове* (Житие Николая воина, СМ, III, 23), ср. употребление глагола без *-ся* в том же значении: *Еда како разбуАють о ХЕ, посагнути хотАть* (Кормчая Моск. духовн. акад., СМ, III, 23); **разгнЕвитися** (ср. *разгнЕватися*): *разгнЕвися зЕло* (Хроника Георгия Амартола, СМ, III, 30), ср. каузативное значение глагола без постфикса — *разгнЕвити*: *Брата единаго на другого разгнЕви и отца на чада подвиже* (Псков. I лет., СМ, III, 30); **расплакатися**: *И яко оузърЕста попинъ его и отрокъ гА своего дрАхла и печалию облияна суца, зЕло расплакастасА* (Сказание о Борисе и Глебе, XIV в., СМ, III, 79). Среди четырех отмеченных в этот период глаголов два соотносятся с образованиями без постфикса, т. е. могут быть объяснены как постфиксальные образования, два других (*разболЕтися*, *расплакатися*) являются префиксально-постфиксальными дериватами. Эти факты — бесспорно, неполные — являются свидетельством того, что в данный период аугментативный способ действия с формантом *раз-ся*, очевидно, уже складывается. Из новых аугментативов, образуемых с помощью приставки, отметим: **раскрЕпЕти**: *Козьль же козиу възвеличися, и, внегда раскрЕпЕ, съкрушися рогъ его* (Списки с рукописи Упыря Лихого, СМ, III, 75). Случай переносного употребления глаголов аналогичной морфемной структуры: **разгнитися**: *И Павелъ никако же не за тЕхъ млтву творАше то бо рече слово ваше да есть всегда солиу растворено вЕдати тако подобаетъ вЕщати да не лицемЕрия наполнитесА нане же*

есть солию расолено аще в разгнвѣишо сА дшо видеть стАгнеть слабое ли второе размажете сухое (Мерило праведное, XI—XIV в., СДР); **располЕтисА**: он же видЕвѣ я Аростью располЕвѣсА бЕсному подобАшесА бити оубо сихъ без милости повелЕ (Житие Варлаама и Иоасафа, XIV—XV вв., СДР); **Слышавѣ же Стославѣ располЕсА гнЕвомѣ** (Ипат. лет., 1425, СМ, III, 80); ср. **распалити/распаляти** — **распалитисА/распалятисА** в прямом и переносном значениях: *Любовью распалющеся чьстьныя Троица, триє сѣврѣшисте великыя подвигы* (Миней 1096 г., СМ, III, 78); **разъяритисА**: *ВѣсЕдше же они на елѣфанти, побишу вѣсЕх и не оста нѣ единѣ от нихъ . . . оттолѣже оубо разъяришуся цсртвѣа друогѣ на друога* (Памятники отреченной литературы, 1345, ДРС), ср. **разъярити**; ср. глагол **распоясатисА** (образованный от *распоясати*), который в памятниках отмечен только в прямом значении, т. е. с приставкой в локальном значении: . . . *аще чернецъ распоясавсА лАжетъ да поклонитсѣ . . .* (Кормчая Варсонофия, XIV в., СДР) и его значение в современном языке.

Как видим, количество аугментативов префиксально-постфиксального типа, зафиксированных в памятниках этого периода, невелико. Так, в «Повести временных лет» (Лаврентьевский список) отмечен лишь глагол *разболЕтисА* (4 раза), 4 раза встречается и *разгнЕватисА*. Но и немногочисленные зафиксированные факты, как представляется, дают основание считать, что в этот период рассматриваемый аугментативный тип уже существует.

XV—XVII вв. Количество отмеченных в этот период аугментативов возрастает. Это, бесспорно, в первую очередь связано с более широким отражением разговорной речи в литературе этого периода, но это также и свидетельство более активного производства аугментативов по сравнению с предшествующими периодами.

Аугментативы с приставкой и постфиксом: **разгрозитисА**: *Тако бо ся разгрози* (Книги Александр, XV в., СМ, III, 32); **развеличатисА**: . . . *ти же вѣ время смирАхоуся развеличахоусА и паки забывахоу блѣсти его* (Палея толковая, 1477, ДРС); **развякаться**: *А однако ужъ развякался, — еще вам повесть скажу* (Житие Аввакума, ДРС); **разгърдЕтисА** — **разгърдитисА**: *или злопомненіе имЕю разАрюсА или огнЕваю кого или разгордюся или облЕнюся* (Требник, вт. пол. XVI в., ДРС); *Посла послы разгърдЕся ко князю Александру Ярославичю* (Сказание об Александре Невском, ДРС), ср. многочисленные случаи беспостфиксального употребления глагола: *Си разгърдЕвѣшиихъ сУть* (Пандекты Антиоха, СМ, III, 33); **разжалитисА**: *Паче разжали си царь царица ради Евдоксіа* (Великие Миней-Четьи, XVI в., ДРС); **разлЕнитисА**: *аще разлЕнишисА ноцию встани*

на *оутренюю*, еще ли не *встанеши*, не *даждь ясти тЕлу своему* (Измарагд, XVI в., ДРС); Тако и *намъ старикомъ молодыхъ прежде себя изъ домовъ к церквЕ высылать, да не разлЕнятся замедленіемъ, потомъ и самъ за ними, яко пастушокъ* (Аввакум, Книга толкований, XVII в., ДРС); *размутитися: Море размутитя отъ великаго вЕтра* (Травник, XVII в., ДРС); *разнемоchия/разнемогатися: ... посланы были со мною три сорока соболей, и мНЕ тЕхъ соболей ему отдати нелучилось, потому что онъ разнемогся* (Дела Римской империи, 1597, ДРС). Среди приведенных глаголов к префиксально-постфиксальным образованиям бесспорно могут быть отнесены лишь поздние глаголы *разнемоchья* и *развякаться*. Три глагола (*разгрозитися, разлЕнитися, размутитися*) могут быть объяснены, с одной стороны, как префиксально-постфиксальные дериваты возвратных глаголов (*грозитися, лЕнитися, мутитися*) с наложением постфиксов, с другой, как префиксальные аугментативы, образованные от возвратных глаголов. Любопытен глагол *разгърдЕтися* в его следующих синонимических вариациях: *разгърдЕти, разгърдЕтися, разгърдитися* (первый отмечен еще в старославянских памятниках): первый глагол представляет собой приставочный аугментатив к *гърдЕти*, второй, очевидно, приставочно-постфиксальный аугментатив, третий — возвратный вариант *разгърдити*. Несколько слов могут быть представлены как префиксально-постфиксальные образования либо как префиксальные дериваты аугментативов, образованных от каузативных глаголов, ср. *раскручинитися: За што де и за какое дЕло везирь Аземъ Мустофа паша на Молдавского воеводу Василья розкручинился, и того де онъ Сулейманъ ага подлинно не вЕдаетъ* (Статейный список о посольстве Милославского, 1642, ДРС) — *раскручинити: И я, холопъ твой, царя раскручинити не смЕлъ, здЕлалъ по цареву приказу* (Переписка царя Михаила Феодоровича, 1619—1632, ДРС); *разсърдитися*: (довольно поздняя фиксация): *Когда ученики Освие розсърдили сА, что люди не хотели възприматъ Господа* (Грамматика Лудольфа, XVII в., ДРС); ср. также *разгорячитися: Неправда, всезнающіе господа, сказалъ я имъ несколько разгорячяся, очень многие читають ...* (Сочинения Лукина, 1765, ДРС). Отдельные глаголы, при их переносном употреблении, приобретают семантику аугментатива, ср. *раскипЕтися: кровь раскипится* (Травник Любчанина, XVII в., ДРС), ср. также: *Илеюшки серцо разгорелося, горячя в груди крофъ роскипелася* (Архангельские былины, ДРС), ср. *раскипЕти* в прямом значении: *вари ... пшеницу ... доколе раскипитъ* (Травник Любчанина, XVII в., ДРС).

Перечислим префиксально-постфиксальные аугментативы, приводимые словарями русского языка XVIII века. В «Российском целларнусе» Ф. Гелтергофа (М., 1771) приводятся лишь два глагола (причем в форме несовершенного вида): *разыгры-*

ваются с переводом *recht ins Spielen hinein kommen* (187), *распеваюся* — *recht ins Singen hinein kommen* (393), ср. также *распаляю* — *распаляюся* (362). В «Российском с немецким и французским переводами словаре» И. Нордстета (ч. I и II, СПб, 1780—1782) аугментативов рассматриваемого типа больше (эти глаголы содержатся во II томе): *разбалтываться/разболтаться*, *развираться/разовраться*, *размолиться*, *разохаться*, *разохотиться*, *расслушаться*, *распылаться*, *распеваться/распеться*, *расхвастываться/расхвастаться*, *расхорохориться*, *расхохотаться*. Ср. также *развеселить* — *развеселиться* (с переводом — *entreg en bonne humeur*), *разгорячить* — *разгорячиться*. «Словарь Академии Российской» (ч. I—VI, СПб, 1789—1794): *разболтаться*, *развираюсь/разовраться*, *разгоститься*, *разгреться*, *разжаловаться*, *разыгрываться/разыгаться* (*Вы не перед добром разыгрались*), *раскричаться*, *расплакаться*, *распеться*, *расскакаться*, *расстреляться*, *расхохотаться*, *расхвастываться/расхвастаться* (и *расхвастать*), *расчихаться*, *расшалиться*, *расшутиться*, *разъездиться*, *разъестся* (обычно эти слова трактуются через глагол *разохотиться*: *разъездиться* — *разохотиться ездить*, и т. д.), всего 18 глаголов. В «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением имп. Академии Наук» (т. I—IV, 1847, аугментативы находятся в IV томе) содержится около 80 глаголов рассматриваемого типа. Здесь представлены уже образования от всех семантических групп, характеризующих словообразовательную базу современных аугментативов. Не давая полного списка фиксируемых словарем глаголов этого типа, приведем отдельные примеры дериватов от разных семантических групп. Глаголы состояния: наряду с фиксируемыми ранее *разболеться*, *разнемочься*, отметим *рассидеться*, *расхвораться* и даже — *расстояться* «долго стоять на одном месте» (стр. 32); глаголы движения: *разбегаться*, *разлетаться*, *расскакаться*, *разъездиться*, *расходиться*; глаголы речи и звука, этот разряд представлен большим количеством образований, в принципе любой глагол этого типа может дать аугментативный дериват, ср. *разахаться*, *разбрюзжаться*, *развизжаться*, *разворковаться*, *развопиться*, *раскалякаться*; глаголы психического состояния: *разбодриться*, *развеселиться*, *разволноваться*, *разгореваться*, *разгрезиться*, *разгруститься*, *разобидеться*, *раскручиниться*, *растосковаться*, эта группа глаголов (словообразовательно неоднозначная) относительно активно представлена в предшествующий период; глаголы, обозначающие поведение человека: *разбуяниться*, *разважничаться*, *разгоститься*, *раздурачиться*, *раздуриться*, *разнежиться*, *расспесивиться*. В словаре приводится значительное количество образований от глаголов со значением физического действия, этот разряд аугментативов в предшествующем периоде не представлен, заметим,

что это всегда слова, образуемые с помощью приставки и постфикса, ср. *расклеиваться, раскопаться, распахаться*.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводится свыше 130 аугментативных глаголов с приставкой и постфиксом, что свидетельствует о большой продуктивности этого словообразовательного типа в разговорной речи и диалектах. Продуктивен этот тип и в современном литературном языке, количественные данные приводились выше. Приведем несколько примеров новообразований: *Сверху взгляд на Россию брось — рассинелась речками ...; Прохожие развозмущались, потом привыкли; Чего разглазелись? Будет пугаться!* [Маяковский — 9, 77].

5. Аугментативы продуктивны и в других славянских языках. Ограничимся некоторыми примерами.

Восточнославянские языки. Украинский язык. Здесь регулярны аугментативы от глаголов речи-звука, ср. *розбазікатися, розбалакатися, розбесідуватися, розгавкатися, розговоритися, розгомонітися, розревітися, розстогнатися*; от глаголов неопределенного движения, ср. *розбігатися, розвештатися, розганятися, розгасатися, розїздитися*; от глаголов состояния, ср. *розболітися, роздрігатися, розіспатися, розлежатися, розхворітися*; от глаголов, обозначающих поведение человека, ср. *розбенкетуватися, розбештатися, розбіснуватися, розстарцюватися, розчумакуватися, розпанькатися, розшахраюватися*. Относительно немногочисленные образования от глаголов, обозначающих физическое действие (потенциально многие из них возможны, но малоупотребительны), ср. *роздоїтися, розсвербітися, розкашлятися, розкоситися*. Аугментативы, образованные от глаголов со значением психического состояния, в ряде случаев могут быть представлены как постфиксальные либо префиксальные образования, ср. *розбадьоритися, розгніватися, розгордітися, розжалкуватися, розлютуватися*.

Западнославянские языки. Польский язык. Глаголы состояния: *rozchorować się, rozdrzemać się, rozespać się*; глаголы звука и речи: *rozbeczeć się, rozbrzęczeć się, rozchrapać się, roześpiewać się, rozfilozofować się; rozgwarzyć się*; глаголы, обозначающие поведение человека: *rozawanturować się, rozbankietować się, rozbaraszковать się*, глаголы движения: *rozgalopować się, rozbiegać się, rozjeździć się, rozskakać się*; глаголы со значением физического действия: *rozbryznąć się, rozdeszczycь się, rozkapać się* (о дожде), *rozpisać się, rozpląsać się, roztańczyć się*. К. Вильчевска говорит о почти неограниченной продуктивности этого типа (14, 124). Дериваты от глаголов психического состояния, как правило, имеют параллельные по форме и содержанию невозвратные образования, ср. *rozbestwiać się — rozbestwiał*; *rozniewać się — rozgniewać, rozezlić się — rozezlić, rozgorączkować się — rozgorączkował, rozgoryczyć się — rozgo-*

ruszyć. Такие параллели в редких случаях отмечены и в других семантических группах, но значительно реже, ср. *rozleniwieć się — rozleniwieć, rozłajdaczyć się — rozłajdaczyć*. Это явление в польском языке встречается чаще, чем в русском, в связи с более активным использованием префикса без постфикса в аугментативном значении, ср. польск. *rozpoić* (рус. спoitь), *rozkochać* (влюбить), *rozmiłować* (пристрастить, влюбить), *rozpolitikować* (увлечь политикой), ср. *rozboleć: rozboliła mi głowa*.

Южнославянские языки. Болгарский язык. Здесь можно отметить две особенности: во-первых, аугментативы представлены формами обоих видов, во-вторых, в ряде глаголов этого типа начинательное значение теснит аугментативное. Ср. некоторые примеры: глаголы состояния: *разболея се, разлежа се*; глаголы речи и звука: *разбумтя се, разбъбря се, развайкам се, развикам се, разлагаолствувам се, разфилософствувам се, разкудкудакам се*; глаголы, обозначающие поведение человека: *разбеснея се, разбушувам се, разхайтя се*; глаголы физического действия: *разбързвам се, развихря се, разтрещя се*.

6. Как видно из предшествующих разделов, старославянские и ранние древнерусские памятники дают слишком мало материала для бесспорного определения происхождения аугментативного способа действия. Наличный материал, говорящий о глагольных разрядах, достаточно близких семантически и формально к аугментативам рамочного типа, первые случаи фиксации аугментативов с приставкой и постфиксом, а также некоторые теоретические предпосылки все же дают возможность хотя бы предположительно объяснить историю этого способа действия. Для более достоверного объяснения происхождения аугментативов необходимо рассмотрение их истории в каждом славянском языке, но даже и в этом случае, весьма вероятно, не все будет ясно из-за позднего происхождения имеющихся памятников.

Как известно, современная наука об образовании слов исходит из принципа двучленности деривата. Т. е. признается, что каждое производное слово возникло, в результате взаимодействия двух элементов: производящей основы и словообразовательных средств, причем как первый, так и второй члены не обязательно являются одной единицей — частью слова, словом, морфемой: производящая основа может представлять собой слово, часть слова, словосочетание, а в отдельных случаях даже целое предложение (ср. *не могу знать — немогузнайка*), а словообразовательные средства могут состоять как из одной, так и из двух морфем (рамочный формант, конфикс — по предложению В. М. Маркова). Таким образом, задача словообразовательного анализа и заключается в определении этих двух непосредственно составляющих деривата: производящей основы и словообразовательных средств (форманта). Этот принцип — обязательная двучленность деривата — был выдвинут польским

лингвистом Яном Розвадовским в работе «Wortbildung und Wortbedeutung» [13]. Принцип был поддержан польскими лингвистами Я. Лосем, В. Дорошевским*, впоследствии он получил признание Г. О. Винокура. Такой подход оказался очень плодотворным как для словообразовательного анализа, так и для выяснения истории словообразовательных типов. Принцип дву-членности применяется и для анализа дериватов, образованных смешанными способами словообразования: префиксально-суффиксальным, префиксально-постфиксальным, префиксально-флективным, комбинацией словосложения и суффиксации. Задача заключается здесь в объяснении того, как возник тот или иной смешанный способ словообразования. Смешанный же способ словообразования мог возникнуть либо в результате комбинации двух простых способов словообразования, либо в результате изменения функциональной роли формантов, т. е. переразложения, перинтеграции участвующих в словообразовании компонентов. Проследим эти два возможных пути возникновения смешанных способов словообразования на примерах.

Первый путь. Глаголы *гнЕвати* и *гнЕватися* могли иметь аугментативные дериваты *разгнЕвати* и *разгнЕватися*. От первого путем постфиксации мог возникнуть глагол *разгнЕватися* — словообразовательный омоним к *разгнЕватися* от *гнЕватися*. Т. е. в этом случае словообразовательная четкость деривата нарушалась, что давало возможность соотносить *разгнЕватися* не только с *гнЕватися* и *разгнЕвати*, но и с *гнЕвати*. В последнем случае происходит как бы процесс переразложения, выделения рамочной морфемы, что становится языковым фактом после появления некоторого количества слов, образованных по аналогии к морфемной структуре исходного слова (в данном примере — *разгнЕватися*). Этот путь, как представляется, был продуктивен у глаголов.

Второй путь. Он характеризует именное словообразование. Вначале рассмотрим один пример. В. Маньчак во вступительной статье к III тому «Избранных сочинений» Яна Розвадовского [12, 7] пишет: «... слово *podgródzie* было образовано от исходного слова *gród* одновременным присоединением приставки и суффикса; никакого промежуточного образования — содержащего либо только приставку либо только суффикс — никогда не существовало». С точки зрения исторического словообразования такое утверждение неверно. Образование типа *podgródzie*, ср. также *poddasze*, *podbrzusze*, *podgardle*, *podglebie*, *podgórze*, *podnoże*, *podogonie*, *podpasze*, *podpiersie*, *podscenie*, *podstrysze*, *podstrzesze* и т. д. возникали первоначально как суф-

* Ср., например, Jan Łoś, Przyczyny dwuczłonowości typów morfologicznych, Poradnik językowy, rocz. X, 1910; ср. З. М. Волоцкая. Обзор работ по словообразованию в польской лингвистической школе. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

фиксация предложного сочетания, т. е. в результате действия «простого», несмешанного способа словообразования, ср., например, *pod grodem — podgrodzie, pod brzuchem — podbrzusze, pod dachem — poddasze*. О том, что в данном случае исходным моментом является суффиксация предложного сочетания, свидетельствуют факты топонимики, в частности микро-топонимики. Так, в работе Михала Лэсува, исследовавшего микротопонимику Люблинского воеводства Польской Народной Республики [11], приводятся названия, свидетельствующие о различных этапах формализации апеллятивных сочетаний, их топонимизации, т. е. превращения в имена собственные. Засвидетельствованы следующие этапы топонимизации: 1) апеллятив со значением места — *pod górą, za lasem*; 2) микротопоним в виде предложного сочетания — *Pod górą, Za lasem*; 3) формализованные микротопонимы двух типов — *Podgóra, Zalas* и *Podgórze, Zalesie*. В связи с этим становится очевидным, что и образования типа *podgrodzie, podzamcze, poddasze*, имеющие, кстати, тоже значение места, восходят к предложным сочетаниям, как и формализованные топонимы второго типа. Что касается формализованных топонимов первого типа, то, как объяснил М. Карась [10], собственные названия *Pod górą, Za lasem* воспринимались как косвенный падеж единого слова-названия, называющее слово должно быть представлено формой номинатива, отсюда своеобразная редеривация — *Podgóra, Zalas*. Сходным образом возникли русские апеллятивы *заграница, загород*, близкие к топонимам: исходная форма (номинатив) появилась по образцу косвенных падежей (*заграницу, заграницей, загородом, загород* — сочетание с Вин. пад.). После того, как в языке накапливается определенное количество такого рода образований, вполне возможна семантическая переориентация, приводящая к сдвигу в словообразовательной трактовке ряда: слово *podgrodzie* соотносится не с *pod grodem* (или не только с *pod grodem*), но и с *gród*, что делает возможным выделение рамочного форманта, а это ведет к возможности образования новых производных уже непосредственно от существительного, минуя ступень предложного сочетания. Так возникли словообразовательные типы *без-ный, без-је, без-ица, без-ый* и другие префиксально-суффиксальные типы современного словообразования. И лишь с точки зрения современного состояния они могут быть признаны имеющими рамочный формант.

7. Приведенные выше засвидетельствованные старославянскими и древнерусскими памятниками аугментативы с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* не дают достаточных оснований утверждать, что в начале исторического периода славянских языков (если для таких прогнозов достаточно свидетельств этих двух языков) существовал аугментативный способ действия,

т. е. существовала возможность образования аугментативного деривата путем одновременного присоединения приставки *раз-* и постфикса *-ся*. Три из четырех аугментативов с такой морфемной структурой, засвидетельствованные в старославянском языке, могут словообразовательно трактоваться иначе: как приставочные аугментативы от возвратных глаголов (*gněvati se* — *razgněvati se*) либо как возвратный дериват аугментативного глагола (*razgněvati* — *razgněvati se*). Что касается глагола *razbolěti se*, не исключена возможность существования исходного глагола без постфикса, ср. пол. *rozboleć* (ср. *rozbolata mi głowa*), чеш. *rozboleti u rozboleti se*. Эти факты становятся более очевидными на фоне таких образований как *razbogatiti*, *razbogatěti*, *razgněviti*, *ra(z)slabiti*, *ra(z)slaběti* и т. д. Т. е. для этого периода (как, очевидно, и для более раннего — общеславянского поздней эпохи) существование значения интенсивности (точнее — аугментативности), восходящего к локальному, у приставки представляется бесспорным. Как видно, в ранний исторический период существовал аугментативный способ действия как приставочный способ, имевший словообразовательной базой предельные глаголы. Образования же с постфиксом *-ся* являются результатом постфиксального оформления приставочных аугментативных глаголов, ответвлением приставочного аугментативного способа действия. В этом случае происходит интранзитивация переходного глагола. Как писал Н. П. Некрасов: «... наш язык смело приставляет *-ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [6, 74], ср. высказывание современного исследователя: «... в возвратных глаголах действие не исходит от грамматического субъекта как от агенса, чтобы вновь вернуться на него же как на пациенс, а попросту не выходит «наружу», оно замкнуто в сфере субъекта» [7, 101]. Приставка в таком глаголе (она перенесена из производящего глагола) обозначает доведение интенсивности действия до высшей точки проявления, а постфикс задерживает действие в самом субъекте, без выхода «наружу». Существование в языке некоторого количества глаголов сходной семантики и сходной морфемной структуры как бы закрепляет эту «типовую» семантику (сохраняющую вплоть до настоящего времени связь с локальным значением) за совокупностью деривационных морфем. Двойная словообразовательная ориентация слова позволяет соотносить его с исходным словом, которое отстоит от деривата более чем на один деривационный шаг (такт). Это помогает выделению особой рамочной морфемы, которая является носителем новой семантики. Новая семантика деривата приводит к изменению словообразовательной базы глаголов рассматриваемого типа: они образуются от непредельных глаголов. И в этом смысле харак-

терно время фиксации в русском языке различных семантических типов префиксально-постфиксальных аугментативов. Хотя, бесспорно, нельзя считать, что памятники дают полную картину бытования аугментативов в русском языке данной эпохи, все же, как кажется, некоторые тенденции могут быть прослежены. Так, вплоть до XVII века фиксируются, главным образом, аугментативы, выражающие разного рода психические состояния. Это обычно слова, образованные от инхоативов и каузативов, т. е. слова с двойной словообразовательной ориентацией. Глаголы же, обозначающие речь-звук, физическое действие, а это преимущественно префиксально-постфиксальные образования, в памятниках вплоть до XVII века не встречаются (ср. единичное *развякаться* у Аввакума).

Так, по нашему мнению, может быть объяснено появление аугментативного способа действия в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
2. Б. Н. Головин. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук (машинопись), I—II. Горький, 1966.
3. А. В. Знаменская. Префиксально-суффиксальное образование возвратных глаголов. Ученые записки Борисоглебского ГПИ. Вып. V, 1958.
4. А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2, Братислава, 1960.
5. Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания, изд. ЛГУ, 1965.
6. Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
7. Б. Ю. Норман. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1971.
8. М. А. Шелякин. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук (машинопись). Воронеж, 1972.
9. A. Bogusławski. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963.
10. Karaś. Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.
11. M. Łesiów. Terenowe nazwy Lubelszczyzny. Lublin, 1972.
12. W. Mańczak. Zagadnienia ogólnojęzykoznawcze w pracach J. Rozwadowskiego (J. Rozwadowski, Wybór pism, t. III, Warszawa, 1960).
13. J. Rozwadowski. Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904.
14. K. Wilczewska. Czasowniki zwrotne we współczesnej polszczyźnie. Toruń, 1966.

ПРОБЛЕМЫ ПАРАДИГМАТИКИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Э. А. Флоренская

Одни и те же смысловые отношения могут быть реализованы как в форме сочетания простых предложений, так и в форме сложного предложения. Именно смысловое соотношение частей играет в существовании сложного предложения определяющее значение. Действительно, для чего нужно объединять два отдельные предложения так, чтобы они ощущались как одно целое? Конечно же для создания особенного смыслового единства, которое, выраженное средствами отдельных предложений, утрачивает свою выразительность и характеризуется несколько иной семантикой. Одну и ту же мысль сложное предложение дает возможность выразить самыми различными способами. Сравним выразительность и смысловые отношения в сочетании предложений и сложного целого на примерах. Сочетание простых предложений выражает определенную мысль, например, следующим образом:

*Я запомнил всю его речь.
Она была короткой.*

С помощью сложного предложения мы можем сказать:

Я запомнил всю его речь, она (была) короткой,
объединив предложения лишь интонацией. Можем сблизить смысловое содержание предложений еще больше, связав их союзом. Употребляя различные более или менее близкие по семантике союзы, мы можем сообщить нашему сложному предложению различные смысловые оттенки:

*Я запомнил всю его речь, так как она была короткой,
Я запомнил всю его речь, благо она была короткой.*

Мы можем увеличить количество связующих средств и, тем самым теснее связать смыслы предложений:

Я запомнил его речь потому, что она была короткой.

Мы можем, наконец, поменять части местами и получить еще несколько вариантов сложного предложения:

Его речь была короткой, и я запомнил ее всю.
Его речь была короткой, зато я запомнил ее всю.
Его речь была короткой, почему я запомнил ее всю.
Я запомнил всю его речь, которая была короткой.
Коротка была его речь, которую я запомнил всю.

Подобные манипуляции в большем или меньшем количестве можно произвести с любым сложным предложением.

Пользуясь теми способами акцентации, которые предоставляет нам сложное предложение, возможно, не изменяя резко его основного смысла, выделять особенно интересующие нас аспекты высказывания. Сама цельнооформленность сложного предложения содержит в себе потенции его актуального членения.

Сложное предложение, таким образом, есть специальная форма в языке, приспособленная к выражению контаминации смыслов, затруднительному для семантических средств связи простых предложений. Сочетание простых предложений содержит в себе такие же смысловые оттенки, но в неявной форме. Сложное предложение конкретизирует и формально закрепляет их.

Таким образом, если говорить определеннее, цельнооформленность сложного предложения — это грамматическое выражение смысловых отношений между его частями.

Логические отношения между предложениями создаются и регулируются говорящим, так что сложное предложение — это не только структура, но и процесс. Оно всегда строится говорящим, причем так, чтобы наилучшим способом осуществить акт коммуникации.

Взгляд на сложное предложение как на процесс, а также роль говорящего не отражаются в описаниях специфики сложного предложения. Необходимо такое понимание сложного предложения, при котором сама его форма, присущие ему структурные особенности, в данном случае цельнооформленность, рассматривалась бы как результат деятельности говорящего и как средство проявления этой деятельности, направленной на осуществление коммуникации. Нужно прийти к такому методу описания сложного предложения, который раскрыл бы роль определенных структурных элементов в становлении сложного предложения как коммуникативной единицы.

Классификации сложного предложения последних лет, восходящие, в основном, к классификации В. А. Богородицкого, оставаясь на почве языковых фактов, т. е. исходя из структурных признаков сложного предложения и учитывая семантическое единство сложного предложения, формальный состав сложного

предложения рассматривают как нечто данное и поэтому являющиеся лишь пассивным объектом классификации. Существующие методы описания синтаксической структуры сложного предложения не реализуют понимания сложного предложения как результата творчества говорящего, а носят часто классифицирующий характер. Необходимо построение таких исследовательских моделей, в которых структура сложного предложения с точки зрения средств связи оказалась бы представленной как результат целенаправленной деятельности говорящего.

Настоящая работа представляет собой опыт описания сложных предложений с вышеописанных позиций.

1. Логические связи и их выражение в тексте *

Поскольку сложное предложение рассматривается нами, в первую очередь, как специфическая форма реализации логической синтагмы, необходимо выделить формальные типы последних с тем, чтобы исчислить далее конкретное их проявление в нормах языкового поведения. Набор вариантов способов образования сложного предложения для каждого формального типа логических синтагм определил бы его парадигму. Тем самым оказалась бы построенной классификация сложного предложения с позиции функционального подхода к языку.

Для выделения формальных типов логических синтагм необходимо определить реальные критерии, выражающие смысловые отношения.

Наблюдения показали, что в качестве таких критериев должны быть выделены прежде всего местоимения (назовем их **включающими**), затем лексические повторы (во всех своих вариантах: непосредственное перенесение слов, или сочетания слов, из одного предложения в другое; представительство слова в другом предложении его субститутом; и наконец, отсутствие слова в другом предложении также будем считать его представительством в первом).

Каждое предложение, входящее в логическую синтагму, можно рассматривать как некий «смысл», состоящий из некоторого числа элементарных смысловых единиц (слов), находящихся друг с другом в определенных отношениях. Другими словами, предложение — не только грамматическая структура, образованная по определенным грамматическим законам сочетаемости слов, но и смысловая структура.

Для определения смысловых связей в тексте нам важно не то, какое конкретное вещественное значение имеет смысловая структура, а сам факт членимости смыслового единства (предложения) и вытекающие отсюда возможности взаимодействия

* Слово «логические» здесь понимается как любая определенная смысловая последовательность, а не как термин науки о формах мышления.

структур при объединении их в тексте. Определим типы смысловых отношений.

1. Будем считать, что предложения, имеющие лексические повторы, то есть содержащие пересекающиеся элементы структуры, находятся в отношениях смыслового пересечения.

2. Сочетание смысловых структур происходит и так, что структура одной из них включена в состав структуры другой. Формально такое включение осуществляется через указательное местоимение, которое мы назвали включающим, в одном из предложений. Само по себе оно не несет никакой смысловой информации, содержание местоимения раскрывается всем содержанием другого предложения, субститутом которого оно является. О предложениях описанного способа связи можно сказать, что они находятся в отношениях смыслового включения.

3. Предложения, структуры которых не соотносятся друг с другом, находятся в отношениях смыслового исключения.

4. Рассмотренные три типа логических отношений естественно позволяют допустить и существование четвертого, который мы соответственно назовем — смысловые тождества. Доказательством существования этого типа должны быть логические синтагмы, в обеих частях которых содержатся включающие местоимения. Тем самым и содержания их могли бы взаимно включаться друг в друга.

Итак, можно выделить четыре основных формальных класса логических связей, построенных на отношениях противопоставления. Можно полагать, таким образом, и наличие типов, которые так или иначе совмещают перечисленные виды отношений.

Лексический повтор, включающие местоимения (одно или два) выделены нами в качестве признаков, наличие/отсутствие которых позволяет исчислить формулы всех возможных логических структур. Остальные средства выражения логической связи русского языка (частицы, союзы, интонация и т. д.) на данном этапе исследования во внимание не принимаются как средства внеструктурные.

Обозначим выделенные признаки:

- 1) общая значимая лексика — л
- 2) включающие местоимения — вм

Обозначим плюсом наличие признака, а его отсутствие — минусом.

Выпишем теперь все возможные типы смысловых взаимоотношений двух сочетающихся предложений в следующем виде:

- 1) (—л —вм) (—л —вм)
- 2) (—л +вм) (—л —вм)
- 3) (—л +вм) (—л +вм)

- 4) (+л —вм) (+л —вм)
 5) (+л +вм) (+л —вм)
 6) (+л +вм) (+л +вм)

Получилось шесть формул, отражающих внешний план логических отношений в бинарном сочетании предложений или в двучленном сложном предложении. Внутренний план, план структурных отношений в полученных типах логических синтагм может быть показан после некоторого рассуждения.

Дело в том, что наличие лексики, общей для обоих членов синтагмы, еще ничего не говорит об отношениях зависимости между ними. Общая лексика есть сигнал смысловой связи. В качестве сигналов о характере связи выступают именно включающие местоимения.

Действительно, в случае наличия включающего местоимения в одном из предложений можно говорить о логическом подчинении. Смысловое содержание того предложения, которое содержит включающее местоимение, зависит от смысла другого предложения. Предложение с включающим местоимением не самостоятельно в коммуникативном плане, его логическая синсемантичность компенсируется вторым членом логической синтагмы.

1. Это дает нам право типы 3 и 5 считать подтипами одного типа логического подчинения, противопоставляемыми друг другу по признаку наличия/отсутствия лексических повторов.

2. Соответственно типы 2 и 6 являются подтипами, противопоставляемыми друг другу в лексическом плане, типа взаимного подчинения, который характеризуется тем, что смысл одного из членов определяется через другой, а смысл последнего — через первый.

3. Типы 1 и 4 дают нам тип логического сочинения, смысловой равнонезависимости обеих частей друг от друга.

Следует оговориться, что выделенные типы логических отношений представляют собой идеальные логические отношения. При проверке модели на языковом материале выяснились любопытные факты. С одной стороны, оказалось, что в русском языке нет таких сочетаний предложений, в которые абсолютно невозможно было бы ввести включающие местоимения. Есть такие сочетания, которые с трудом допускают их введение в одной ситуации, но зато те же предложения свободно допускают введение включающих местоимений, одного или двух, в другой ситуации.

С другой стороны, очень редки сочетания предложений, в которых присутствие включающего местоимения было бы необходимо. Почти все сочетания допускают его устранение. Необходимость наличия включающего местоимения бывает обусловлена лексическими особенностями главных по отношению к

включающему местоимению слов (связанностью употребления) или структурной характеристикой предложения (включающее местоимение входит в состав сказуемого). В этих случаях устранение включающего местоимения невозможно. Во всех остальных — присутствие его в сочетании предложений вовсе необязательно.

Эти факты говорят о том, что нет маркированных классов логических отношений, что всегда возможен переход из одного класса в другой. И это совершенно понятно. На область логических отношений язык не имеет права накладывать какие-либо ограничения. Логические отношения — исключительно сфера творчества говорящего. Язык дает только формы, более или менее яркие, более или менее гибкие для выражения всех переходных оттенков основных логических отношений. Выбор же того или иного типа логических отношений находится целиком во власти говорящего. Грубо говоря, два «смысла» (два предложения) могут быть соединены говорящим в любом взаимоотношении: этим объясняется возможность перехода одного типа логической синтагмы в другой, отсутствие маркированных типов логических структур.

С другой стороны, гибкость логических отношений предполагает аналогичную гибкость грамматических форм их выражения.

Далее следовало бы показать реализацию основных типов логических синтагм как в форме сочетания простых, так и в форме сложного предложения. Но прежде чем перейти к этому разделу рассмотрим собственно грамматический механизм логического объединения двух предложений, то есть способы образования сложного предложения.

2. Структурно-семантические связи между частями сложного предложения и формы их выражения

Выделенные нами типы логических отношений могут представлять собой как инвариант сочетания простых предложений (СПП), так и инвариант сложного предложения (СП). Внешний план, план выражения основных смысловых отношений в СПП и в СП совпадают. В обоих случаях они оформляются через включающие местоимения и общность лексических элементов. Отличие СПП от СП состоит в том, что средства выражения логического объединения во втором случае становятся средствами выражения грамматического объединения. Формальные показатели универсальных логических отношений в СПП не подчиняются каким-либо обязательным грамматическим законам. До тех пор пока говорящий объединяет два предложения в связный текст в форме СПП грамматические законы молчат. Но как только говорящий выбирает для контаминации «смыс-

лов» (ведь предложение — не только набор конституирующих его категорий, но и «смысл») форму СП, на его творческую свободу сразу накладывается определенные формальные ограничения. Сочетая смыслы с помощью СП, нужно соблюдать определенную интонацию, трансформировать соответствующим образом включающие местоимения, а также общие лексические элементы, если выбран тот способ связи, когда она осуществляется через лексику. Одним словом, в СП средства логической связи становятся выразителями грамматической связи, носителем особых грамматических функций. Сочетание предложений — только логическая синтагма. СП — логико-грамматическая синтагма.

Предложения, объединяясь в сложное, определенным образом приспособляют свою форму к совместному функционированию. Исчисление способов образования СП составляет следующую нашу задачу. Каждый из шести выделенных универсальных типов логических отношений, вероятно, должен образовывать свой способ объединения предложений, выражающий наилучшим грамматическим образом особенности выбранного инварианта. Формы грамматической связи СП, поскольку СП и есть и грамматическая синтагма, должны сигнализировать не только о смысловых отношениях между его членами, но и о грамматических структурных отношениях между ними. Таким образом, мы должны были бы выделить в СП два плана: логический и грамматический, а в грамматическом соответственно еще два: внутренний и внешний. Структурные отношения внутри СП (отношения зависимости друг от друга) должны определяться, по всей вероятности, аналогично тому, как они определяются между членами простого предложения — операцией свертывания: последовательным устранением элементов сначала одной части, затем другой в пределах сложного целого.* Эта процедура устанавливает наличие или отсутствие зависимости одной части предложения от какого-либо определенного слова другой. Если такая зависимость существует, то в последовательном свертывании элементов наступает момент, когда устранение определенного слова из состава одной части грозит разрушением всему сложному целому.

Рассмотрим способы объединения простых предложений в сложное.

1. (—л —вм) (—л —вм)

Этот вариант логических отношений представляется двумя предложениями, в лексическом составе которых не имеется общих элементов, и ни одна из них не содержит в своем составе включающего местоимения. Их смыслы до объединения, с пози-

* См. об определении зависимости между частями сложного предложения нашу работу: «Дихотомия сочинения/подчинения и формальные критерии определения зависимости в сложном предложении». — Русская филология IV, Тарту, 1976.

ции универсальных логических отношений, находятся в отношениях исключения. Но говорящему нужно их объединить. Для предложений такого типа нет средств связи в их собственном лексическом составе, поэтому говорящий должен пользоваться средствами связи, взятыми извне. Но кроме этого, описываемый инвариант логических отношений предполагает такое объединение предложений, при котором сохранилась бы взаимная смысловая независимость. Другими словами, данная структура несет идею логического сочинения, которое как-то должно воплотиться в грамматическом. Действительно, СП вырабатывает такой способ объединения двух смыслов в одно целое, такое грамматическое сочинение, которое актуализирует логическое. Это объединение предложений при помощи союза «и». Операция свертывания, проведенная над предложениями, объединенными союзом «и», не обнаруживает ни в одной из частей СП слова, устранение которого разрушало бы его. Связь осуществляется так, что сохраняется неприкосновенным лексический состав предложений. Далее, союз «и» [1, 2], как обладающий достаточной степенью абстрактности значения, что позволило его выделить и отнести в разряд союзов чисто синтаксических, никак не влияет на смысловые отношения между предложениями. Тогда как все остальные союзы, как сочинительные, так и подчинительные, в силу своей смысловой наполненности, как-то влияют на смысловое отношение между предложениями, превращая их из сочинительных в подчинительные или взаимозависимые. Союз «и» выражает лишь самую общую идею объединения как грамматического, так и логического. Его логическая роль состоит в общей идее объединения. О грамматической же его роли нужно сказать следующее. Со времен А. М. Пешковского сочинительные отношения определялись как такие, которые не допускают разрыва одного предложения другим, подчинительные — как такие, которые этот разрыв допускают. Известно, что для чисто союзной связи принцип А. М. Пешковского совершенно четок. И у нас нет оснований не воспользоваться им сейчас. Анализ СП, связанных союзом «и», показывает, что часть таких предложений имеет или фиксированное, или свободное, относительно друг друга, расположение, но никогда не допускают разрыва структуры одного предложения другим. Следовательно, с точки зрения грамматического смысла, союз «и» чрезвычайно последовательно несет основную идею равноправного объединения: он стягивает предложения к себе и в случае свободного и в случае фиксированного расположения, оставаясь непричастным к их структурам, и тем самым не влияя на их грамматические отношения между собой. Перейдем теперь к смысловой многозначности, являющейся одной из главных особенностей рассматриваемого типа логических отношений. Именно в силу того, что формально смыслы членов синтагмы не соотносятся, их

конкретные лексические содержания, оформленные как связный текст (как СПП или как СП, образованное с помощью союза «и»), создают смысловое единство, обладающее известной неопределенностью, которая проявляется в широте допустимой интерпретации содержащейся в нем информации. В таком смысловом единстве в неявном, скрытом виде могут одновременно ощущаться несколько смысловых оттенков. Например, предложение «Он шутил, и я злобствовал» (Пушк.) допускает следующие истолкования:

- 1) Он вообще любил шутить, я злобствовать.
- 2) Он шутил, когда (если) я злобствовал.
- 3) Если он шутил, то я злобствовал.
- 4) Он шутил, потому что я злобствовал.
- 5) Я злобствовал, потому что он шутил.
- 6) То он шутил, то я злобствовал.
- 7) Хотя он шутил, я злобствовал.

Свобода и неопределенность конкретного смысла в таких предложениях формально проявляется в возможности перестановки частей. Общий смысл синтагмы от этого не страдает. Полисемия смыслового единства не устраняется, как мы видим, при объединении с помощью союза «и». Конкретизацию смысловых отношений, устранение многозначности смыслового единства говорящий может производить с помощью семантических союзов. В разряд этих союзов мы отнесли бы все семантические союзы (и сочинительные, и подчинительные), так как в данном случае нас интересует как раз не это подразделение, а объединяющее их начало — смысловая наполненность. Введение семантических союзов влияет на смысловую независимость частей синтагмы. Есть союзы, которые делают содержание одной части логически зависимым от содержания другой (если — то, потому что, оттого что и т. д.). Есть союзы, которые устанавливают взаимозависимые смысловые отношения между предложениями. Это, например, союзы противительные и разделительные. Присутствие такого союза делает оба предложения необходимыми друг для друга, для выражения их смыслового противопоставления. Следовательно, мы можем сказать, что семантические союзы ослабляют основную идею смысловой равноравнозависимости частей в сторону подчинения или взаимной зависимости. Если союз «и» актуализирует общее логическое соединение частей, то смысловая роль семантических союзов в его конкретизации. Грамматические же функции всей общности семантических союзов можно выявить, проследив, как они влияют на основную идею грамматической равноравнозависимости частей, которая выражалась в непричастности лексических составов к механизму объединения в свободном расположении частей, а также в не-

способности к разрыву одной части другою. С этих позиций грамматический смысл всей общности семантических союзов раздваивается. Некоторые из них, аналогично союзу «и», подтверждают общую грамматическую идею соединения, несмотря на дополнительную смысловую информацию, которую они сообщают отношениям между предложениями, т. е. своим присутствием предотвращают возможность разрыва одного предложения другим, а также сохраняют свободное расположение (союзы «да», «или», «либо», одиночные или повторяющиеся). Другие семантические союзы, наоборот, ослабляют грамматический смысл сочинения, и здесь можно выделить два разряда союзов.

Первый из этих разрядов составляют союзы, присутствие которых делает возможным разрыв структуры одного из предложений другим, т. е. они устанавливают между предложениями подчинительные отношения. Второй разряд составляют союзы, ослабляющие сочинение в сторону координации. В первый разряд входят подчинительные союзы, которые таковыми и являлись по традиционной классификации. Во второй разряд, однако, входят союзы, традиционно относимые к сочинительным (например, союзы *а, но, едва — как* и т. д.). Наличие этих союзов не допускает разрыва одной части другою, а только фиксирует определенный порядок их расположения относительно друг друга.

Итак, семантические союзы могут противоречить или не противоречить основной грамматической идее сочинительного способа объединения. В этом их синтаксическое значение. С другой стороны, как мы уже выше показали на примерах, семантические союзы конкретизируют смысловые отношения между предложениями, делают явным какой-то один смысловой оттенок из нескольких возможных, выделяют одно значение из всей многозначности общего содержания смыслового единства. Логическая роль семантических союзов — в актуализации конкретных смысловых связей. В плане конкретизации смысла семантические союзы противопоставлены союзу «и», семантика которого непостоянна и может быть как угодно широка. Зато союз «и» — это единственный союз, основная роль которого именно в актуализации грамматического и смыслового сочинения.

Связать союзом «и» можно все предложения, но не в любом порядке. Например, мы можем сказать: «Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться», но не можем построить смыслового единства, расположив их в обратном порядке: «Я вышел на воздух освежиться и душно стало в сакле». Дело здесь в том, что между данными предложениями существуют в скрытом виде подчинительные смысловые отношения (возможно введение включающего местоимения) и, видимо, достаточно сильные для того, чтобы не допустить объединения при помощи союза «и», воплощающего идею смыслового равноправия и неза-

всисмости. Таким образом, союз «и» может выступить критерием определения смыслового подчинения в СПП. Если предложения не допускают объединения при помощи союза «и» в любом порядке, то между ними существуют подчинительные отношения. Для определения вазимозависимых отношений этот критерий не подходит.

Рассмотрим с вышеописанных позиций актуализации грамматических и смысловых отношений бессоюзное объединение СП. Смысловая полисемантическая бессоюзия понятна. С этой стороны бессоюзие объединяется с союзом «и». Но интересно то, что при бессоюзии наблюдается не только смысловая, но и грамматическая многозначность. Если союз «и» утверждает собой сочинительные отношения, если семантические союзы утверждают или ослабляют сочинение в сторону подчинения или взаимной зависимости, то при бессоюзном объединении между частями СП могут устанавливаться весьма неопределенные грамматические отношения. Бессоюзное сочинение дает нам как примеры ослабления последнего в сторону подчинения, что выражается в возможности разрыва структуры одной из частей СП другой, так и примеры утверждения равноправных отношений, что проявляется в невозможности разрыва одной структуры другою. Собственно говоря, в бессоюзном СП могут в какой-то степени актуализовываться любые смысловые оттенки при помощи интонации: условные, уступительные, причинно-следственные, перечислительные, противительные и т. д. Нейтральная объединяющая интонация СП как бы подразумевает объединение при помощи союза «и».

«Душно стало в сакле, я вышел на воздух освежиться». (Лерм.) Особая интонация, выделяющая содержание первого предложения как причину содержания второго, делает возможным подразумевание в нем подчинительного «потому что», «так-как» и т. д. Если реально ввести союз причинно-следственного значения, то подчинительные отношения станут формально выраженными, и предложение «Я вышел, потому что душно стало в сакле, на воздух освежиться» воспринимается нами совершенно естественно. Бессоюзный его вариант «Я, душно стало в сакле, вышел на воздух освежиться» в принципе возможен, но несколько сомнителен. Чтобы язык не стал предметом для схоластических упражнений, необходимо обращать внимание на подобного рода натяжки. Но в данном случае, как кажется, мы имеем право на утверждение правильности предложения с точки зрения информанта. Дело здесь в письменной невыразительности интонационных оттенков. Если выделить «душно стало в сакле» не запятыми, а скобками, актуализировав его таким образом, натяжка в восприятии исчезает. Мы приобретаем право на утверждение того, что между частями этого предложения устанавливаются подчинительные отношения, имеющие формаль-

ное выражение, более слабое, однако, по сравнению с формальным выражением подчинения, которое мы имеем при союзном варианте. Кроме того, наш пример допускает выражение подчинительных отношений еще и потому, что в нем есть потенциальная возможность перехода из класса логического исключения в класс логического включения. Класс же логического включения вырабатывает способ объединения, воплощающий идею подчинения. Однако существуют и такие бессоюзные предложения, которые, имея подчинительную интонацию, т. е. интонацию, подразумевающую подчинительный союз, не выражают формально между своими частями отношений подчинения — не допускают разрыва одного предложения другим. Например, Ты успеешь — мы пойдем в кино.

Сказать: «Мы пойдем (ты успеешь) в кино» вряд ли допустимо, но «Мы пойдем, если ты успеешь, в кино», вполне возможно. Значит, в бессоюзном варианте этого предложения мы можем интонацией выражать те же самые конкретные смысловые отношения, которые выражаются семантическими союзами, но грамматические изменения, вносимые самими союзами, самим фактом их явления в составе СП, оказываются формально нейтрализованными. Таким образом, бессоюзный способ объединения — это способ, при котором как грамматические, так и смысловые отношения между частями СП имеют наиболее слабое выражение. Говорящий, строя предложение из двух исходных предложений, находящихся в отношениях смыслового исключения, может пользоваться только таким способом образования СП, при котором лексический состав объединяющихся предложений остается незатронутым. В зависимости от своего желания говорящий может актуализировать или ослаблять смысловые и грамматические отношения между частями. Для этого в его распоряжении находятся семантические союзы и бессоюзие как нулевое представительство средств связи. При любом, однако, выборе объединение происходит без нарушения самой формы объединяющихся фраз. Такой способ связи как соответствующий аналогичному способу связи слов можно назвать примыканием. По выражению тех или иных грамматических и смысловых отношений можно различать следующие виды примыкания:

- 1) сочинительным примыканием будет объединение при помощи союза «и» и грамматически синонимичных ему союзов. Формальным признаком его должно быть свободное расположение частей относительно друг друга, возможность их перестановки, не влияющая на смысловое соотношение частей;
- 2) подчинительное примыкание достигается объединением при помощи таких союзов, которые делают возможным разрыв одной структуры другой;
- 3) взаимозависимое примыкание получается при применении в

качестве средств связи союзов, фиксирующих определенный порядок расположения частей. Перемена мест в таком случае должна приводить к изменению смысла целого, к изменению смысловых отношений между частями.

По конкретным средствам связи эти три вида примыкания могут быть противопоставлены бессоюзному как союзное примыкание. Под первоначальной формой частей СП мы будем понимать структурный состав предложений до объединения. С этой точки зрения формы предложения при описанном способе объединения не соотносятся друг с другом. Включение союзов в структуру предложения при подчинительном и взаимозависимом примыкании не влияет на определение форм связи, если даже считать включение союза в структуру некоторым изменением формы предложения. В таком случае мы имели бы аналогию с так называемым именным примыканием при связи слов, т. е. случай, когда измененная форма совместима с любой другой, сочетающейся с ней формой. Но более веским аргументом в защиту определения чисто союзной связи как примыкательной, нам кажется, будет сопоставление союзной связи между предложениями с союзной связью между словами. Сравним предложения: «В кармане у него всегда была конфета или кусочек сахара» и «В кармане у него всегда была конфета, если не конфета, то кусочек сахара». В обоих примерах форма выражения структурных отношений между словами «конфета» и «кусочек сахара» одна и та же — согласование, в первом случае сочинительное, во втором — взаимозависимое.

II (—л +вм) (—л —вм)

Класс смыслового включения представляется соединением двух предложений, в лексическом составе которых нет общих лексических элементов, но одно из них имеет в своей структуре местоимение, включающее в «свое» предложение, содержание другого. Их смысловое соотношение определяется как подчинительное. Описываемый класс вырабатывает в форме СП способ объединения предложений, актуализирующий смысловое подчинение при помощи грамматического. В качестве средств связи в этом случае используется включающее местоимение и синтаксический союз. Данный способ объединения проходит в отличие от предыдущего через структуру одного из предложений. Включающее местоимение определенным образом трансформируется, становясь тем средством связи, которое традиционно называется «местоименно-соотносительным словом». Графически смысловое включение может быть показано так.

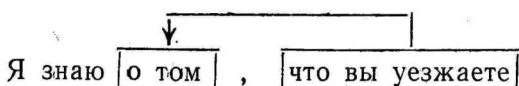
Вы уезжаете

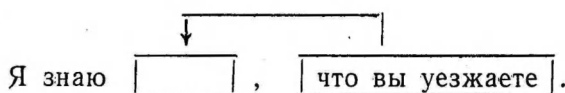
Я знаю

об этом

В форме СП смысловое включение одного предложения в другое сопровождается грамматическим:

СП этого типа по последним классификациям (Н. С. Поспелов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, В. А. Белашапкова) относятся соответственно к нерасчлененным, односоставным несвободным структурным типам, что подчеркивается структурной спаянностью частей в предложении. Отношения между частями СП именно этого типа легче всего отождествляются с отношениями между членами простого предложения: придаточное предложение имеет свое законное синтаксическое место в структуре главного, местоименно-соотносительное слово может замещаться придаточным предложением, происходит как бы вытеснение местоименно-соотносительного слова и укрепление придаточного предложения на его позициях.

В рассматриваемом способе образования СП части объединяются действительно так, что одна из них становится грамматически зависимой от того же слова, от которого зависит включающее местоимение. Операция свертывания это подтверждает. Устранение главного слова в пределах СП невозможно. Только бессоюзный вариант смазывает картину, но о грамматической многозначности бессоюзия мы уже говорили. В случае же наличия связующего союза односторонняя зависимость отношений между предложениями подтверждается всегда. На основании довольно многочисленных опытов можно сказать, что для определения зависимости совсем не обязательно проводить операцию свертывания для определения подчинительных отношений между предложениями. Возможность введения местоименно-соотносительного слова в структуру главного предложения является достаточно четким критерием для этого. Действительно, ведь включающее местоимение (местоименно-соотносительное слово) символизирует собой синтаксическое место придаточного предложения в главном. Придаточное предложение, занимая место включающего местоимения в главном, становится в самом деле второстепенным (или частью главного) членом того предложения, куда включается, парадоксально сохраняя при этом статус формально самостоятельного предложения. При этом интересно отметить, что то предложение, которое является

зависимым с точки зрения смысла, т. е. содержащее неинформативное местоимение, становится грамматически главным, т. е. таким, в пределах которого может передвигаться придаточное, и, наоборот — логически независимое предложение становится грамматически зависимым, но несмотря на это в объединении достигается именно его актуализация.

Класс смыслового исключения вырабатывает способ объединения, в котором воплощается идея как грамматического, так и смыслового сочинения одновременно. Описываемый класс логических отношений включения не дает нам такого способа, где бы оба вида подчинения реализовывались одновременно с наибольшей силой. Мы имеем здесь два способа, один из которых выражает подчинение грамматическое более четко, чем смысловое, другой, наоборот, подчеркивает смысловое отношение между частями.

Яркая выраженность актуального членения сопровождается ослаблением чистоты грамматических отношений, сильное проявление грамматических отношений вызывает ослабление актуальных.

Наиболее эффективное выражение смыслового подчинения мы имеем в том случае, когда СП использует для своего образования оба имеющихся у него для этого случая средства связи: включающее местоимение и союз. Логическое ударение в таких вариантах обычно падает на включающее местоимение, лексически пустое, но отправляющее внимание на содержание придаточного. Даже и в том случае, когда включающее местоимение интонационно не выделяется, сам факт его присутствия, подчеркивая смысловую синсемантическую предельность предложения, выдвигает на передний план другое предложение, наполняющее его конкретным содержанием.

Самая сильная реализация грамматических подчинительных отношений происходит тогда, когда включающее местоимение в СП отсутствует, т. е. когда включаемое предложение занимает свое место в структуре включающего. Передвижение зависимого предложения в пределах главного в этом случае ничем не ограничено. Этот факт и является показателем сильных грамматических подчинительных отношений. Явление включающего местоимения в главном предложении, если не закрепляет движение зависимого, то ограничивает его свободу тем, что прикрепляет к себе. Положение зависимого предложения перед включающим местоимением нежелательно.

Сравним: Она боялась, что дети заболеют.

Что дети заболеют, она боялась.

Она, что дети заболеют, боялась.

и

Она боялась того, что дети заболеют.

Преобразования аналогичные показанным, в предложении с включающим местоимением невозможны. Есть предложения, в какой-то степени допускающие препозицию подчиненного предложения при включающем местоимении, но в этом случае включающее местоимение само выносится на первое место в главном предложении:

Я уверен, что зверь вытянул бы лапу и стал бы скрести страницу. (Булг.)

Что зверь вытянул бы лапу и стал бы скрести страницу, в том я уверен.

Кроме того, они все же воспринимаются информантом, как не совсем нормальные. Следовательно, включающее местоимение, как видим, направлено на подрыв грамматических подчинительных отношений. Оно ослабляет собой идею грамматического подчинения в сторону взаимной детерминации.

При этом оказывается, что грамматическая независимость главного предложения проявляется наиболее четко также при отсутствии включающего местоимения: ведь наличие включающего местоимения в главном предложении, если и допускает его автосемантическое употребление, то все же с некоторым трудом, отсутствие же его подчеркивает способность главного предложения к самостоятельному употреблению и его полную грамматическую независимость от второй части.

Здесь нужно оговориться, что далеко не все СП реализуются в варианте сильного грамматического подчинения. Устранение включающего слова из главного предложения вовсе не всегда возможно. Его присутствие необходимо в том случае, когда включающее местоимение входит в состав сказуемого и обуславливается конструктивными законами существования предложения:

Обстановка была такая, что медлить не приходилось.

В другом случае необходимость наличия включающего местоимения связана со степенью его смысловой обязательности. Наибольшее количество примеров, не допускающих исключения включающего местоимения, относится к таким предложениям, где включающие местоимения грамматически слабо связаны с другими элементами, там, например, где они находятся в сочинительных отношениях с другими элементами. В предложении «Она боялась, что дети заболеют» отсутствие включающего местоимения в СП возможно именно в силу его грамматической и смысловой необходимости, которая ярко проявляется в случае СПП.

Дети заболеют. ↓
Она боялась [этого].

Наличие «этого» в сочетании совершенно необходимо, иначе связного текста не получится. В совсем ином положении находится включающее местоимение, например, в таком предложении:

Я так привык к одиночеству, что появление другого человека меня испугало.

Наличие включающего местоимения для связности текста в этом случае СПП вовсе не обязательно. Возможны варианты трансформации:

1) Я привык к одиночеству. Появление другого человека меня испугало бы.

2) Появление другого человека меня испугало бы. (Так) я привык к одиночеству.

Именно ослабление типа логических отношений, позволяющее переход в другой тип отношений, при объединении СПП в СП описываемым способом делает необходимым присутствие включающего местоимения в главном предложении. Другими словами, «слабые» смысловые отношения включения позволяют конструировать СП данным способом только в «слабом» его варианте, тогда как для предложений с «сильными» смысловыми отношениями возможны как «сильный», так и «слабый» вариант. Вариант бессоюзного объединения, который правильнее было бы назвать бессвязочным, так же, как бессоюзие при логически независимых отношениях, нейтрализует смысловые и грамматические отношения подчинения. Обычно бессвязочное воплощение подчинительных смысловых отношений допускает передвижение зависимой части в пределах главной, сохраняя тем самым признаки грамматического подчинения, но позволяет и взаимную перемену позиций, что является в свою очередь, признаком грамматического сочинения. В бессвязочных реализациях происходит слияние обоих рассмотренных типов смысловых отношений. Относительно бессвязочного варианта надо сказать, что он также возможен не для всех предложений. Его не образуют те СП, которые имеют включающее местоимение в составе сказуемого. Предложение «Впечатление таково, что рассказ писали два человека» может быть представлено как «Впечатление таково: рассказ писали два человека», т. е. с включающим местоимением, но без союза. Этот вариант можно назвать бессоюзным. Обычно же устранение союза при наличии включающего местоимения невозможно: «Я знаю о том: вы уезжаете» звучит странно. Бессоюзный вариант сохраняет идею актуализации логических отношений подчинения, но исключает всякое передвижение одного предложения в другом и фиксирует определенное расположение частей, т. е. ослабляет грамматические отношения подчинения в сто-

рону взаимной зависимости. Итак, описываемый способ образования СП имеет в общей сложности четыре варианта.

Первый выражает наиболее ярко идею смыслового подчинения и пользуется формой связи, которую коротко можно обозначить как «включающее слово — союз».

Второй дает нам наиболее четкое выражение грамматического подчинения и сокращает при этом количество средств связи, пользуясь одним союзом.

Третий, который мы назвали бессоюзным, ослабляет грамматическое подчинение в сторону взаимной зависимости, но сохраняет своей структурой определенное актуальное членение всего СП. В качестве связи использует только включающее местоимение.

Четвертый, названный бессвязочным, нейтрализует как грамматические, так и смысловые отношения внутри СП.

Грамматическое значение включающего местоимения заключается в том, чтобы показывать синтаксическое место включаемого предложения во включающем. Включающее местоимение является формальным показателем грамматической зависимости включаемого предложения от того слова в главном предложении, к которому относится само включающее местоимение.

Грамматическое значение союзов при данном способе объединения заключается в сигнализации подчинительных отношений. Из всех союзов, употребляемых при описанном способе объединения, союзы «что» и «чтобы» являются чисто синтаксическими союзами, несущими идею грамматического подчинения. Число применяемых семантических союзов данного типа смысловых отношений довольно ограничено в силу достаточной определенности данных смысловых отношений, ограниченности их смысловой многозначности. Наиболее употребительными из семантических союзов являются т. н. сравнительные союзы «словно», «точно», «как будто», «будто».

Употребление союзов «словно», «будто» и «как будто», связано со значением включаемого предложения. Они призваны сообщить, что содержание включаемого предложения является не реальностью по отношению к первому, а художественным сравнением, предположением, видением, сном.

1) Столкнувшись с этим человеком, я почувствовал себя так, словно на меня медведь навалился.

2) Было похоже, будто с ней приключилось несчастье.

3) В бреду ему чудилось, как будто он попал под дождь.

Заметим, что наряду с их самостоятельным применением в качестве средств связи всегда возможно одновременное их использование с синтаксическим союзом «что». Сравнительные и другие семантические союзы (если, как — временного значения) никак не влияют на основные подчинительные отношения — не

ограничивают передвижения зависимого предложения в пределах главного. Выбор того или иного союза зависит от существующих смысловых отношений между предложениями, или от конкретной семантики самого придаточного предложения, или от дистрибутивной характеристики управляющего слова. Не разбирая сейчас все случаи, подробно остановимся для иллюстрации сказанного на союзе «чтобы». Употребление союза «чтобы» связано, во-первых, с функциональными особенностями включаемых предложений: они не могут, в связи с отсутствием парадигмы по категориям времени и наклонения, менять модально-временную характеристику. Предложение с инфинитивом в качестве одного из главных членов, со значением чаще всего приказа, просьбы, желания, объединяясь с другим предложением в сложное, требует союза «чтобы».

1) Обязанность его заключалась в том, чтобы выдавать инвентарь.

2) План заключался в том, чтобы свалить как можно скорее с плеч эти очерки и по ночам опять-таки писать. (Булг.) Во-вторых, выбор союза «чтобы» обусловлен дистрибутивной характеристикой управляющего слова. Слова со значением желания, приказа, волеизъявления и т. д. требуют при подчинительном предложении союза «чтобы»: «Я хочу, чтобы он поскорее уехал». Наличие сослагательного или повелительного наклонения в придаточном предложении также определяют постановку именно союза «чтобы», а не какого-либо иного подчинительного союза в качестве средства связи при данном способе объединения.

Описанный способ объединения принципиально отличается от предыдущего. Образование СП в форме **примыкания** происходит таким образом, что предложения соотносятся друг с другом в целом. Способ, в котором реализуется идея **подчинения** объединяет предложения так, что устанавливаются синтаксические отношения между каким-то определенным словом одного предложения и целым другим. Включающее местоимение вводит придаточное предложение в главное в качестве одного из его членов. Потому при этом способе объединения отношения между предложениями в целом всегда подчинительные, что и отражается в возможности передвижения придаточного в пределах главного, пусть иногда довольно ограниченного. Синтаксические отношения между включающим местоимением, с одной, и вводимым им предложением, с другой стороны, можно определить как **тождественные**, ибо они полностью взаимозаменяемы. Следовательно, внутри способа включения одного предложения в структуру другого можно различать **сочинительные, подчинительные** и **взаимозависимые** отношения, устанавливающиеся между придаточным предложением и тем словом, с которым оно соотносится, через включающее местоимение. То есть включаю-

щее местоимение — тот формальный сигнал, по которому мы судим о структурных взаимоотношениях главного слова и зависимого предложения.

Но включающее местоимение, кроме того, есть еще и грамматическое средство связи, т. е. форма, через которую зависимое предложение входит в главное. И если предположить, что форма включаемого предложения как-то изменяется, входя в систему отношений другого предложения, то отношение его форм с главным словом будет не непосредственным, а через включающее местоимение. Соотношение форм включающего местоимения и средств, выделяемых для связи (т. е. форм связи) включаемым предложением, и будет тем материалом, который позволяет определить нам типы форм включения предложения. Таким образом, вероятно будет удобнее, во избежание терминологических пересечений, первый описанный нами способ объединения назвать **не примыкательным, а присоединяющим**. Внутри себя присоединение различает сочинение, подчинение и взаимную зависимость, осуществляемые с помощью чисто союзной связи. Второй способ назовем **включающим**.

Надо сказать, что механизм связи между включающим местоимением и включаемым предложением можно определить как всегда взаимонаправленный друг к другу, даже если определенное изменение формы включающего местоимения по отношению к его обычной форме в СПП (этот-то, этого-того)* считать несущественным, о направленности всего главного предложения к связи говорит интонация. Зависимое же предложение имеет множество способов показать свою зависимость.

Способ включения характеризуется тем, что средством связи со стороны главного предложения являются всегда только одно включающее местоимение. В рассмотренном нами способе, реализующим идею грамматического и смыслового подчинения, средством связи для придаточного является подчинительный союз. Само включаемое предложение при этом остается качественно и количественно неизменным. Надо сказать, что замена одного включающего местоимения другим не отражается на форме связи со стороны придаточного предложения.

Сравним: Было неудобно то, что танцевали на ковре.

Было неудобно оттого, что танцевали на ковре.

Я буду рад тому, что вы придете.

Такое отсутствие соотношения форм назовем примыканием. Данные средства связи, кроме того, являются факультативными с обеих сторон: возможно устранение союза при включающем местоимении (бессоюзный вариант), возможно устранение как сою-

* Кстати, иногда форма включающего местоимения действительно не трансформируется: Этого случая не было, о котором вы говорите.

за, так и включающего местоимения одновременно (бессвязочный вариант), что еще раз говорит в пользу определения отношений «включающее местоимение — союз» как примыкательных.

Класс смыслового включения имеет еще один вид реализации, который осуществляет только логическое подчинение без грамматического. Включающее местоимение в этом случае трансформируется соответствующим образом и присоединяется в таком виде к логически главному предложению, ведя за собой остальную часть придаточного. Анализ отношений, возникающих при этом способе между частями СП, показывает, что их можно назвать сочинительными, поскольку операция свертывания не обнаруживает управляющего слова.

Учитель быстро ходил по классу, ни слова не говоря, что было дурным признаком.

Бессвязочный вариант возможен только для предложений со «слабыми» смысловыми отношениями включения.

Танцевали на ковре, отчего было неудобно. (Булг.)

Танцевали на ковре: было неудобно.

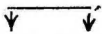
С точки зрения формы связи этот вид объединения можно назвать сочинительным местоименным присоединением, т. к. форма, которую приобретает предложение с включающим местоимением, не определена и не зависит от соединяющегося с ним предложения и совместима с любым другим предложением.

III (—л +вм) (—л +вм)

Этот тип смысловых взаимоотношений был определен нами как тип взаимной смысловой зависимости. Реализуется он только в форме СП. Дело в том, что включающие местоимения воспринимаются как общие лексические элементы, дающие эффект лишь смыслового пересечения и только потенциально выражающие возможные логические отношения между предложениями. СПП «Он таков. Таким она его себе представляла.» ничего не говорит нам о смысловой зависимости предложений друг от друга. В форме СП смысловая взаимосвязанность выражена ярче, определеннее: «Он таков, каким она его себе представляла.» Однако и здесь при явно выраженной взаимной смысловой зависимости чувствуется некоторый перевес в сторону односторонней зависимости. Вероятно, невозможное одновременное полное взаимопроникновение смыслов. Этот факт смысловых отношений находит вполне адекватное выражение в грамматических отношениях между частями СП.

Грамматический смысл координационной связи состоит в наибольшей степени сохранения равнозависимых отно-

шений. Идеальная реализация таких отношений должна была бы проявиться в равной возможности разрыва одной структуры другой. Но язык, к сожалению, не дает нам примеров, иллюстрирующих данное теоретическое предположение. В действительности оказывается, что чистой, направленной в обе стороны грамматической зависимости между предложениями не существует. Объединение происходит всегда способом включения одного предложения в другое. Однако операция свертывания показывает, что в обеих частях СП есть слова, устранение которых разрушает СП. Кроме того, если устранение включающего местоимения в главном предложении (в том, которое допускает разрыв своей структуры) почти всегда возможно, то исключение включающего местоимения из состава зависимого предложения невозможно вообще. Логическая и грамматическая координация проявляется в таком способе объединения предложений с включающими местоимениями, когда в качестве средств связи используются именно сами включающие местоимения. Наиболее яркое воплощение идеи взаимной зависимости, как логической, так и грамматической находит в том случае, когда устранение включающего местоимения в главном предложении невозможно, как, например это невозможно в приведенном нами выше предложении. Как правило, в таких предложениях ограничена и возможность передвижения зависимой части в пределах главной. Устранение включающего местоимения дает вариант объединения, значительного ослабляющий идею координации в сторону подчинительных отношений. Ослабляется в этом случае и смысловая взаимозависимость. Описанная форма связи «включающее местоимение — включающее местоимение» может быть определена как согласование. В самом деле, если под изменением формы предложений мы условились понимать лексические варианты включающего местоимения, то в этом случае мы имеем определение формы придаточного предложения формой главного и наоборот, наличие определенного включающего местоимения в зависимом диктует форму главного.

Он таков, каким она его представляла.

Он тот, кем она его представляла.

Он то, чем она его представляла.

Бессвязочных вариантов СП данный тип смысловых отношений не образует, что тоже в свою очередь подчеркивает взаимозависимую форму связи.

IV (+л) (—л)

В класс смыслового пересечения (+ —вм) (+л —вм) в принципе могут входить все СПП, имеющие в своем лексическом составе пересекающиеся лексические элементы. Легко заметить, что этот класс имеет некоторые общие черты с классом смыслового исключения. В частности, несмотря на формально выраженную смысловую связь предложений, этот класс не имеет формального выражения смысловой зависимости частей друг от друга. Отсюда вытекают его многозначность, характерная и для класса смыслового исключения. Например, два предложения «Матрос протянул портсигар соседу. Сосед отказался.» могут быть осмыслены по крайней мере двояко:

1) Хотя матрос протянул портсигар соседу, но тот отказался.

2) Матрос протянул портсигар соседу, который отказался.

Так же, как предыдущие инварианты логических отношений, описываемый инвариант вырабатывает форму объединения, актуализирующую смысловое пересечение. В качестве средств связи в этом случае используются именно пересекающиеся лексические элементы, чем и достигается вынесение их на передний план. Этот прием используется как в СПП, так и в сложном предложении, но в форме СП данные смысловые отношения выявляются значительно рельефнее. Когда предложения, имеющие общие лексические элементы, объединяются в смысловое единство, используя в качестве средств связи именно эти одинаковые лексические единицы, то со смысловой стороны между предложениями необходимо устанавливаются атрибутивные отношения. В обоих предложениях речь идет об одном и том же «предмете». При этом, одно из предложений должно выступить в качестве исходного сообщения о «предмете», а другое в качестве определяющего его, в качестве нового сообщения о «предмете». Возможности стать главным, или определяющим, у обоих предложений равные. Какому предложению стать главным, а какому — определителем «предмета» в главном, диктуется коммуникативным заданием. Важно то, что форма предложения, которое становится определителем, меняется таким образом, что она сама говорит об атрибутивных функциях предложения. Для этого общий лексический элемент в нем теряет свое лексическое значение, заменяясь своеобразным грамматическим символом слова, сохраняющим грамматические категории исчезнувшего слова и его грамматические функции как члена предложения. Части речи имеют каждый свои определенные символы, наилучшим образом сохраняющие основные грамматические категории слова, характеризующие его со стороны принадлежности к тому или иному морфологическому классу. Для слов субстан-

тивного класса, например, таким универсальным символом будет символ «который», всегда дающий возможность определить род, число и падеж исчезнувшего слова. Присущность этих же грамматических категорий символу позволяют ему также нести те грамматические функции слова, которое оно выполняло в качестве определенного члена предложения. В нашем примере общим лексическим элементом является существительное «сосед». Предложение «Матрос протянул портсигар соседу.» становится главным, т. е. содержащим в своей структуре определяемый предмет, а предложение «который отказался» — определяющим. Как видим из его лексического содержания исчез «сосед», но остался некий грамматический робот «который», выполняющий функции «соседа» как подлежащего. В то же время предложение с грамматическим символом вместо законного полнозначного слова лучше показывает смысловую атрибутивность его, так как лексическая наполненность «соседа» только мешала бы восприятию предложения как определяющего. В определяющем предложении и невозможно восстановление лексического состава определяющего предложения именно потому, что с точки зрения количества и грамматического качества элементов состав не изменился, исчезло только лексическое содержание одного из его элементов.

Поскольку описываемый класс чистого смыслового пересечения и последующие два (смыслового пересечения с включением (+л +вм) (+л —вм) и смыслового пересечения с взаимным включением (+л +вм) (+л +вм) могут быть противопоставлены трем предыдущим как не содержащим общих лексических элементов дальнейшее описание классов с пересекающейся лексикой удобно вести одновременно, дабы на фоне того общего, что они имеют, яснее вырисовывалось их различие.

Дело в том, что, вследствие наличия лексической общности, все три класса, вырабатывая свой способ, наиболее ярко воплощающий основную идею смыслового инварианта, пользуются в качестве средств связи общими лексическими единицами и поэтому всегда между частями вырабатываемого ими смыслового типа СП устанавливаются атрибутивные отношения в самом широком понимании. Однако эти в общей сложности атрибутивные смысловые конструкции отличаются друг от друга формальной выраженностью смысловой иерархичности отношений друг с другом. Рассматриваемый нами класс чистого лексического пересечения образует атрибутивные конструкции в форме сложного предложения так, что между частями конструкции устанавливаются смысловые отношения констеллятивного характера, что выражается в смысловой невозможности введения включающего местоимения в их структуру. «Матрос протянул портсигар **тому** соседу, который отказался» звучит нехорошо, неправильно, именно со стороны смысловых отношений

между предложениями. Включающее местоимение как показатель смысловой зависимости не устанавливается в данном предложении именно потому, что здесь между предложениями существуют не подчинительные, а сочинительные смысловые отношения присоединительно-распространительного характера. Приведем еще несколько примеров предложений этого смыслового типа, логически не допускающих введения включающего местоимения:

- 1) Стучался Ваня, который опоздал на поезд.
- 2) Ты сегодня же должен поговорить с отцом, который иначе будет беспокоиться о твоём отъезде.

Нежелательность введения включающего местоимения в этих предложениях — свидетельство смысловых сочинительных отношений между ними. В то же время класс логического пересечения с включением (+л +вм) (+л —вм), пользуясь той же формулой средств связи «лексическая единица — ее символ», строит отношения между членами атрибутивной конструкции так, что между ними устанавливаются подчинительные смысловые отношения. Определяемое слово имеет или допускает введение включающего местоимения при себе, как формального показателя смысловой односторонней зависимости между предложениями. Так, пример «Врач надавал мне множество советов, которые я пропустил мимо ушей» совершенно меняет свой общий смысл с введением включающего местоимения. Смысл СП «Врач надавал мне множество таких (тех) советов, которые я пропустил мимо ушей» в том, что «советы» были такие, что их можно или нужно было пропустить мимо ушей, тогда как смысл этого же предложения без включающего местоимения в том, что врач давал советы, а слушающий пропускал их мимо ушей, быть может, в силу овоей невнимательности. Анализируемое предложение в принципе допускает введение включающего местоимения, уточняющего его смысл. Без включающего местоимения предложение допускает вариации в его понимании. Класс логического пересечения с взаимной смысловой зависимостью частей (+л +вм) (+л +вм) строит отношения между частями атрибутивной конструкции так, что между ними устанавливаются взаимозависимые смысловые отношения, которые формально проявляются в наличии включающего местоимения в обеих частях конструкции. Особенностью данной конструкции является то, что к функциям грамматического символа прибавляется еще одна — функция включающего местоимения. Наш пример в этом случае мог звучать бы как «Врач надавал мне множество таких советов, какие я пропустил мимо ушей.». Все сказанное об отношениях между частями атрибутивных конструкций относится к характеристике их смысловых отношений. С точки зрения грамматической организации, описанные конст-

рукции не отличаются друг от друга. Они образуются способом включения одного предложения в другое.

Подчинительные отношения между предложениями в целом проявляются, во-первых, в возможности разрыва одной структуры другою, а также в грамматической правомерности введения включающего местоимения во всех случаях. Не отличаются они друг от друга и используемым в качестве средств связи материалом. Главное предложение, как всегда при включающем способе, связывается с придаточным с помощью включающего местоимения. Зависимое предложение присоединяется к главному при помощи грамматического символа. В тех случаях, когда между предложениями устанавливаются сравнительные отношения, в качестве средства связи употребляются союзы «чем» и «как». Употребление этих подчинительных союзов для связи предложений с пересекающейся лексикой связано с некоторыми особенностями по сравнению с употреблением союзов в остальных случаях. Во-первых, данные союзы никогда не бывают факультативными. Они входят в структуру придаточного настолько основательно, что их устранение в пределах СП невозможно.

Мать испекла такой пирог, как любил отец.

Ничего нет хуже (того) товарищи, чем малодушие и неуверенность в себе. (Булг.)

Во-вторых, включение союзов в предложение сопровождается уменьшением количественного состава зависимого предложения (за счет общих элементов), не восстанавливаемого в пределах СП. Оба эти признака, неустранимость связующего звена в зависимом предложении и невозможность восстановления лексического состава, характерны для способов, отражающих смысловое пересечение предложений.

Способ актуализации чистого смыслового пересечения и способ актуализации смыслового пересечения с включением грамматически совершенно тождественны. Они отличаются друг от друга лишь логической характеристикой. Включающее местоимение при главном слове связывается с грамматическим символом, который в зависимости от коммуникативного задания может принимать различные виды. Обязательность связующего элемента в составе включаемого предложения и изменения в его конструкции мы принимаем за известное состояние формы зависимого предложения, причем такое состояние, которое возможно только при определенных лексических отношениях между объединяющимися предложениями. Мы, конечно, не имеем здесь четкой аналогии с формами связи в простом предложении и только в силу некоторого несоответствия условно можем назвать данную форму связи **управлением**.

Тот случай, когда символ замещенного слова в придаточном предложении принимает вид соответственной включаемому мес-

тоимению и когда его форма предполагает только определенную форму включающего местоимения в главном, т. е. случай совмещения управления с согласованием, назовем полным согласованием.

Это был такой умелец, какого теперь днем с огнем не найдешь.

Итак, мы выделили для каждого класса смысловых отношений свой характерный способ образования СП. Мы имеем шесть способов объединения частей СП, где средства соединения совмещают функции грамматической и смысловой связи. Два из них, способ чистого смыслового пересечения и способ смыслового пересечения с включением, с точки зрения форм связи, не отличаются друг от друга. Все способы структурного, смыслового и грамматического объединения можно сгруппировать следующим образом.

I способ. **Присодинающий.** Характеризуется формальной непричастностью составов предложений к средствам связи, введение включающего местоимения невозможно. Имеет два подспособа, различающихся связующим материалом. Первый, союзный, пользуется только внешними средствами связи — союзами. Союзы как средство объединения частей СП сочетают в себе функции показателей смысловой и грамматической связи. Второй, местоименный, пользуется включающим местоимением (которое, как входящее в состав предложения, можно назвать внутренним средством связи), в одном из предложений для осуществления смыслового и грамматического единства.

II способ. **Включающий.** Характеризуется грамматическим включением одного из предложений в структуру другого. Возможность введения включающего местоимения — общий признак данного способа. Включение предполагает постоянно подчинительные отношения между предложениями в целом. Сама связь при этом способе может быть более или менее прочной. В зависимости от того, что используется в качестве средств связи, возможно разделение на следующие подспособы:

1) «Включающее местоимение — союз».

Этот род связи обеспечивает наиболее чистое грамматическое подчинение. Возможно изменение смысловой связи с одновременным изменением синтаксических отношений между частями, достигаемое поочередным устранением средств связи с обеих сторон или одновременное их устранение, образующее бессоюзное единство. Полученное бессоюзное единство может быть названо подчинительным только потенциально, так как лишено всех формальных признаков подчинения как грамматических, так и смысловых и фактически не отличается от присоединяющего бессоюзия.

К данному подспособу включения относится также связь «включающее местоимение — относительное (вопросительное) местоимение», которая принципи-

ально не отличается от связи «включающее местоимение — союз». Функции союза в этом случае выполняются местоимениями вопросительного или относительного характера, несколько видоизмененными в последнем случае. Эти связующие местоимения не имеют какого-либо отношения к выражению смысловых отношений между предложениями. Выделение их в качестве связующих звеньев обусловлено реализацией актуального членения. Дело в том, что включение при помощи союза актуализирует все придаточное предложение в целом: «Я не знал (того), о чем они пишут.» Но с точки зрения выражения смыслового **соотношения** частей функции местоимения, если оно не имеет включающего значения, не отличаются от функции союза. Эти две разновидности связи отличаются друг от друга только связочным материалом.

2) **«Включающее местоимение — включающее местоимение».** Подспособ, выражая в средствах связи идею взаимной связанности смыслов, ослабляет грамматическую подчинительную связь в сторону координации, которая наиболее сильно проявляется при наличии обоих связующих элементов. Ослабление грамматической и смысловой связи возможно и в этом случае, но такое ослабление все же нельзя довести до нейтрализации характера отношений. Допускается устранение включающего местоимения в главном предложении, но ни в коем случае не в зависимом. Бессоюзной реализации данный подспособ не дает. Невозможность сокращения средств связи в подчиненном предложении обусловлена смысловыми отношениями, находящими выражение в этом виде объединения, но может также служить критерием различия союза и местоимения.

Я занесу в протокол **то, что вы говорите!** (Булг.)

3) **«Включающее местоимение + лексическая единица — грамматический символ».**

Подспособ выражает в средствах связи идею смыслового пересечения как чистого, так и смешанного с включением. В первом случае включающее местоимение в главном играет чисто грамматическую роль, во втором — она осложняется смысловыми функциями. Грамматическая роль символа замещенного слова, общего для обоих предложений, может меняться. Например, в предложении «Деревня, которая стояла на берегу озера, сгорела» символ является, во-первых, средством связи, обеспечивающим в силу своей обязательности грамматическую связь со стороны придаточного к глаголу предложения. Во-вторых, она выполняет функцию подлежащего, т. е. ту функцию, которую имела заменяемая им «деревня». В-третьих, он сохраняет в себе все категории «деревни» как представителя субстантивов: род, число, падеж. В данном случае мы имеем предельно нагруженное функциями средство связи. Число функции не всегда одинаково. Описываемый вид связи допускает замену символов, не

совсем равноценных между собой по грамматической и смысловой нагрузке. В предложении «Деревня, что стояла на берегу озера, сорела» (Пушк.) по средству связи мы можем определить только то, каким членом предложения была бы «деревня», но не ее принадлежность к классу существительных.* Здесь мы имеем несколько уменьшенную нагрузку на символе по сравнению с «которым». В зависимости от того, каким членом предложения являлось слово, меняется соответственно лексическая основа символа. Так, символ «который» в предложении «Я прошу отвести оркестру такое место, в котором он мог бы играть», может быть заменен на символ «где», вследствие того, что заменяемое слово в предложении обстоятельство: «Я прошу отвести оркестру такое место, где он мог бы играть», (Булг.)

Адъективная лексика как не употребляющаяся самостоятельно не имеет особых грамматических символов. Кроме того, символ «который» способен отразить в себе все грамматические признаки как определения, так и прилагательного. Так что, когда общей является лексическая группа «определение-прилагательное + существительное», то символ «который» совмещает в себе все грамматические признаки, необходимые для обозначения ее грамматических категорий и функций.

Адverbальная лексика, обычно выступающая в предложениях в роли обстоятельств имеет соответствующие символы «где», «куда», «когда» и т. д., совмещающие в себе признаки обстоятельство и наречий.

Символ может переходить в союз, т. е. может при соответствующих смысловых отношениях терять способность выражения грамматических свойств и функций замещенного слова и становиться абстрактным средством связи — союзом. Однако это происходит действительно только при определенных смысловых отношениях, а именно при сравнительных отношениях между частями. В общем определительные отношения могут иметь ведь различный характер: «тот — который» и «тот — что» отличаются от «такой — который», «такой — что» именно смысловым характером определения. Здесь возможны различные толкования смысловых отношений, но кажется, в самом общем плане можно сказать, что если первые пары корреляторов имеют целью какое-то бесотносительное определение, то вторые направлены на сопоставление, сравнение качеств, свойств общих «предметов». Сравним:

Мать испекла *тот пирог, который* любил отец.
Мать испекла *тот пирог, что* любил отец.

* О том, что в данном случае «что» не союз, говорит тот факт, что его появление возможно только в тех случаях, когда зависимое слово является подлежащим. Замена такого «что» на «который» всегда возможна и подтверждает его определение как грамматического символа замещенного слова.

и

Мать испекла *такой пирог, который любил отец.*

Мать испекла *такой пирог, что любил отец.*

Мать испекла *такой пирог, как любил отец.*

В последнем варианте предложения символ стал союзом, потеряв все возможности отражать признаки замещенного слова, но сохранив способность своим присутствием не допускать восстановления лексического состава зависимого предложения. Сравнительные отношения могут быть также выражены союзом «чем». Дело в том, что сравнивая смыслы двух предложений, можно подчеркивать их равенство (такой же — как), но бывает, что в сравнении смыслов выявляется их неравенство и для его выражения служит союз «чем». Особенностью выражения смыслового неравенства «общих предметов» является то, что в качестве включающего местоимения здесь выступают компаративы. Факт этот вполне объясним: местоимения не имеют степеней сравнения. Поэтому в роли включающего местоимения в сравнительной степени выступают различные прилагательные или наречия в сравнительной степени.

Мать испекла пирог *иначе, чем любил отец.*

Мать испекла пирог *более сладким, чем любил отец.*

Особо следует остановиться на случае пересечения вербальной лексики. Смысловое определение одного глагола другим возможно только через его распространителей. Глаголы не имеют аналогичную другим морфологическим классам своего грамматического символа для выражения отношений пересечения. Поэтому сравнение действия или состояния происходит на уровне сравнения распространителей глагола: дополнений и обстоятельств.

Случай осложнения грамматического символа функций включающего местоимения, вероятно, также не стоит выделять в особый грамматический подспособ. Наша классификация способов объединения строится на противопоставлении средств связи, которые в выражении смыслового пересечения с взаимной зависимостью остаются теми же, что и в предыдущем: «включающее местоимение — грамматический символ», только к функциям грамматического символа добавляется еще одна и форма его координируется с формой включающего местоимения в главном.

Подспособы 2 и 3 имеют некоторое сходство между собой. Они различаются природой связующих средств и соотношением форм средств связи (второй — управление, третий — согласование), но объединяются в свойстве не допускать устранения связующего элемента из зависимого предложения. Общей для них является и неспособность ослабления связи до ее нейтрализации: они не образуют бессоюзных единств. Это может слу-

жить основанием для выделения во включающем способе всего лишь двух подспособов, различающихся уже не формами связи, а ее структурной характеристикой:

- 1) подчинительное включение,
- 2) координационное включение

Теоретически мы можем предположить существование сочинительного включения. Такой подспособ должен бы сохранять признаки грамматического подчинения одного предложения другому, т. е. допускать введение включающего местоимения в главное предложение, или же допускать какое-то передвижение зависимого предложения в пределах главного, но в то же время оставлять непричастными к объединению формы самих предложений. Нам кажется, что в таком случае к сочинительному включению можно отнести те бессвязные СП, которые допускают разрыв одной структуры другою. Определение бессвязочного включения как сочинительного дает нам право те бессвязочные предложения, которые не допускают разрыва одной структуры другою, определить как сочинительное примыкание, тем самым разделив все бессоюзие на два разряда, противопоставленные друг другу способом объединения, но нейтрализующие смысловые отношения между частями СП.

Итак, мы выделили два основных способа образования СП, присоединяющий и включающий, каждый из которых реализует своими средствами сочинительную, подчинительную и координационную грамматическую связь между предложениями. И если продолжить аналогию СП со сложным словом, то, как сложное слово в смысле цельнооформленности расположено где-то между словом и словосочетанием, так сложное предложение располагается в пределах между простыми предложениями, с одной стороны, и СПП — с другой. Если цельнооформленность СПП равна нулю, то цельнооформленность отдельного простого предложения — единице. Цельнооформленность СП должна находиться где-то между ними и изменяться, с одной стороны, к цельнооформленности простого предложения, с другой — к цельнооформленности СПП.

Действительно, в языке есть СП, приближающиеся по степени слитности частей к простому предложению и даже чрезвычайно легко трансформируемые в простые:

Я знаю, что вы уезжаете.

Я знаю о вашем отъезде.

С другой стороны мы имеем такие СП, которые едва отличаются от СПП:

Душно стало в сакле, я вышел на воздух освежиться. (Лерм.)

Трансформация этого предложения в два простых не представляет никакого труда. Стоит лишь сообщить частям СП интонацию простых, как СП исчезает, заменяясь бинарным СПП.

Таким образом, цельнооформленность не есть что-то застывшее и неизменяемое, она может меняться в зависимости от воли говорящего, сужая и расширяя диапазон многозначности всего СП.

С этой стороны подспособы представляют собой некую градиционную систему, предоставляющую говорящему право выбора той или иной степени связанности как логической, так и грамматической. Механизм создания связанного текста упрощенно может быть представлен следующим образом. Говорящий производит выбор типа логической синтагмы, затем выбор способа ее выражения в зависимости от коммуникативного задания. И на этом этапе у него может быть несколько ступеней. Во-первых, он может реализовать выбранную им логическую синтагму или в форме СПП или в форме СП. Во-вторых, каждая из этих основных форм может быть, в свою очередь представлена в нескольких вариантах, в зависимости от средства связи.

3. Функциональные классы сложного предложения.

Теперь, когда мы имеем определенное число инвариантов логических синтагм и систему способов образования СП, мы можем определить парадигму каждого функционального класса СП. Те же самые структурные формулы инвариантных типов логических отношений естественно конституируют инвариантные типы СП не только потому, что СП — форма реализации логических типов, но еще и потому, что для своего грамматического оформления СП использует именно те элементы языка, которые в СПП служат только для выражения логических отношений. Таким образом, система инвариантных типов СП оказывается построенной.

Набор вариантов способов образования, другими словами, набор определенных форм связи для каждого инвариантного типа составляет его парадигму.

Мысль о том, чтобы рассматривать СП не только в качестве члена синтагматического ряда, но и в качестве члена парадигматического ряда высказывалась некоторыми лингвистами. Проф. Т. П. Ломтев, например, говорит: «Предметной областью парадигматических отношений является значимость; с помощью парадигматических отношений изучаются единицы по их значимости, семантике, содержанию. Парадигматические отношения лежат в основе так называемого трансформационного анализа или метода преобразования» [3].

Однако проф. Т. П. Ломтев определяет парадигматический ряд СП через общность семантики. В этом случае:

во-первых, в одном классе предложений оказываются предложения самых различных структур;

во-вторых, благодаря замене средств связи синонимичными список вариантов значительно удлинился бы.

Нам кажется, что в парадигматический ряд СП нужно включать не все возможные смысловые варианты, а только те, которые отличались бы друг от друга способом образования: качеством и количеством средств связи, и соответственно степеню необходимости друг в друге, т. е. парадигму должны составлять только грамматические варианты.

В принципе для каждого инварианта должны были бы быть реальными все способы образования СП и тогда мы имели бы для каждого инварианта парадигматический ряд из шести вариантов. Однако наблюдаются некоторые ограничения на сочетание одного предложения с другим, впрочем, довольно условные. Ограничения связаны с наличием того или иного материала, используемого в качестве средства связи в лексическом составе предложения. Определенные способы образования требуют определенного материала. Условность же подобного ограничения связана с отсутствием «маркированных» классов логических синтагм. Мы уже говорили о том, что понятие «сильного» или «слабого» типа логических отношений весьма относительно, поскольку типы смысловых отношений регулируются, устанавливаются самим говорящим и всегда возможен переход одного типа в другой. Поэтому нам придется несколько абстрагироваться от гибкости системы логических отношений и условиться считать выделенные инварианты более или менее определенными. Перейдем к определению парадигм для каждого функционального класса. Останавливаться подробно на описании каждого из классов СП в данной работе не представляется возможным, тем более что в общих чертах такое описание сделано при характеристике инвариантов смысловых отношений, а также при описании способов, реализующих то или иное смысловое соотношение.

I (—л —вм) (—л —вм)

Данный инвариант реализуется только в СП присоединяющего способа образования, так как не имеет внутренних ресурсов для более контактного объединения. Было бы интересно проследить на каком-либо объединении, одного и того же лексического состава, как изменяются смысловые и грамматические отношения между частями в зависимости от изменения цельно-оформленности. Наш инвариант в форме СПП, т. е. при нулевой цельюоформленности, характеризуется предельной смысловой многозначностью.

1. Сочетание предложений:
Он шутил. Я злобствовал.
2. Сложное предложение:
 - а) бессоюзное сочинительное присоединение: *Он шутил, я злобствовал.*

Оба предложения допускают смысловые интерпретации и со смысловой точки зрения не отличаются друг от друга. Но дело в том, что в случае сочетания мы не обязаны видеть смысловую связь между предложениями. Мы можем игнорировать взаимосвязь «его шуток» с «моей злобой». Интонация СП, объединяющая простые, превращающая их в части целого, обязывает нас видеть эту связь. В этом смысле интонация не является чем-то субъективным. Она обязательна, функциональна, она официальный сигнал смысловой связи между предложениями, сигнал облеченный полномочиями грамматического характера.

- б) союзное сочинительное предложение: *Он шутил и я злобствовал.*

Для иллюстрации грамматического способа выберем в качестве средства связи какой-либо один сочинительный союз. Объединения при помощи других сочинительных союзов осмысляются как смысловые варианты и, следовательно, не включаются в парадигматический ряд данного функционального класса.

- в) союзное подчинительное присоединение: *Он шутил, потому что я злобствовал.*
- г) союзное взаимозависимое присоединение: *Он шутил, а я злобствовал.*

II (—л +вм) (—л —вм)

Инвариант может реализовываться всеми способами присоединения, не актуализируя отношений смыслового включения, в которых находятся составляющие его элементы. Из способов включения для него осуществимы сочинительное и подчинительное включение.

1. Сочетание предложений.
Я злобствовал. Он шутил над этим.
2. Сложное предложение:
 - а) бессоюзное сочинительное присоединение
Я злобствовал, он шутил над этим.
 - б) союзное сочинительное присоединение
Я злобствовал и он шутил над этим.
 - в) союзное подчинительное присоединение
Я злобствовал, потому что он шутил над этим.
 - г) союзное координационное присоединение
Я злобствовал, а он шутил над этим.
 - д) местоименное сочинительное присоединение
Я злобствовал, над чем он шутил.
 - е) подчинительное включение, имеющее несколько вариан-

тов, отличающихся друг от друга количеством средств связи.

1. *вм* — союз Он шутил над тем, что я злобствовал.

2. «0» — союз Он шутил , что я злобствовал.

Этот вариант предложения звучит не совсем приемлемо, потому что введенное нами включающее местоимение, вероятно, не очень сильно «притягивается» глаголами. Понятие предикатной валентности, хотя и отличается неопределенностью, имеет достаточно большое значение для организации СП. Слабые «аргументы предиката» в роли включающих местоимений не допускают ни своего устранения, ни устранения второго средства связи (союза) в пределах СП, т. е. ограничивают парадигму инварианта, не допуская образования предложений способом бессоюзным и безместоименным. Если заменить в нашем примере включающее местоимение, то можно получить более или менее приемлемую трансформацию подчинительного включения в безместоименный вариант:

3. *вм* — 0. Он так шутил: я злобствовал.

ж) сочинительное включение

Этот подспособ предполагает способность к разрыву одной структуры другою, но наш пример имеет настолько сжатый состав, практически одно ядро, что передвигаться как-то не в чем. Распространение главного предложения в этом случае должно помочь:

Вчера среди незнакомых людей он шутил (я злобствовал) громко и непринужденно.

Естественно, трудно ожидать, чтобы все предложения образовывали одинаково стилистически безупречные предложения всеми возможными способами, но нашей задачей является показать принципиальную возможность такого образования для каждого случая.

III (—л +*вм*) (—л +*вм*)

Смысловая взаимная зависимость в форме СПП выражается слабо и воспринимается как смысловое пересечение, что вполне объяснимо, так как одинаковые включающие местоимения в конечном счете являются общими лексическими элементами. Поэтому данный инвариант и реализуется в форме СП образующих присоединяющими способами, а также способом координационного включения.

1. Сочетание предложений

Он шутил над этим (или оттого). Я злобствовал над этим (или оттого).

2. Сложное предложение

а) бессоюзное сочинительное присоединение

Он шутил над этим, я злобствовал над этим.

Аналогично предыдущим примерам может быть образовано СП б) союзным сочинительным присоединением, в) союзным подчинительным присоединением, г) союзным координационным присоединением,

д) координационное включение:

Он шутил над тем (оттого), над чем (оттого) я злобствовал.

IV ÷ VI (+л) (-л)

Парадигмы следующих трех классов не отличаются друг от друга с точки зрения грамматических вариантов. Для всех них возможно образование СП союзным и бессоюзным присоединением, а также координационным включением. Для каждого из классов возможны самые разнообразные смысловые варианты, которые мы довольно подробно рассматривали при описании способов, реализующих основные смысловые отношения в каждом инварианте. Поэтому ограничимся лишь краткой иллюстрацией отношений чисто смыслового пересечения. Смысловое пересечение может подчеркиваться, если оно реализуется в СП, образованном способом координационного включения. Парадигму данного инварианта, кроме координационного включения, составляют четыре подспособа примыкания (бессоюзное сочинение и союзное сочинение, подчинение и координация).

1. Сочетание предложений

Он шутил всегда. Я злобствовал всегда.

2. Сложное предложение (приведем иллюстрацию только координационного включения).

Он шутил всегда, когда я злобствовал.

Итак, шесть функциональных классов СП могут быть сгруппированы в систему по противопоставлению выражения в них смысловых отношений. I, II и III классы противопоставляются IV, V и VI в плане смыслового пересечения, которое находит отражение в лексических повторах. Внутри этого общего противопоставления I-и IV классы объединяются логическими отношениями, которые можно назвать отношениями смысловой независимости. II и V функциональные классы объединяются друг с другом отношениями смыслового подчинения между частями синтагмы. III и IV класс характеризуются отношениями смысловой координации. Логические отношения между элементами инвариантов находят отражение, более или менее актуализированное в средствах связи. Таким образом, достаточно четко выяснилась роль средств связи в организации СП, состоящая в совмещении выражения определенных логических отношений с выражением чисто грамматических функций.

Кроме того, предложенное описание СП позволяет предположить, что следующий уровень над предложениями имеет право на существование в системе языка как самостоятельный особый уровень. Уровень сверхфразовых единств, как более высокий уровень по сравнению с уровнем предложений, должен характеризоваться не только тем, что состоит из нескольких единиц предыдущего уровня, но нести в себе какие-то качественно новые признаки. Смысловые отношения в пределах логической синтагмы — и есть то новое, что отличает единицу семантического уровня от правильной комбинации предложений, строящейся по законам СПП. Выделенные инвариантные единицы логических отношений могут быть предложены в качестве простейших инвариантных единиц семантического уровня. Для выражения смысловых соотношений в СП оказались определяющими именно включающие местоимения. Роль включающих местоимений в СПП могут выполнять и полнозначные лексические элементы. СПП имеет, кроме того, свои специфические средства выражения смысловой связанности. Однако это различие в средствах связи не опровергает общих типов смыслового соотношения, могущих возникать как между частями СПП, так и между частями СП.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7, М., 1956, с. 466.
2. В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 133—134.
3. Т. П. Ломтев. Природа синтаксических явлений (природа синтаксических единиц и систем их отношений). — В сб.: Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса. М., 1960, с. 6—7.

ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЭСТОНСКОЙ ССР

В. В. Мюркхейн

1. Для русских народных говоров в целом характерно многообразие способов образования форм сравнительной степени, сложные взаимоотношения формообразующих средств, а также действие на разных территориях различных тенденций в формировании тех или иных структурных моделей форм сравнительной степени. Отдельные диалектные системы противопоставляются друг другу и литературному языку не только набором формообразующих элементов, но и соотношением основы исходной формы с основой сравнительной степени.

Повсеместно распространенные суффиксы сравнительной степени **-е**, **-ше**, **-ее** и **-ейше**, хотя и восходят генетически к общеславянским суффиксам компаратива **-*jъs** и **-*ějъs**, в современных говорах не закреплены за определенными основами [13, 132—138]. Процесс перераспределения формообразовательных средств в говорах происходит в различных направлениях и с разной интенсивностью на той или иной территории [2, 57].

2. В настоящей статье мы ставим своей задачей осветить основные пути и тенденции в образовании форм сравнительной степени в русских старожильческих говорах деревень Мехикоорма, Мерапалу и Педаспя (юго-западное побережье Чудского озера).¹ Это островные говоры на территории позднего заселения. Русские переселились сюда не одновременно, притом из разных мест. Старожилы все двуязычны, находятся в тесных всесторонних контактах с местным эстонским населением. В кругу семьи нередко пользуются эстонским языком. Развитие говоров происходило в условиях сравнительно слабого воздействия русского литературного языка и при отсутствии постоянных контактов с другими русскими говорами. Все эти

¹ Русские старожильческие говоры Мехикоорма, Мерапалу и Педаспя, имея известные различия в лексике и фонетике, почти не обнаруживают отличий в грамматическом строе. Поэтому мы объединили материал этих говоров при анализе форм сравнительной степени.

обстоятельства в известной мере отразились на системе говоров, однако по-своему на каждом из ее уровней и участков.

Что касается степени сравнения, то анализ материала показал относительную бедность формообразовательных моделей по сравнению с ближайшими материковыми говорами северо-западной зоны² и соседними островными говорами Латвии [10, 40]. Так, например, в наших говорах не зафиксированы формы с суффиксами **-оше**, **-ейше** (-айше), **-ейче** (-еиче), **-ае** (-ай), **-ощ**. В образовании форм сравнительной степени в основном здесь участвуют три суффикса: **-ее** (-ей), **-е** и **-ше**. Распределение суффиксов между группами основ также имеет свои особенности.

Рассмотрим распределение формообразовательных элементов на имеющемся фактическом материале, собранном автором и студентами филологического факультета ТГУ во время диалектологических экспедиций.

3. Суффиксы, восходящие к историческому — *ējs, представлены **-ее** и его вариантом **-ей** (фонетическое выражение **-ейе**, **-ей**, **-еи**, **-ьи**).

Наибольшее число образований с этим суффиксом дают односложные и многосложные основы на сонорные и губные согласные. Варианты **-ее** и **-ей** могут выступать как с ударением на гласном суффикса, так и без ударения. Формы с ударным суффиксом отмечены в словах: *хъланн'ейе*, *трунн'ейе*, *вкусн'ейе*, *слаб'ейе*, *видн'ейе* (исходная форма *видный* 'солидный, добротный', ср. *постройки*, *стали виднее*), *красив'ейе*, *быстр'ейе*, *хитр'ейе*, *смашн'ейе*, *пздзрав'ейе*, *лан'ейе*, 'ленивее', *висал'ейе*, *кисл'ейе*, *дабр'ейе*, *глуп'ейе*, *пбал'ейе*, *тапл'ейе*, *чарн'ейе*, *бал'ейе*, *здзрав'ейе*, *нав'ейе*, *нужн'ейе*, *птамн'ейе*, *сил'н'ейе*, *псватл'ейе*, *красн'ейе*, *длинн'ейе*, *смал'ейе*, *чарств'ейе*. С ударением на основе: *талков'ьи*, *интар'есн'ьи*, *красив'ейе*, *справн'ьи* 'исправнее', *стар'ейе* и др. От основ на шипящий согласный зафиксированы формы *сважэйе*, *гарачэй*.

Образования с суффиксом **-ее** от исконных основ на зубные и заднеязычные согласные зафиксированы в единичных случаях, что является типичным для русских говоров в их современном состоянии [2, 67]. Без чередования конечного согласного основы отмечены формы *сард'итейе*, *молбд'ейе*, *магк'ейе*, с чередованием — *хужэйе*, *пакр'епчэй*.

В формах *старее* и *тонее* наблюдается старое накоренное ударение. Как отмечает С. В. Бромлей, подобные формы сохранялись в московском наречии еще в первой половине XIX века [1, 33]. В настоящее время изоглосса этого реликтового явления проходит в основном по территории южнорусских говоров [2, 78].

² Мы проводим настоящее сравнение, опираясь на работу С. В. Бромлей «Формы сравнительной степени...» [2].

С накоренным ударением встречается и форма *добрее*, в которой ударение на корне поддерживается членными формами прилагательного *добрый*, широко употребляющегося в говорах в значении «хороший» и в силу этого довольно актуального.

4. Суффиксы *-е* и *-ше*, исторически восходящие к общеславянскому суффиксу *-*jъs*, в наших говорах сравнительно продуктивны.

Среди форм с суффиксом *-е* (фонетическое выражение *-э* или *-ы*) различается несколько вариантов основ. Преобладают образования от основ на шипящий, чередующийся с зубным или заднеязычным согласным в исходной форме. Эти формы сравнительной степени образуются как от исконных основ, так и от основ, исторически принадлежавших к формам с суффиксом *-ее* (*-*ějъs*), например, от основ типа *сух-*, основ с суффиксами *-к-*, *-ок-* и др. Ср. *бл'ужы, р'ежэ* (исходная форма *редкий* 'не плотный' — *редкая материя*), *паужы, бахачы, маложы, павышы, слажы, т'ышы, пахужы* (исходная форма *худой* 'плохой'), *дарожэ, плбшэ, пачышы* (исходная форма *частый*), *чышы, пагужышы, папрбшэ, м'елчы, карбчы, пайбчэ, жбчэ*.

Кроме того, с суффиксом *-е* образуются формы от основ на сонорный и губной согласный. В числе их имеются образования от исконных односложных основ на сонорный — *тбн'е, мбн'е, ббл'е* (в значении «выше»: *Эви-та пббле Иры*), *шбр'е*. Вторичные образования, как правило, от двусложных основ на сонорный и губной согласный: *т'ажэл'е, здарбв'е, крас'ив'е, с'ард'йт'е, д'аш'евл'е, шаршбв'е, култ'урн'е, спакбйн'е, шшадр'ив'е* (от *шшадри-вый* 'веснушчатый'); от односложных основ — *стбр'е, дббр'е, прбзн'е* 'свободнее'.

Все формы сравнительной степени с суффиксом *-е* характеризуются ударением на основе. Последовательность этого явления нарушается наличием некоторых форм с ударением на суффиксе, употребляемых нерегулярно, например: *пбсв'итл'э, кругл'э, здбрав'э, пббыстр'э, дабр'э, пбгар'ачэ, пбсм'ал'э*.

Имеется мнение о том, что как формы с ударением на суффиксе *-е*, так и формы с ударением на основе (типа *тяжеле, здорбве*) являются результатом фонетического процесса стяжения [16, 5, 16]. Теоретически это возможно вследствие внутренней структуры форм сравнительной степени, содержащих *ј* в интервокальном заударном положении, что исторически обусловило развитие процесса стяжения в данной категории [6, 79].

В обследованных говорах результаты процесса стяжения широко известны в именах прилагательных: в формах имен. и винит. падежей ед. числа женского рода и во множественном числе [9, 127]. Однако не следует думать, что все образования сравнительной степени с суффиксом *-е* появились в результате стяжения. Формы с ударением на основе по своему лексическо-

му составу, месту ударения и структурным признакам основы совпадают с вторичными образованиями на **-ше**, что свидетельствует о их морфологическом происхождении. Объяснение морфологической природы образований на безударное **-е**, данное С. В. Бромлей, представляется убедительным [2, 79].

Свидетельством различного происхождения образований на **-е** с ударением на суффиксе и с ударением на основе может служить наличие некоторых параллельных форм типа *дóбре* — *добрé*, *здорóве* — *здоровé*, имеющих определенные семантические различия. Так, в форме *дóбре* закрепилось значение «лучший», в форме *добрé* — «отзывчивый, не скупой». Ср.: *с'авóнн'и пагóда дóбре как фчарá, этá п'эчка ф т'аб'á дóбр'е стáрзй* — *младша дачкá дабр'е фс'авó мн'е пр'ивóд'ит, схад'и к Клар'и́сы тáйа п'здабр'е мóжыт дáст'ит*. Форма *здорóве* наследует значение «лучшего здоровья», *здоровé* употребляется со значением «выше, больше». Например: *ана фс'у жыс' н'и рабóтафшы а н'и здарóве как йа, з'имóй сафс'эм плахá была а т'ап'эр' п'здарóве стáла* — *такóй бал'шунный мушы́на зд'рав'е Ивáна*.

Следует думать, что фонетическое происхождение имеют не только формы с ударением на суффиксе **-е**, но и с ударением на основе, такие как *культóрне*, *споко́йне*, *сердíte*, и некоторые другие, имеющие соотносительные формы в группе образований на **-ее**.

5. Суффикс сравнительной степени **-ше** (фонетическое выражение **-шэ, -шь, -шы**) охватывает различные типы основ и в целом ряде случаев вытесняет параллельные формы с суффиксами **-ее** и **-е**.

От односложных основ на сонорные зафиксированы следующие образования: *бóл'шэ, м'эн'шэ, тóн'шэ, дáл'шэ, стáршэ* и *стáршы, шы́ршы* 'шире', *ды́л'шы* 'длиннее', *дл'и́н'шы*; от двусложной основы — *т'ажэ́л'шэ*. От основ на губные, переднеязычные и заднеязычные: *кр'э́пшэ, глы́пшы* 'глубже', *сла́бжэ* и *сла́пшы, краси́фшэ, здарóфшэ, лóтшы, м'а́гышы* и *м'а́кшы, л'э́хшы* и *л'э́кшы*.

Словоформа *лóтшэ* может выступать в вариантах *лóчшэ, лóччэ, лóтчэ*, отражая различные фонетические видоизменения исходного согласного основы и суффикса. В единичных случаях вместо формы *кр'э́пшэ* употребляется вариант *кр'э́пче*.

Форма *стáрше* и параллельные образования *стáрее* и *стáре* при обозначении возраста в смысловом отношении непосредственно соотносятся с исходной формой *стáрый*. Ср. *Л'и́за со́рэк п'ат' гот стáрзйа З'ина́йда стáршы йа́йó на два м'эс'ица, йа с'эмд'ис'ит п'ат' год стáрзйа ана н'и стáр'ейе как йа, мál'иц два года стáрый Т'ийна пастáршы йавó на гэ́т, зд'ес' ана сн'омшы васм'ина́цэт' гот стáрзйа* 'она сфотографировалась, когда ей было восемнадцать лет'. Данная особенность возникла вслед-

ствие широко употребляющейся в говорах лексико-семантической кальки с эстонского языка *ma olen kolmkümmend üks aastat vana*, буквально: *я тридцать один год старый*.

В ненормированных разновидностях русского языка суффикс **-ше** отличается наибольшей продуктивностью в просторечии [5, 236]. В большинстве говоров формы сравнительной степени на **-ше** образуются лексически ограниченно, в основном от основ на сонорный согласный [11, 131]. Лишь в некоторых говорах центральных районов РСФСР возможны образования от разных основ, но в отдельных говорах Брянской области формы сравнительной степени на **-ше** отсутствуют [12, 166—167; 169].

В обследованных говорах, как показывает материал, формы на **-ше** образуются от разных основ и довольно продуктивны за счет образований на **-е**, в меньшей мере на **-ее**. При анализе ста форм сравнительной степени, взятых подряд из сплошного диалектного текста, выявились следующие соотношения: 41 форма на **-ее** (-ей), 27 форм на **-е** и 32 формы на **-ше**.³

6. Определенное своеобразие рассматриваемой категории составляют широко известные в наших говорах образования с приставкой **по-**. Интенсивность форм сравнительной степени с **по-** отмечается и в некоторых других русских говорах [14, 120].

Приставка **по-**, как и повсеместно в русском языке, присоединяясь к формам сравнительной степени на **-ее** (-ей), **-е** и **-ше**, вносит добавочное значение смягчения или усиления степени качества [4, 290]. Ср. *та́йа, пр'áжа наб'ал'е́и, ваз'м'и́ рьб'ину пазд'рав'е́е, ал'е́н'ий мох пасв'атл'е́й, дамáшн'а́я калбасá навкусн'е́е чэм магаз'инна́я, там мох пагúшэ, катóра паúжэ канáва назывáицца, дай мне кан'ачóк пады́л'шэ* 'конец подлиннее', *г'ап'ер' жэнишынам жыс' пал'эхшы*.

Продуктивность приставки **по-** в наших говорах проявляется и в том, что она может присоединяться к непродуктивным архаичным формам сравнительной степени на **-ший** типа *лучший, больший*, почти полностью утратившим значение компаратива, а также к положительной степени прилагательных. Рассмотрим эти образования в отдельности.

В современном русском языке, как известно, формы на **-ший** употребляются в функции компаратива или в узком фразеологическом контексте, или в крайне ограниченных ситуациях [3, 209—210]. Присоединение приставки **по-** к этим формам в говорах как бы оживляет в них грамматическое значение сравнительной степени и расширяет границы употребления в качестве форм компаратива. Например: *в дóм'и н'ет па́ста́ршых л'уд'е́й, па́ста́ршый-та Ива́на был Сáшка, йоң спал с па́бóл'шым мал'чóнкэм, па́бóл'шый цыпл'áта вс'о н'ервыи л'эзут, атт'ира́й-*

³ Относительно высокий показатель форм на **-ше** объясняется отчасти и частотой употребления таких слов, как *больше, меньше*.

ут *мáл'ин'к'их*, *палúчыыва си'б'е* нашлá мужыкá 'мужа', *ад'эн' палúчыи плáт'я*, в нас так завúт *пастáршых* как *друг'и*, *выб'ир'и* *пáбл'ших-та* *йáбл'чкаф*, *катóрыи пáбл'шыи т'е уж б'эгэйт*. Однако в целом ряде аналогичных образований значение сравнительной степени не ощущается, ср.: *пастáршый-та сын был в Рас'ейу ушбфшы*, *палúчных фс'и хат'ят*, *пахúдных-та н'икóму н'а нáда*.

В отдельных случаях формы сравнительной степени создаются присоединением приставки *по-* к элативу, например: *там пáтлстых жéншын была*; *нал'ей пáкр'епчыыва чайа*; *зарáбóтаит*, так *пал'ишнее што н'и é купл'áит*; в ей *пайáрчый гóлэс чэм в т'аб'á* 'более звонкий'; *с'удá пáкр'епшыыва мат'эр'иша нáда*. По всей вероятности, это вторичные образования от обычных форм сравнительной степени с приставкой *по-*, о чем говорит и сохранение в некоторых из них шипящего согласного основы, характерного для образований с суффиксом *-е* (*пóкрéпчегó, пóкрéпшегó, пóярчый*). На основании имеющегося материала можно судить, что данные формы, а также образования типа *полúчыий, постáрший* изменяются по числам, родам и падежам.

Представляется затруднительным объяснить с полной уверенностью природу рассматриваемых форм. Несомненно одно: значение компаратива развивается в них спонтанно,⁴ и определенную роль при этом играет эволюция приставки *по-*. В данных говорах, как мы отмечали выше, довольно актуальны формы сравнительной степени с *по-*. Само значение этих форм — усиление или смягчение степени качества — сосредоточивалось на приставке в тех случаях, когда она присоединялась к формам со стершимся грамматическим значением компаратива (*лучший, старший*). Этот факт мог послужить исходным моментом для развития в приставке *по-* нового грамматического значения и включением ее в круг самостоятельных формообразующих средств степени сравнения. Подтверждением этого предположения могут служить случаи образования форм сравнительной степени путем присоединения *по-* к элативу (*было пóтлстых жéнщин*). Образования типа *пóярчий гóлос* или *пóкрéпчегó чая*, видимо, следует рассматривать как переходные ступени данного процесса. Не исключено, что это результат скрещенния двух способов в образовании форм сравнительной степени: традиционного суффиксального и нового, агглютинативного.

Среди славянских языков образование форм компаратива посредством приставки (частицы) *по-* известно болгарскому [8, 115] и македонскому [7, 199] языкам. В наших говорах подобные формы правомерно считать инновациями, развивающимися безотносительно к данным языкам.

⁴ Имеющийся материал по формам сравнительной степени русских народных говоров, а также контактирующий эстонский язык не позволяют говорить о каком-либо влиянии извне.

7. Формы превосходной степени образуются в основном по продуктивной для современного русского языка модели, состоящей из элемента *самый* и прилагательного в положительной степени [15, 151]. Эти формы выражают наибольшую степень качества, признака, присущего какому-либо лицу, предмету или явлению и выделяющего этим его из числа других. Ср.: *пашёл в самый б'енный калхоз, самыйа глуп'яа д'эфка была в д'ар'ев-н'и, самый тонк'ий бл'ин н'а кáжда д'евушка мóg'ит сп'еч, сама лучшэ л'акáрства, самый худб'ой мужык ей дастáлса, сама харóша рыб'ина в нас судáк, сама стáра в нас Мán'ушка Кэлка-кóва, сам'яа л'анáя бáба*. Превосходная степень может выражать и предельную степень качества или признака: *н'ёмцы пашл'и самый бал'шой с'ыл'эй, сам'яа глубóк'яа м'еста зд'ес', в нас сам'яа ук'с'яа м'еста*.

Компоненты данной аналитической конструкции могут выступать в стяженной форме, ср. *сама стáрша дачкá*. В отдельных случаях между ними отсутствует согласование: *сама лучшы б'ар'óзвыи драва*. Как единичный факт зафиксировано прилагательное в форме сравнительной степени: *д'ав'атайя вална фс'агда сам'яа бóл'шэ*. Подобные отклонения могут возникнуть под влиянием русской речи эстонцев.

В некоторых случаях форму превосходной степени образуют относительные прилагательные с суффиксом *-ск-*, выступающие в значении качественной оценки. Например: *самый д'ир'ав'ён'-с'к'ий разгавór* 'местная диалектная речь'; *самыи р'ус'к'ии тут Рыжбвы да Кэлкабвы* 'семья, не смешанные с эстонцами'.

Значительно реже превосходная степень выражается описательной формой, состоящей из местоимения *всех* и прилагательного в форме компаратива: *пашкшка был вс'ех с'ерд'йт'ее, он тут фс'ех бóл'шэ* 'самый старший по должности', *фс'их лучшы хоч'т быт'*.

Синтетические формы превосходной степени в наших говорах не зафиксированы.

Итак, анализ материала по формам степеней сравнения узкой группы говоров выявил много общего с литературным языком и другими русскими говорами как в распределении формообразующих средств по типам основ, так и в продуктивности тех или иных моделей. Это свидетельствует о том, что развитие морфологической структуры говоров происходит по закономерностям, присущим русскому языку в целом.

Вместе с тем, специфичность условий островных говоров породила ряд явлений-инноваций, из которых заслуживают особого внимания формы сравнительной степени с приставкой *по-*, присоединяющейся к элативу. Появление этих форм можно рассматривать как тенденцию к формированию агглютинативного способа в образовании форм степеней сравнения.

Своеобразие говоров составляет также параллелизм в употреблении различных форм сравнительной степени, образованных от одних и тех же основ (*тяжéле — тяжелée — тяжéльше* и др.). Это явление в значительной мере объясняется генетической неоднородностью данных говоров: в районах позднего заселения каждый новый приток населения приносил свои языковые особенности, вступавшие в сложные взаимоотношения в процессе формирования новой системы.

Постоянные контакты с эстонским языком и ситуация двуязычия не оказывают существенного влияния на развитие рассматриваемой категории за исключением частных проявлений в употреблении отдельных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей С. В. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VIII. М., 1955.
2. Бромлей С. В. Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа. — Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959.
3. Виноградов В. В. Русский язык (изд. второе). М., 1972.
4. Грамматика русского языка, т. 1, изд. АН СССР, М., 1960.
5. Еськова Н. А. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке. — Развитие грамматики и лексики современного русского языка, М., 1964.
6. Коготкова Т. С. Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к разным морфологическим категориям. — Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
7. Кондрашов Н. А. Славянские языки. Изд. II. М., 1962.
8. Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
9. Мюркхейн В. В. Фонетико-фонологическое и морфологическое описание старожильческого русского говора Мехикоорма Эстонской ССР. Канд. дисс., Таллин, 1970.
10. Немцева Л. Способы выражения степеней качества в русских старожильческих говорах Латвийской ССР. — Тезисы IV диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в прибалтийских республиках, Вильнюс, 1972.
11. Русская диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1965.
12. Русская диалектология, под ред. Н. А. Мещерского. М., «Высшая школа», 1972.
13. Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. II. М., 1952.
14. Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. — Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., изд. АН СССР, 1949.
15. Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952.
16. Филиппова И. С. Образование сравнительной степени в говорах русского языка. АКД. М., 1955.

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ВИД ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Х. И. Хейгер

В лингвистической литературе последних лет большое внимание уделяется проблеме языковых контактов. С этой проблемой связан целый ряд явлений, вызванных взаимодействием структур и структурных элементов двух языков, их взаимопроникновением на разных уровнях языкового строя.

Частным случаем взаимодействия языков является интерференция. Под интерференцией обычно понимается структурное изменение моделей языка вследствие введения элементов другого языка [10, 1]. Лексической интерференцией принято называть изменения в значении отдельных лексических единиц — в расширении или сужении объема значений, а также разные отклонения в системе значений соотносительных лексических единиц [1, 93]. Проявлением лексической интерференции является также калькирование слов, словосочетаний и значений по структурной модели другого языка.

В работах, посвященных изучению результатов взаимодействия языков, встречаются разные подходы к вопросу интерференции. Под интерференцией нередко понимают все обусловленные языковым контактированием изменения в составе лексико-семантических единиц языка, в том числе и лексические проникновения и заимствования. Наблюдаются попытки определить калькирование как частный случай лексического заимствования [6, 5; 5, 34]. На самом деле интерференцию следует отличать от процесса заимствования. При заимствовании иноязычное слово перенимается вместе с его материальной (звуковой) оболочкой и вещественным значением и воспроизводится путем приложения к нему грамматической и фонетической системы воспринимающего языка и таким образом переоформляется в соответствии с требованиями этого языка [3, 134].

При интерференции речь идет не о простом проникновении элементов другого языка, а о существенных изменениях в язы-

ковой системе, о перестройке элементов языковой структуры, типичных моделей одного языка под влиянием другого [2, 9].

В настоящей работе рассматривается вопрос калькирования как особый вид проявления лексической интерференции в двуязычном русском говоре Ийзаку в северо-восточной части ЭССР. На этой территории русское население длительное время (начиная с 12—13 вв.) контактировало с коренными жителями — эстонцами. В результате таких продолжительных тесных интрарегиональных контактов на территории бывшего прихода Ийзаку образовались поселения, характеризующиеся в настоящее время русско-эстонским двуязычием.

Русский говор данной местности, в особенности его лексическая система, подвергся значительному иноязычному влиянию. Наряду с различными лексическими проникновениями и заимствованиями наблюдаются слова и словосочетания, созданные по структурной модели слов и словосочетаний эстонского языка. Это не простое лексическое проникновение иноязычного слова в ткань другого языка, а явление, протекающее параллельно с заимствованием, но имеющее более глубокие последствия. Заимствуя новую лексику, говор усваивает вместе с ней и формальную структуру слов дающего языка. Таким образом создаются новообразования — калькированные слова, словосочетания, сохраняющие морфологическую структуру и семантическую мотивированность слов языка-источника.

Калькирование надо рассматривать как способ перевода структурной модели иноязычных слов и словосочетаний. При этом обязательным является перевод основы производного слова, выбор словообразующего аффикса чаще всего предопределяется сочетаемостью производящей основы с деривационными единицами калькирующего языка [4, 136—137].

Калькирование в исследуемом говоре представляет собой образование морфемных копий эстонских лексических единиц более сложного состава — производных и сложных слов и словосочетаний. По способу создания можно выделить 3 типа словарных калек: калькированные слова, словосочетания и значения (семантические кальки). К первому и второму типам калек относим слова и словосочетания, возникшие в результате буквального перевода отдельных значений частей слова или словосочетания в соответствии со строем и отношениями компонентов иноязычного оригинала. Во всех случаях сохраняется мотивированность соответствующего эстонского эквивалента.

Калькированные слова представлены небольшой группой производных слов: *рассмотр* 'осмотр' *läbivaatus*, *прогонка* 'перегон молока' *läbiajamine*, *прогонялка* 'молоко, прошедшее через сепаратор' *läbiaetud piim*. Приведенные существительные воспроизводят значение и составные части соответствующего эстонского сложного слова или словосочетания с префиксальным наречием:

приставкой обычно переводится значение эстонского префиксального наречия, оставшаяся часть слова или словосочетания передается суффиксальным образованием. Довольно редко источником производного слова является эстонское производное слово.

Однако чаще эстонское сложное слово калькируется словосочетанием, причем словосложения, состоящие из С+С или П+С, переводятся на русский язык, как правило, словосочетанием П||С. Приведем примеры: *маслина машина* 'маслобойная машина' < võimasin; *масло делали маслиной машиной*; *маслино молоко* 'пахта' < võiriim; *табашный кошелек* 'кисет' < tubakakott; *табашни кошельки разные были*; *иванский огонь* < jaanituli; *кровавая колбаса* < verivorst; *лесова* ~ *лесна свинья* 'кабан' < metssiga; *свиней лесовых много стало*; *курячий орел* 'ястреб' < kanakull; *кожаный мышшь* 'летучая мышшь' < nahkhiir; *приставна болезнь* 'заразная болезнь' < nakkushaigus; *стара мать*, *стара мама* 'бабушка' < vanaema; *стара мать умерла*; *дядявой сын* 'двоюродный брат' < onupoeg; *дядина дочка* 'двоюродная сестра' < onutütar; *братный сын* 'племянник' < vennapoeg; *детски дети* 'внуки' < lapselapsed; *старый малец* 'холостяк' < vanapoiss.

Иногда эстонское сложное слово передается таким же сложным: *рождень* 'день рождения' < sünnipäev; *ивандень* 'иванов день' < jaanipäev; или производным словом: *петушки* 'лисички' < kukeseened; *круговой* 'хоровод' < ringmäng; *в круговые тоже ходили* 'водили хоровод'.

Как показывает материал, эстонские сложные слова в русской речи населения исследуемой территории преобразуются в словосочетания П||С. Передача эстонского сложного слова русским словосочетанием вполне объяснима свойствами взаимодействующих языков. В эстонском языке неизменяемые и особенно сложные основы встречаются значительно чаще, чем в русском; производные основы, особенно префиксальные и префиксально-суффиксальные образования не характерны для эстонского словообразования [7, 60]. Поэтому, как нам кажется, не следует говорить в данном случае о словообразовательном калькировании — перенесении составных компонентов производного слова — аффиксов, основы, а лишь о преобразовании сложного слова в русское словосочетание прилагательного с существительным. При этом используются средства русского языка.

Различия в продуктивности способов словообразования эстонского и русского языков отражаются и в калькировании форм глагола, представляющих собой копии эстонских составных глаголов [9, 180]. Такие сочетания, состоящие из приставочного (иногда и без приставки) глагола и наречия, являются переводом соответствующего эстонского составного глагола, образованного из простого глагола и аффиксального наречия. Приведем ряд примеров: *гонять кругом* 'крутить' < ringi ajama; *гоня-*

ли вяном 'ручкой' кругом, пока масло не сойдет 'пока масло не собьется'; резать лес на зень 'валить лес' < metsa maaha lõikama; ехать скрозь 'проехать' < läbi sõitma; скрозь вси ворота надо ехать; ехать в кучу 'съезжаться' < kokku sõitma; сюда приехали в кучу; шить в кучу 'сшить' < kokku õmblema; сошьешь в кучу; скрозь вытягаты нить 'нить протянуть' < läbi tõmbama; уйти вон 'уйти' < ära minema; йона ушла от его вон; снимать лес на зень 'вырубать лес' < metsa maaha võtma; лес снимать на зень; лить наверх 'наливать' < peale valama; наверх лью этого кипятка; тянуть вон 'выкорчевывать' < välja tõmbama; лес с корнями тянули вон; поставить в середку '[в суп, тесто] положить, добавить' < sisse panema (lisama).

Наряду с калькированными словосочетаниями, в исследуемом русском говоре можно встретить и целые предложения, в которых элемент за элементом воспроизводятся структура переводимого оригинала. Например: Солнце вставая, идешь на работу и в солнца залеж домой 'при восходе солнца выходишь на работу и при заходе 'с заходом' приходишь домой' < päikese tõustes lähed tööle ja päikese loojanguga koju; я был восемь год 'мне было восемь лет, когда мать умерла; сестра-была пять год < õde oli viieaastane; я был 8 год старый < ma olin 8 aastat vana 'мне было 8 лет'; сам 70 лет был уже; кавалер был 27 год старый; мать 92 года стара була, когда померла; отец 72 года старый буде 'отцу исполнится 72 года' < isa saab 72-aastaseks; я стал восемнадцати год 'мне исполнилось 18 лет' < ma sain 18-aastaseks; мы были на ренти < 'брали землю в аренду' < meie olime rendi peal; скрозь окно глянешь 'смотришь в окно' < vaatad läbi akna.

В имеющихся в нашем распоряжении материалах отмечено и несколько фразеологических калек, появившихся в результате пословного перевода соответствующих иноязычных фразеологизмов. Это — сочетания слов, представляющие собой единое семантическое целое. Компоненты такого сочетания делексикализованы, не обладают самостоятельным значением, и употребляются в качестве элементов единого целого. Например: глаза мыть 'мыть лицо' < silmi pesema; в рождество елки жгли 'свечи на елках зажигали' < jõulu ajal kuuski põletati; йона все время что-нибудь промеж рук шевелё 'у нее все время пальцы не в покое' < ta kogu aeg midagi käte vahel liigutab; руки и ходя; без работы не сиди 'у нее руки в работе' < käed muudkui käivad, ilma tööta ei istu; в школе давали дома выучить в башку 'в школе задавали на дом выучить наизусть' < (koolis anti kodus pähe õppida.)

Фразеологические калки выделяются среди других калек большей спаянностью и меньшей мотивированностью компонентов сочетания.

Как показывает рассмотренный материал, калькирование в

исследуемом говоре заключается в первую очередь в воспроизведении мотивированности иноязычных слов и словосочетаний. Именно благодаря своей мотивированности наименование одного языка используется в качестве образца слова или словосочетания в другом языке [4, 11]. Но вместе с воспроизведением смысла иноязычного слова или словосочетания переносится и структура их составляющих элементов: эстонскому составному глаголу в говоре Ййзаку соответствует приставочный или бесприставочный глагол с наречием, пословно переводятся и сложные слова и словосочетания. Не наблюдается перенесения деривационных аффиксов иноязычного прототипа: все слова и словосочетания в русском говоре оформляются собственными средствами в соответствии с требованиями русской словообразовательной системы.

Семантическое калькирование — это перенесение значения лексических единиц из одного языка в другой по образцу иноязычного слова. В результате такого перенесения происходят определенные изменения в системе значений слов воспринимающего языка. При естественном контактировании языков (диалектов) в условиях двуязычия возможны весьма значительные сдвиги в семантике слов. Слова, значение которых частично совпадает в обоих языках, начинают уравнивать объем своего значения. Получив дополнительные значения под влиянием другого языка, они изменяют и свою лексическую сочетаемость.

Наряду с калькированными словами и словосочетаниями семантические кальки в говоре занимают значительное место. Чаще всего они связаны с увеличением смыслового объема слов под влиянием многозначного эстонского слова. Приведем ряд примеров.

поставить, — эст. *rapeta* — 1. положить; *надо поставить лука, перца; в суп почки, сердце поставя; дрожжи, хмель поставили в пиво; поставим дрожжи в тесто; туда и изьом и сметаны поставишь; капусту парили, поставили в котел*; 2. добавить; *соли поставлю; перца и лаврового листа поставишь*; 3. налить; *молока поставишь; поставишь воды наверх*; 4. намазать; *на хлеб поставишь варенье и йестишь 'ешь' и довольно*; 5. надеть; *венюк на голову поставила*; 6. засыпать; *крупы поставлю; сахару поставишь*.

держать, — эст. 1. *hoidma*, 2. *pidama*, 1. беречь; *йон деньги не держи 'не бережет'; что получише, держали 'берегли' на праздник*; 2. справлять, праздновать; *раньше целу неделю свадьбы держали; недавно рождень 'день рождения' держали*; 3. пасти скот; *в поле пошел восьми лет коров держать; сама в поле ходила и скотину держала 'пасла скот'*; 4. нянчить ребенка; *младшая сестра ребенка держала летом*.

резать, — эст. *lõikama*, пилить, вырубать лес; *зимой лес резали; резали все подряд: осину, ольху; режем на зен бревна*;

убить, — эст. *tarta*, *зарезать, заколоть; корову, свинью убили, на рынок свели; осенью овец убивали; отец убил муллика 'телку'*;

делать, — эст. *tegeta* — 1. *справлять, устраивать; в кого денег мало, тот праздников не делал; 2. бить масло; масло делали машиной 'масло сбивали маслобойкой'*;

3. *замочить; дождь делал мокрым (сено)*;

ходить, — эст. *käima*, 1. *находиться в брожении; дрожжи поставишь в пиво, йон буде ходить, как много поставишь, тогда как запянется; 2. подниматься; теперь не дожидая, когда дрожжи ходить буду, сразу замеса и сразу и пяку;*

водить, — эст. *viima* — 1. *возить, вести; лес коням выводили на озеро или к дороге; весной нагружаю лодья и вяду в Тарту; плоты вяли коням в Сыренец; рыбу тоже приводя в лавку;*

2. *носить, нести; увел волк овцу;*

мыть, эст. *pesema* — *стирать; раньше поставили пепеля 'пепла' в горшок, делали щелок, так и мыли, теперь и не знаешь, как мыть (белье); эта жича 'пряжа' не вымыта, как вымоешь, тогда как снег делается;*

готовиться, эст. *valmima* — *созревать, поспевать; черника скоро буде готовиться 'будет созревать'*;

глаз, эст. *silm* — *петля на спице; два глаза налицо, два глаза наизнанку' — так и вяжешь;*

гнездо, эст. *pesa* — *нора; лисица выкопла 'выкопала' дыру в гору, делае себе гнёзда и живё;*

мельница, эст. *veski* — *лесопильный завод; там больша была мельница, на мельнице бревна пиля;*

грязный, эст. *must* — *черный; раньше в нас грязни бани были, без трубы строили, все в середину топили;*

пол, эст. *rõgand* — *под; раньше хлеб на пол в печь ставили, теперь ставят на противене;*

грунт, эст. *krunt* — *участок земли; миза дала грунты; больша рента 'аренда' была, грунт маленький; казна продавала грунты; в меня грунт купленный был;*

ящик, эст. *kast* — *сундук; раньше приданое в ящике или кастии (эст. *kast* = ящик) держали;*

колесо, эст. *ratas* — *велосипед; на колеси ездить не знаю;*

старшие мн. ч., эст. *vanemad* — *родители; старши помёрши; здесь жили старши;*

Все приведенные слова обозначают новые по отношению к исконным словам значения, приобретенные по образцу эстонских слов. В большинстве случаев они ведут к развитию полисемии, расширению или сужению семантики слов. Расширение значения чаще всего связано с мотивацией соответствующего эстонского слова, смысловой объем которого часто больше слова воспринимающего языка. Перенесение значения в данном случае может произойти в результате возникновения каких-либо сход-

ных образных ассоциаций, которые для носителей говора представляются наиболее существенными. Часто наблюдается перенесение значения по сходству выполняемых действий: мыть — и лицо, и белье; поставить не только вещь на место, но и сахару, крупы, перца, соли; резать можно и хлеб и дрова, бревна, лес; водить можно и лес, и человека; функций: мельница — это место, где мелют муку и обрабатывают дерево — пилят доски, в эст. яз. соответственно (jahu)veski, (sae)veski; гнездо — это и птичье гнездо и лисья нора; пол — это не только пол в комнате (часто он называется мост), но и под; по сходству признака или формы: грязная изба и грязная баня 'черная баня'; толстая баба и толстый 'крупный' дождь; глаз — петля на спице.

Иногда калькированное значение придает более общему значению дополнительное, но более узкое: ящик 'сундук', колесо 'велосипед', старшие 'родители', грунт 'участок земли'.

В некоторых случаях новое и исконное значения удалены друг от друга настолько, что с трудом их можно назвать значениями одного слова. Например, **держать** под влиянием эстонского языка, кроме стержневого значения, может употребляться еще в ряде неблизких значений: 1. беречь, 2. справлять, отмечать, 3. пасти скот, 4. нянчить ребенка; грунт — и твердое основание под водой, твердое дно, и участок земли. Таких слов в исследуемом говоре всего несколько.

Расширение или сужение смыслового объема слов обусловлено и изменением связей между значениями одного из слов и является результатом семантических перегруппировок в словарном составе, вызванных развитием языка (8, 27). В данном случае сдвиги внутри значений определяются интерференцией, являющейся результатом взаимодействия языков в условиях длительного и интенсивного контактирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л. И. Баранникова. Сущность интерференции и специфика ее проявления. — В сб.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
2. Л. И. Баранникова. Проблемы интерференции и вопросы взаимодействия языков. — В сб.: Вопросы методики преподавания иностранных языков в связи с проблемой языковой интерференции. Саратов, 1966.
3. Л. П. Ефремов. Лексическое калькирование как перевод. — В сб.: Материалы V республиканской конференции по теории и методике преподавания иностранных языков. Алма-Ата, 1971.
4. Л. П. Ефремов. Повторяющее и варьирующее словообразовательное калькирование. — В сб.: Русское и зарубежное языкознание. Вып. 3. Алма-Ата, 1970.
5. И. Ф. Наркевич. Русские кальки в немецком языке. — В сб.: Вопросы германо-романской филологии. Ростов-на-Дону, 1968.
6. Л. Пеномаренко. Калькирование как вид влияния одного языка на другой. АКД, Киев, 1965.
7. Э. Пяль, Э. Тотсель, Г. Тукумцев. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллин, 1962.
8. М. М. Фомина. Лексика современного русского языка. М., 1973.
9. E. Väätäi, Eesti keele õpik, Tallinn, 1972.
10. U. Weinreich, Languages in Contact. New York, 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Э. А. Вайгла. Деминутивы эмоциональной окраски в русском и эстонском языках	3
Э. А. Вайгла. О переводе эмоциональной лексики (на материале переводов художественных текстов с русского языка на эстонский)	42
Ю. И. Минералов. К теории поэтического языка (о понятии морфосемантического уровня в русском поэтическом языке)	65
П. С. Сигалов. О роли семантического фактора в определении направления производности	84
П. С. Сигалов. Русские сативные глаголы	114
П. С. Сигалов. Русские аугментативные глаголы	140
Э. А. Флоренская. Проблемы парадигматики сложного предложения	155
В. В. Мюркхейн. Формы сравнительной степени в русских говорах Эстонской ССР	192
Х. И. Хейтер. Калькирование как вид проявления лексической интерференции	200

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 398. Труды по русской и славянской филологии XXVII. Серия лингвистическая. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор С. В. Смирнов, Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 15. VII 1975. Подписано к печати 15. II 76. Бумага типографская № 2 60 × 90¹/₁₆. Печ. листов 13,0. Учетно-издат. листов 14,25. Тираж 500. МВ 09159. Заказ № 3954. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II.

Цена 2 руб. 14 коп.